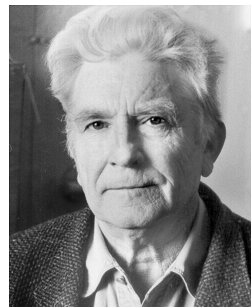

*Александр
Лухтанов*

БУХТАРМИНСКИЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ

Повесть

К ЧИТАТЕЛЯМ

Сия повесть есть не только плод неудержимой фантазии писателя. Она навеяна реальной историей жизни одной семьи, необычной и, по мнению автора, совершенно замечательной.

В не такие уж давние времена, до 1977 года, жил в алтайской тайге близ городка Зырянска знаменитый пчеловод Николай Иванович Лаврентьев. Истинный горожанин, он был интеллектуалом и настоящим интеллигентом, гостеприимным, общительным и... романтиком, влюбленным в природу и своих пчелок. В Зырянске его знали многие, в том числе и я. Приветливая его избастояла за Хамиром на живописной поляне среди леса и гор. За огородом бежала скачущая с уступа на уступ горная речка, с водопадами и голубыми омутами, называемая Большой. Тогда, в начале 50-х, Столбоуха была большим посёлком, «столицей» лесорубов, ещё живыми были лесные деревушки, и в том числе примерно в 7 километрах от Столбоухи Подхоз Леспромхоза из 15-20 дворов. Почти 40 лет проживал тут Николай Иванович с семьей и нисколько не жалел, что он, потомственный житель города, променял его на таежную пасеку. Об этом не совсем обычном человеке старший сын рассказывал так:

«Отец был очень самобытным человеком. В душе он был большим поэтом, восторженно любившим природу, и беззаветно был предан пчелкам, как частичке этой природы. Он утверждал, что на свете есть только три вида человеческой деятельности, достойных уважения. Это выращивание хлеба, возведение пчел и... разведение цветов. Он и в 60 лет, как мальчишка, весной перед домом бегал за журавлями: это же так интересно! О так называемом техническом прогрессе отзывался очень скептически и относился к нему с большой опаской. И, как показывает жизнь, – был в этом по-своему глубоко прав».

Такими же любознательными и влюбленными в родной край выросли трое его детей. Жизнь среди природы полна приключений. И хотя большинство здесь описанных – вымысел, автор уверен, что прототипы его героев поступали бы именно так, как рассказано в книге.

В книге затронуты темы истории Зырянского края, природы и животного мира. Дотошный читатель может заметить кое-какое несоответствие в датах. Действительно, отдельные эпизоды сдвинуты по времени. Так, основное действие происходит в 1953–1955 годах, рассказ о мостах и переправах соответствует примерно 1952 году, экзотические раскопки на Зырянском карьере (РОРе ЗСК) происходили в 1959–1960 годах, разведка и открытие месторождения на Чемчедае, как и падение ступеней ракет, – в 1978–1980 годах.

Что касается историй географических открытий и ученых-путешественников, то здесь все изложено реалистично, и автор лишь добавил к своему рассказу антураж, что можно понять и с ним согласиться. Надеюсь, геологи простят мою неудержимую фантазию в трактовке геологических процессов и рассуждений. На то он и есть приключенческий жанр с фантазиями и авантурными приключениями.

Часть 1

БУХТАРМИНСКИЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ

- Где же мы будем копать?
- Да где угодно.
- Как, разве клады везде зарыты?
- В том-то и дело, что не везде. Они бывают зарыты в каком-нибудь укромном месте – когда на острове, когда в гнилом сундуке под засохшим деревом – там, куда тень от сучка падает в полночь, – а чаще всего под полом в старых домах, где нечисто.

Марк Твен. «Приключения Тома Сойера»

Оплывина

Роман проснулся в неясной тревоге. Какой-то пугающий гул слышался со стороны горы. Казалось, дрожала земля. Роман что-то слышал о землетрясениях и подумал, что это оно и есть – трясение земли. Потом что-то мягкое толкнуло в стену дома. Изба вздрогнула и как будто осела, словно придавленная тяжелой подушкой. Все стихло, но теперь зашевелились мать с отцом, о чем-то негромко переговариваясь.

– Кажется, оплывина, – услышал Роман отца и взволнованный голос матери:

– Кабыть она и есть.

– Ну, мать, перекрестись, что не раздавило. Феофану спасибо надо сказать, что крепкую поставил избушку.

– Обожди радоваться, – остановила мужа Марфа. – Слышишь, трещат стены. Как бы бревна не разошлись. Ужо тогда точно придавит. А то и еще сверху сорвется.

– Не должно бы, первый удар самый страшный. Снег над нами спрессовался. Он теперь как бетон будет нас сохранять.

Ребята кучей сидели присмирившие, молча глядя, как мать зажигает свечку. Мертвая тишина наступила после зловещего шума, и даже потрескивание дерева под тяжестью снега прекратилось.

– Надо пробивать выход, иначе задохнемся. Мы же теперь закупоренные.

Отец неторопливо одевался, как видно, на ходу обдумывая происшествие.

– Сколько раз говорила я тебе, что отсель надо выбираться, – ворчала мать. –

Вот хлестануло так хлестануло, и в окне ни проблеска света. Ни звезд, ни неба.

– Какое тебе небо, когда снегом завалило. Со всех сторон обложило и сверху придавило сырой снежиной.

– Хватит балясы точить, – прервала его мать, – делом надо заниматься. И печку не затопишь. Небось, и труба под снегом.

– Тут сначала хотя бы дырку пробуравить, не то задохнемся. В другой раз такой удачи не выйдет. Прихлопнет, как в мышеловке.

Отец вышел в сени, распахнул дверь на улицу. Белая масса стеной преградила выход и даже не высыпалась в избу.

– Дед-то не дурак был, предусмотрел такую ситуацию, хорошо хоть дверь вовнутрь открывается. Бетон, голимый бетон, – попробовав на ощупь снег, определил отец.

Мать торопила:

– Теперь наваливайся, пробивай выход. Нам же еще скотину спасать надо.

В сенках был люк и на чердак, но на крыше снег оказался ничуть не менее плотным. Через него тоже не вышли на свет. Несколько часов кряду, сменяя друг друга, отчаянно долбили снеговую стену. Спрессованными глыбами завалили все сени, а конца-края снегу все нет.

– Наискосок, вверх надо бы, – командовал отец. – Сверху и снег не должен быть таким плотным, и к воздуху быстрее пробьемся.

С ожесточением вгрызаясь в тело лавины, отец старался вбивать отваленный снег в стенки, но они и без того были спрессованы. Закупоренные снегом, пленники потеряли счет времени и не знали, ночь еще или уже день. Туннель, круто поднимаясь, уходил в сторону лога.

– А как же речка? – встревожился Роман. – Затопит водой, и до нас доберется!

– Не должно бы, – сам себя успокаивая, отец, как видно, и сам не знал, что всех их теперь ожидает. – Вода сама пробьет себе выход.

С очередным взмахом лопаты черенок провалился в пустоту.

– Все, кажись, пробились.

Тусклый свет засветился в конце туннеля. Отец на корточках выкарабкался наружу.

– Светает, – доложил он. – Ну, скажу я вам, не узнать ни долины, ни речки. Одна белая целина. Теперь не один день надо раскапываться, иначе до июля не оттает. Зато и лесу навалило. Дров заготовливать не надо.

– Ты там не рассуждай впустую, не разглагольствуй. Трубу надо, трубу в первую очередь, её откупоривай, – торопила мать. – Надо оттапливаться, да и еду готовить.

День вставал хмурый, неласковый, но и не морозный. До вечера бились, раскапывая крышу. Трубу своротило снегом, но отец устроил дымоход, обложив выход кирпичами. Скотина – корова с бычком в хлеву – остались целы, как и сам хлев.

– Пронесло, – радостно твердил Петр Иванович. – Все живы, здоровы, а остальное дело наживное. Постепенно все устроится, и избу новую поставим.

– Только не здесь, – ворчала мать. – Хватит нам испытывать судьбу.

– Будем, мать, будем. Поставим хорошую избу на веселой солнечной поляне. Ни наводнения, ни оплывины будут не страшны. Как все люди, будем жить в Большой Речке, в Подхозе.

К вечеру обнаружилась еще одна неприятность. Снег стал пропитываться водой, а это означало, что подпитываемая речкой влага могла пробраться и в избу.

– Все одно, надо откапывать избу со всех сторон, – вслух рассуждал Петр Иванович, – так и так никуда от этого не отвертеться. Работенки на всех хватит.

Одно утешало, что скотина цела и даже сено в порядке. А значит, с голоду и семья не пропадет. Днем пришел сосед, молодой Загорнов. Смотрел, удивлялся:

– Ну, Петр Иванович, в рубашке ты родился. Ума не приложу, как изба уцелела.

– Бог хранит, бог добродетель видит, – объясняла мать, хотя и не верующая, но сочувствующая и бога вспоминающая так же, как своих родителей.

Роман смутно помнил, как летом в 46 году избу чуть не снесла река. Разбушевавшаяся от бурного таяния снега и непрерывных дождей, Юзгалиха, речушка, которую в сухую пору курице вброд перейти, вдруг стала страшной. Черная от мути, она бурлила, затопив берега, несла стволы и обломки кедра и пихты. Перекачиваясь по дну, глухо стучали каменные глыбы, и от их ударов вздрагивала земля. Отец суетился, перегоняя корову и лошаденку повыше от реки, перетаскивал инвентарь и все посматривал на реку: не затронет ли избу. Тогда натерпелись страху, но все обошлось. Вот и теперь едва ли не месяц кидали снег, не надеясь на весну, которая приходила в их лог лишь в конце апреля. От дома в сарай и хлев ходили по снеговым туннелям, а ведь в апреле уже надо выставлять улья для облета пчел. Иначе пропадут.

Пасека на Юзгалихе

Дико и неприветливо ущелье Юзгалихи. Крутобокие травяные откосы, чередуясь с каменными кручами и грядами темно-зеленых пихт, вздымаются вверх до самых белков. Вверху, в просвете между утесами, светлеет небо, зажатое обомшелыми скалами. Кудрявые кедры прилепились кое-где, кронами свисая в пропасть. А внизу грохочет, в белой пене злобно шипит речушка Юзгалиха. Сейчас она совсем небольшая, чистая и светлая. Скачет козликом, зажатая каменными обломками. Над рекой, пронизывая водяные струи, время от времени пролетает небольшая кургузая птичка, называемая водяным воробьем. Подрагивая длинным хвостиком, с камня на камень перепрыгивает изящная желтая птичка горная трясогузка. Бурундучишко, по-птичьи пискнув, мелькнул полосатой спинкой и юркнул в кучу валежника. Голоса птиц не смолкают все лето, и только зимой Юзгалиха замирает, заваленная огромными сугробами снега.

За горами, далеко над Тургусуном, все время громоздятся тучи. В полдень где-то там громыхает гроза, а здесь на Юзгалихе моросит дождик, и, бывает, как зарядит, так и шелестит совсем по-осеннему неделями. Как говорит Марфа, ссылаясь на слова своих дедов, там, в верховьях Тургусуна, «гнилой угол». От обилия влаги и растительность лезет, как на опаре. Скалистые «щеки» по руслу речки облеплены лепешками бадана, выше поля кипрея, приютившегося под пологом пихтача.

«Травяное безумие, – вздыхает Петр Иванович и вдруг спохватывается: – Но они же, эти травы, кормилицы наши. Не будь этого разнотравья, откуда пчелам

брать мед». Потом мысли его переходят на другое: «Будь он неладен, этот Феофан, – ворчит он на прежнего хозяина, – выбрал же место, где пасеку поставить. И жить опасно, и ни травы накосить для скотины, ни дров подвезти. Зимой, да и весной тоже, того и гляди, оплывина задавит, в мае остерегайся Юзгалиху. Разбушуется так, что и избу может снести. Не дай бог, не приведи господи!» Нет, вовсе не тяготится Петр Иванович ни своей работой, ни судьбой, ни жизнью в тайге. Напротив, на минутку остановится, оглянет все вокруг, и душа его растворяется в благостном восторге: «Боже, как хорошо!»

Петр Иванович приехал на Алтай в смутный и непонятный 37 год, когда ни в чем не повинных людей забирали, и они исчезали неведомо куда. Забрали и отца Петра Ивановича, известного в округе человека. Кто сменил место жительства, тот остался жив. Так поступил и он. Приехал бобылем – ни жены, ни кола, ни двора. Один потрепанный фанерный чемодан. Однако колхоз, куда вступил Петр Иванович, помог: выделил участок с полуразвалившейся избой умершего пчеловода Феофана Серегина. «Ты особо-то нос не вороти, – предупредил Волков, председатель, – у нас есть и такие, что до сих пор в землянках живут. В 30-е годы, когда пригнали, на зиму глядя, сколько душ померло! И язык-то особо не распускай. Работай да помалкивай. Так-то оно лучше будет, живее будешь!»

«Хороший совет, – уже и сам смекнул Петр Иванович, – жить-то оно все равно хочется. Но, однако, “Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву”, – в который раз пришла в голову местная поговорка. Избе все равно надо было пропадать, одна сырость, гниль да холод. Солнце, если бывает, светит всего часа четыре, а зимой и того меньше. Чуть просушит ночную росу, и снова тень».

Петр Иванович хоть статью не вышел, но лицо благородное, вовсе не мужицкое. Да и обхождение, манеры, разговор, а главное эрудиция – все выдает интеллигента. Оно так и есть – сам учитель, отец, дед и сестры – все учителя с дипломами и образованием. И не из сибирских краев, из России матушки, с Волги. Но так уж жизнь повернулась, что оказался за тридевять земель от родного очага. «Не было счастья, да несчастье помогло». Была и беда, и горе, а вышло все к лучшему. Помогло любительство, которым опять-таки занимались его предки и сам Петр Иванович. Теперь оно как нельзя лучше выручило, став основным делом, и Дементьев сейчас даже представить себя не мог без пасеки и раздолья на природе. Он и сам не заметил, как за годы жизни на Юзгалихе этот лес, цветущие поляны, звонкие ручьи и холодные речки стали для него родными, больше, чем земля, где родился и вырос.

Жена Петра Ивановича Марфа – из местных, работающая, хозяйственная, не избалованная, как бывают городские барышни. Хоть грамота невелика, но бог не обидел природным умом, таким, что образованному мужу всегда даст дельный совет. И Петр Иванович к ним прислушивается.

Крестьянский быт – это работа от зари до зари. С одной скотиной сколько забот! Огородик, и без него нельзя, магазинов здесь нет. Конечно, основная работа на пасеке. Целых двести ульев! А за пчелами большой уход нужен, и главное, любовь к делу. Без этого никак нельзя, равнодушия пчелы не простят.

Все дни в работах и заботах, но грех на судьбу обижаться. Вот и детям можно порадоваться, все в родителей пошли. Дома хорошие помощники, учителя в школе хвалят. Их у них трое: погодки Роман и Степан уже подростки, на два года младше Наденька, она же Лялька, она же Леля.

Экспедиция за ревенем

Снежную лавину, что скатилась с горы, всей семьей раскидали лишь к июню, да и то не всю. Выше же, по ущельям Юзгалихи и Большой Речки, остатки оплывин все еще возвышались обледенелыми снежными грудами.

Ранним июньским утром у пасеки Дементьева остановилась кавалькада всадников с четырьмя лошадьми.

– Едем за ревенем, – после приветствия пояснил бригадир совхоза из Столбоухи Куприян Гордеевич. – Говорят, у вас тут на Юзгалихе его шибко много.

– Много-то много, но надо знать, где его искать. Он же, ремень, таков: где много, а где и вовсе не найдешь.

– Вот я и хотел попросить тебя, Петр Иванович, отпустить твоих мальцов, чтобы показали. Уж они-то, твои орлы, все должны знать.

– Отпустить-то не проблема, да вот незадача – лежит там оплывина, как раз на пути, с зимы не растаяла. Юзгалиха там промыла себе выход, но ледяной свод так и висит над головой. Очень осторожно надо проезжать. Что ты, Марфа, на этот счет думаешь?

Петру Ивановичу явно не нравилась вся эта затея.

– Не дай Бог, может обрушиться в любую минуту. Над головой ледяная глыба тает, никто не знает, когда обвалится. Придавит не хуже бревна в кулеме. Тут недалеко по Большой речке лежит куча костей. Так же вот, как бывает в шахте, свод обвалился на коней. Так лошади и пропали. Там, если проходить под сводом, надо порознь, отдельно лошади и люди. А еще лучше обойти стороной.

– Мы так и сделаем, – согласился Куприян, – авось, пронесет.

До лога с ревенем километров, наверное, пять. Половина пути тропа, а дальше прямо по руслу. Воды еще порядком, где-то вброд, где-то по берегу. Сероватобелой глыбой встал на пути снежный арочный мост. Гигантская, частично обледенелая гора снега десятиметровой высоты перегородила ущелье. Настоящая плотина поперек реки, и хорошо еще, что вода пробилась сквозь неё и не только нашла выход, но своим дыханием протаяла туннель в виде ледяного грота. Противоположный конец едва просвечивался. Ширина моста по руслу, наверное, не менее 100 метров. Однако проход под оплывиной есть, и высота грота такая, что, не слезая с лошади, можно свободно проехать.

– И верно, нехорошее место, – остановившись, произнес Куприян. – Что, мужики, будем делать?

Спутники его, крепкие рабочие с Подхоза, посоветовались и решили рискнуть; время перевалило на вторую половину дня, и тратить его на обход по горам не захотели. Да и лошади без боязни под мостом прошли. Наломали ревеня на полные вьюки лошадям. Спустились из лога, уже начинало смеркаться, и собиралась гроза. Вот он и мост, надо бы скорее проскочить, но что это? Лошади прижали уши и встали как вкопанные. Стоят, ушами прядают и ни в какую, как ни понукай.

– Вот ведь, скотина, а чувствует, – недовольно проговорил Куприян. – За день подтаяло, однако, действительно опасно. Держится на честном слове.

– Животная, она лучше человека знает, где можно, а где нельзя, почуяли, что грот может обвалиться, – делились мужички. – К тому же и темно в туннеле, им и страшно. У них уши чуткие, наверное, слышат какие-то звуки, шорохи.

– А что делать? Обехать не получится, по сторонам сплошные скалы.

Куприян недолго думал:

– Придется взбираться на оплывину да по верху как-то переходить. Хотя и это тоже рискованно. А что делать, иного выхода нет. Вот беда: у нас ведь, кроме топора, другого инструмента нет.

Стали готовить вход на мост, на него ведь непросто взобраться. Надо было обрушить часть снега у склона, утрамбовать его. С полчаса, наверное, бились, но, с грехом пополам, какой-то вход соорудили. Странно, что лошади послушались пошли на снежную гору. И только вся кавалькада взгромоздилась на ледяную верхотуру, как хлынул сильнейший ливень, и снежная масса рухнула по всей длине. Вместе со снегом кувыркнулись, смешавшись в кучу: кони, люди, выюки с рассыпавшимся содержимым! Благо, остатки моста падали как-то замедленно, и никто из людей сильно не пострадал.

Братья шли следом, и Роман не заметил, как ухнул в темноту.

– Степа, ты жив?

– Здесь я, здесь! Испугался, а так ничего. Вроде бы цел.

Больше всего досталось лошадям. Испуганные, пытаясь быстро вскочить на ноги, они бились и барахтались, но, слава богу, не покалечились, хотя потоптали то, что весь день собирали.

Вспышки грозových разрядов ослепляли в темноте, после них ничего не было видно. Молнии втыкались в склоны гор то справа, то слева, и громыхало оглушительно и страшно. Под этот аккомпанемент целый час ушел на то, чтобы ощупью собрать остатки ревеня.

Тронулись в путь, а навстречу с факелом уже идут Петр Иванович и Марфа. Ничего не сказал Петр Иванович в ответ на сбивчивые слова оправдания Куприяна. Только Марфа позже ворчала:

– Впредь не потакай, держи свою линию твердо и не сворачивай. Не хотел соглашаться, так и стой на своем. Много их таких. Давят, а ты не поддавайся. Не мужик, что ли!

Братья

«Все мы лесные люди, – не раз говорил Петр Иванович. – Вот взять меня: прирожденный, потомственный горожанин. Учительствовал, как и мой дед, как и отец, а теперь не мыслю себя без леса и без вот этих гор с цветами, травами и пчелами. И никакой город мне не нужен».

И Рома слушает и мотает себе на ус. И правда, хорошо в лесу, но вот загвоздка: все самое интересное в мире происходит вовсе не в лесу, а в городах. Там наука, там делают открытия, изобретают машины, там есть искусство. Там кипит жизнь. Рома еще с шестого класса в школе прослыл энциклопедистом. Услышав это, Петр Иванович не удивился, а только сказал: «Читай больше книг, в жизни все пригодится». Степа тоже доволен, можно гордиться старшим братом, а Надюшка объяснила все по-своему: «Это от того, что папа выписал Большую советскую энциклопедию и чуть не каждый месяц приносит из Столбоухи толстые тома, пахнущие типографской краской и с множеством картинок».

И верно, энциклопедия – гордость библиотеки Петра Ивановича. Сухое изложение фактов, но масса информации. Сам он в нее заглядывает время от времени, а у Романа это книги для чтения. И все-то ему интересно: и техника,

и история, и география, и те же птицы, что снуют вокруг дома. А почему так, он и сам не знает. Любит он часами сидеть над картой, мысленно путешествуя по разным странам, а еще бы лучше – по своим местам. Он твердо уверен, что лучше Алтая нет гор на белом свете. И от книг по истории его не оторвать, а уж журналы «Техника молодежи» и «Знание – сила» прочитывает от корки до корки.

Отец, хотя и любит свое дело – пчеловодство и на прогресс техники по-смаатривает с опаской и настороженностью, любознательность старшего сына одобряет. Ему нравится, что у Романа развивается кругозор. «Как же, без этого нельзя, – говорит Петр Иванович. – Современный человек не может оставаться невеждой».

И Степан тянется к знаниям, но нет в нем той серьезности и упорства, что у Романа. «А может, это и к лучшему, – думает Марфа. – У человека должно быть и послабление в жизни, не одно только дело на износ. А наша лесная жизнь ой как тяжела!»

Степан любит ковыряться в технике и читает любые книги: приключенческие, про путешествия, про рыцарей, про войну. Рома и сам не знает, кто он: технарш или гуманитарий. Хочется ухватиться и за то, и за другое.

Конечно, отцу хотелось бы, чтобы дети пошли по стопам отца, можно было бы передать им свое дело, но тут уж как получится. А жаль бросать нажитый большой опыт работы с пчелами. В этом деле сплошные тайны, и кое-что Петр Иванович усвоил и открыл.

– Не неволь детей, – ворчит Марфа. – Пусть сами выбирают себе дело и занятие в жизни. Это ты лесной интеллигент, а им, может, хочется быть нормальными людьми. Знаешь же поговорку: «Жить в лесу – молиться колесу». Не каждому это по силам и по нраву. Мы-то старой закалки люди, а молодежь мыслит по-другому.

Как дальше жизнь у детей пойдет, никто не знает. А пока в свободное время у ребят забавы на реке, благо Большая Речка под боком. Там и водопады, и омуты под скалами, откуда можно лихо нырять. И, конечно, рыбалка едва ли не каждый день. Это вовсе не то сидение с удочкой в тихой заводи, похожее на дремоту. Тут азарт охотника, пытающегося перехитрить осторожного хариуса. И Надюшка неравнодушна к этому занятию. Все трое сидят, затаив дыхание, смотрят за мушкой, бегающей по воде. Она пляшет и скачет вместе со струей, в глазах рябит от мелькания солнечных искорок и брызг, а хариус ходит вокруг, и видно, как в воде ходят темные тени кругами. Радостно ёкнет сердце, когда лихорадочно вздрогнет мушка, а рыбка всплеснет и забьется, сверкая серебристой чешуей.

Роман со Степой на берегу заняты рыбалкой, а вокруг идет таежная, скрытная жизнь. Углубившись в свое занятие, братья молча таскают рыбку за рыбкой.

– Рома, ты там поглядывай за ведерком, – прервал молчание Степан.

– А что?

– А то, что норка тут шныряет. Смекнула, что можно пожитьяся.

– Она может. Дело нехитрое, а отваги и наглости у нее хватает.

– Вот-вот. У Опарина, соседа, сколько раз воровала. Он совсем глухой стал и видит плохо. А то, гляди, зимородок или оляпка уворуют, – усмехнувшись, добавил Степа. – Вон они, мимо так и сигают.

– Ну, ты рассказывай сказки!

Родной дом в лесу, а Роману со Степой и этого мало, соорудили свою потайную хижину, в самых глухих дебрях, в Фомкином логу. Хижина отшельника, крохотный самодельный домик, что-то вроде индейского вигвама, крытого корьем и куском брезента, выпрошенного у отца. Есть нары, столик и даже печечка, литая чугунная буржуйка, подобранная на месте брошенной заимки.

Здесь было полное уединение, и никто не нарушал покоя этого укромного уголка среди дремучего леса. Крохотный ручеек с кристально чистой водой струился совсем рядом. Лопушистые листья мать-и-мачехи обрамляли его, зеленой щеткой стоял частокол молодого хвоща. Постоянными обитателями здесь были изящная горная трясогузка и пестрые рябчики, любившие прилетать на открытый берег ручья, чтобы попорхаться в песке и поглотать мелкую гальку. Время от времени братья, то вместе, то поодиночке посещали свою потаенную хижину, находя здесь покой и тихую радость общения с диким лесом. Поздней осенью, когда на улице хмарь и слякоть, сиди в тепле и в окошко поглядывай. А лучше всего здесь просто мечталось и думалось о чем-то самом заветном и сокровенном.

За горными петухами

Медленно и как бы нехотя наступала весна. Но она уже чувствовалась по яркому сиянию солнца и нестерпимому блеску снега. Еще нигде не проглянула ни одна проталина, а тетерева уже волнуются. Не терпится им поплясать, свою удаль показать. Ходит тетерев-косач туда-сюда по ветке, вниз посматривает: не показалась ли земля? Снег еще не поплыл, а поверх льда на реках уже выступила вода. Днем она расплывается под солнцем, как сахар, поедая снег, а ночью вновь смерзнется желтым блином-наплывом, гладким, как стекло.

От нетерпения сердито бормочет себе под нос тетерев, будто грозит кому-то: «Продам шубу, куплю балахон». Вот заладил: ну и продавай, коли жарко стало. Скок-поскок, прыгнул на снег, походил по жесткому насту, опустив крылья и подняв хвост. Нет, неподручно голыми ногами по снегу-то шлёпать, взбрался опять на березу. Песенка тетерева вовсе не громкая, а разносится в весеннюю пору во все стороны, далеко по горам, по долам. На что Столбоуха большое село, а хорошо слышится на всех улицах тетеревиное бормотание, особенно по утрам. И Роме со Степой не терпится в лес не хуже, чем косачам. Сидят на уроках, в окна поглядывают.

Майским субботним вечером вся семья Дементьевых сидит у самовара. На завтра наметили поход за глухарями, и, конечно, разговор только об этом. Можно ли назвать охотой ловлю птиц петлями?

– Во всех книгах пишут, как весной охотятся на глухарей, – делился Петр Иванович. – Крадутся к токующей птице ночью, подсакивают, когда глухарь точит – шипит и щелкает. Любовь у него, и он, якобы, в это время ничего не слышит, глохнет. А вот у нас совсем не так. И глухарь наш совсем другой – черноклювый, горный, и вовсе он не тугоухий. А почему так – не знаю. Может, все врут? Наши ли охотники или российские?

– Да к чему это ночью по тайге шарашиться, заряд ружейный тратить, – вступила в разговор Марфа, – когда петлями куда добычливей охота бывает. Еще дед мой этих петухов так добывал. И отец, само собой. Потому наш глухарь и называется горным, что на горе его ловят. На равнине в России этот способ не пройдет, а у нас на Алтае того же косача, бывает, руками ловят.

– Как это? – не поверил Степа. – Тетерев – птица. Как его можно поймать, если он летает?

– Летать летает, да вот на ночь в снег зарывается. Если мороз за 30, может не только ночь, но и день там просидеть. Под снегом ему тепло, благодатно, да вот беда – когда он с березы вниз спрыгивает, на снегу след остается. Охотник идет, замечает: «Ага, здесь косачи с дерева спрыгнули». Ямки-то, они видны. Тихонько подкрадывается и... кошкой бросается и хватает тетерева. А то еще и сачком, так еще сподручнее.

– Да-а, – протянул Рома, – надо и нам попробовать.

– И не жалко вам, – вступила в разговор Надя, – как-то нечестно получается. Им и так тяжело зимой, а тут вы, будто голодные.

– Ну, не нам, так лисе на обед достанется, – оправдывался Степан.

– Это что, – опять взяла слово мать, – в бытность моего детства косачей было так много, что их ловили, сидя в специально вырытых ямах. Сверху укрыто все ветками, соломой, и снопики пшеницы – их называли кладью – для приманки расставлены. Тетерева глупые, лезут за поживой, а тут яма. Проваливаются, только успевай хватать.

– Это очень жестоко, и мне не нравится, когда вы называете тетеревов глупыми.

Надя не очень любила рассказы охотников, хотя частенько сопровождала братьев в прогулках по лесу, да и на охоте бывала не раз.

– Тут, Надюша, так, – за всех ответил отец, – или признавать охоту, или нет. А охота, между прочим, человека человеком сделала. На одних корешках да луковичках дикий человек гомо сапиенс бы не стал. А, впрочем, Надя, я с тобой согласен. Атавизм эта охота, должна бы отмереть эта страсть, а тянет. Так как, с нами-то завтра пойдешь?

– Пойду, пойду! – торопливо отвечала Надя. – Эти глухарки такие смешные! Ходят важно, вразвалочку и сердитые бывают, как индюки.

Ловлей глухарей по оттаявшим склонам занимались едва ли не все пчеловоды и жители Подхоза. У каждого свой путик – тропинка, по которой бегают или ходят тяжелые мощники, как называют глухарей за их солидность и вес. Именно ходят, а не летают. Зиму глухарь кормится в кедрачах на белках, а как горы оттают, летит вниз. Глухарь птица тяжелая, летает плохо, но вниз-то чего не лететь! Так разгонится, что и остановиться не может. Планирует, летит как тяжелый снаряд. Бах! – сел. Огляделся: «Эх, однако, перелетел, надо возвратиться чуток вверх». Топает на своих двоих, выбирая дорожку, где почище и кусты пореже. Что такое? Какая-то ограда поперек пути. Бежит вдоль нее, вот, кажется, и проход есть. Как раз то, что надо! Сунулся туда, голубчик, и готов! Головой прямо в петлю.

– Вот он, наш красавец, попался, как кур в ощип! – порадовался удаче Петр Иванович. – У меня их тут целых пять ловушек, будет ли еще? Как раз тебе, Надюша, на день рождения плов сделаем.

– Мне и одного хватит! – почти сердито отвечала Надя, жалея краснобрового черныша.

– И когда ты, пап, изладил все это? – имея в виду ловушки с загородками из хвороста, спросил Рома. – И петли из чего-то изладил.

– А вот пока вы грызли гранит науки, я и потрудился. А кто научил – так это же соседи наши надоумили. Здесь ведь все пасечники охотники. Даже мать наша,

она же из местных, науку эту знает. А что до проволоки, так голь на выдумки хитра, из брошенных автомобильных шин вынимаем. Стальная, не порвешь. Этого добра сколько хочешь, и главное, бесплатно, ничего не стоит.

Во второй ловушке ничего не было, а в третьей и в пятой опять удача. Двух положили в рюкзак, а третьего отпустили, благо он был жив-живехонек. Обработанный, быстро-быстро побежал в гору, совсем как это бы сделал домашний петух.

– Ишь, какой у него внушительный, сердитый вид, – весело сказал Петр Иванович, – давай, шпарь, да не попадайся больше! На развод, пусть живет, – добавил он, оборотясь к детям, – а нам, и верно, двух хватит. Бывает, и зайчишка попадается в эти окайнные петли. Вот ведь незадача, лезут почем зря. А может, и правда, пора кончать с этими ловушками! Мне ведь, Надюшка, и самому птицу жалко.

Сделав дело, все присели отдохнуть на прогретые, сухие кочки. Достали припасы из дома: яйца, сваренные вкрутую, черный хлеб и молоко! Со всех сторон, сидя в голых ветвях, рыженькие овсянки тянули свою нехитрую песенку. Лимонница пролетела, а солнце жгло так, будто на дворе лето.

– Ну вот, ребятки, кажется, неплохо мы провели день, – сказал, вставая, Петр Иванович, – теперь можно и домой. Глядите, клещей не наберите. Они сейчас даже голодные, так и лезут, спасу нет.

Таёжный край

«Тайга – это лес и горы без начала и конца», – пишет сибирский охотник и писатель 19 века А. Черкасов в своей знаменитой книге «Записки охотника Восточной Сибири». И далее: «Страшные, непроходимые леса скрывают ее внутренность, а топкие, болотистые кочковатые пади заграждают путь любопытному путешественнику. О дорогах и мостах тут и помину нет». Здесь речь идет о забайкальских лесах, вполне сравнимых с горной тайгой Южного и Западного Алтая, хотя есть и отличия. Во-первых, непроходимость создается не столько лесом, сколько буреломом, буераками и буйными травами, в дождливое лето достигающими высоты трех и более метров. Болот, тем более топких, таких, в которых тонут люди, здесь вообще нет. Есть сырые места, мочажины, поточины, сочащиеся водой. О дорогах и мостах за редким исключением тоже не приходится говорить. Есть тропы, и то далеко не везде, пробитые зверями или скотом, который гоняют на летние пастбища, на белки. Более заметны они в высокогорье, на альпийских лугах, на высоте свыше 1700 метров, ниже же быстро зарастают и поглощаются густыми травяными дебрями.

И сама здешняя тайга – это вовсе не сплошной лесной массив. Скорее наоборот, это чередование открытых пространств, обязательно заросших травами и ерником, как в Сибири называют густой кустарник, в основном состоящий из караганы (низкорослая акация, цветущая желтыми цветами), шиповника, жимолости и таволги и лесных массивов, чаще в виде «островов» – отдельно стоящих рощ, лесков, перелесков, колков. Настоящей тайгой можно назвать лишь сплошные пихтово-березовые леса по северным, более влажным склонам гор, да кое-где по долинам рек, где преобладает тополь и реже ива, пихта, черемуха, рябина. Южные покатости гор засушливы, лес там редок и ютится в основном по логам. Основные породы деревьев Зырянской тайги: береза,

пихта, осина. Выше, ближе к белкам, растут кедр и лиственница, не создающие больших массивов и образующие так называемые парковые леса с чередованием березового стланика и открытых пространств, занятых лугами, скалами и россыпями, называемых корумами. Сюда, на кедрачи, в прохладную зону, где меньше комаров, на лето поднимаются медведи, лоси, глухари, соболь, кедровки, сойки и оляпки. Есть тут и свои постоянные жители: сурки, сенокосы (пищухи), бурндуки. Такова в общих чертах зырянская тайга, хотя необходимо отметить богатство цветущего разнотравья, начинающегося ранней весной, когда южные покатоки гор вдруг вспыхивают сплошным ковром подснежников: леонтьиц, на смену которым чуть позже приходят луга и мочажины, розовеющие от сплошного ворса кандыков и белых розеточек ветрениц, прячущихся под пологом еще не одетого леса. Отцвели подснежники, а серые поляны и тенистые опушки загорелись пламенем жарков, называемых еще и огоньками. А дальше, в лето, цветущее разнотравье настолько богато, что цветов и не счесть: водяная калужница, яркая марья-коревна, алая зорька, выглядывающая из темени леса, кудрявая лилия сарана, одиноким стеблем возвышающаяся среди моря трав, и многие другие цветы.

Описываемый лесной уголок не столь уж удален от Большой земли – 45 километров от шахтерского городка Зырянска, 27 от поселка Путинцево. Зимой белое безмолвие и непроходимые снега. Посмотришь на деревеньку со стороны: из-за сугробов валит дым, избышек почти не видно, и заиндевелый лес стоит вокруг.

До появления русских в тайге бродили лишь охотники алтайцы. С открытием Зырянского месторождения в 1792 году этот таёжный край пыталось осваивать горно-заводское начальство рудника, когда сразу возникла острая потребность в строевом и крепежном лесе для поселка и шахт, в дровах и дегте. Всему этому препятствовала отдаленность, отсутствие дорог и река Бухтарма. Тем не менее вырубка, хотя и не интенсивная, шла, гнали деготь, чуть позже здесь одна за другой стали возникать пасеки. Главным богатством тайги весь 19 век были пушнина и мед. Все резко изменилось в 30-е годы, когда за дело взялась советская власть. Началась интенсивная вырубка леса, для чего в тайгу были вывезены сотни раскулаченных крестьянских семей, образовавших в описанном крае не менее 20 лесных поселков, главным из которых стала Столбоуха. Можно сказать, Столбоуха была столицей лесного зырянского края. В 50-е годы хозяевами в ней были Леспромхоз и геологоразведочная партия. Дом Дементьевых оказался на краю подхоза леспромхоза «Большая Речка», расположенного за рекой Хамир напротив Столбоухи. По соседству, в основном по логам, ютилось не менее 6 пасек и крохотный, умирающий Екипецкий поселочек.

Дом на солнечной поляне

Слова с делом у Дементьевых не расходятся. Через год на широком лугу, полном солнца и света, стояла просторная и светлая новая изба. С одного её бока гора, обращенная к солнцу, с другой – луг с родником у кромки пихтово-березового леса. В избе большая горница, отделенная от кухни большой печью. Четыре окна на две стороны, не считая кухонного. Веселый рубленый дом с цветными карнизами и под железной крышей. Через Большую речку перебираться не надо, и Юзгалиха больше не грозит.

Изба крестьянская, да не совсем. Конечно, батарейными радиоприемниками не удивишь, а вот стеллажами с книгами Петру Ивановичу можно было гордиться и удивлять любого местного гостя. Тут и художественная литература, и энциклопедия, а уж журналов – уйма. «Огонек», «Наука и жизнь», «Знание – сила», про «Пчеловодство» можно и не упоминать. А ведь за почтой надо два раза в неделю ходить в Столбоуху, а это почти 8 километров в одну сторону. А как же иначе, дети не могут расти неучами, считал Петр Иванович, а без книг образованным человек не вырастет. И не только образованным, а человеком вообще, так он считал.

У Петра Ивановича пчеловодство доходило до 400 ульев совхозной пасеки. Умопомрачительное количество, требующее работы от зари до зари. А Петр Иванович еще находил время полюбоваться лесом, птичками, цветами и всеми явлениями природы. Работа, работа. Кроме хождения за пчелами надо еще кормить себя и семью. А это скот, заготовка сена, ягод и дров на долгую, семимесячную зиму. Летом особенно большая нагрузка, зимой тоже на диване не залежишься: со скотиной забота, с дровами, надо огребаться от снега, иначе задавит и дом, и все постройки. А он все валит и валит, начиная с начала ноября до самого апреля.

И все же зимой некоторая передышка. Редкими вечерами, когда семья собирается дома, Петр Иванович при свете керосиновой лампы или самодельных восковых свечей читает «Войну и мир», Марфа Михайловна что-то штопает и тоже слушает увлекательное чтение.

Веселая поляна, веселая гора напротив. Зимой с нее и оплывины не страшны, и хорошо с нее стремглав прокатиться на санях. Сколько хохоту и смеха, когда зарюхаешься под горой в сугроб! Она же, эта горка, и весной первой освобождается от снега – иди и собирай подснежники! А чуть позже, в мае, июне жарками полыхает поляна за домом. Тенистый луг тянется до самого леса. Там, в лесу, птичий гам, а под окном тоже какая-то птаха распевает с утра до вечера.

Посмотришь со стороны – настоящий рай земной. Однако и он имеет свои особенности. Роман хорошо помнил, как мальчонкой пострадал от змеи. Тогда еще жили в устье Юзгалихи. И было ему лет шесть, еще не школьник. Родители с утра ушли на пасеку, а для присмотра за детьми приезжала бабушка Лукерья Егоровна. Ну а маленькому Роме поручалось не пускать скотину на сенокосные угодья (склон горы перед домом). Вот он в очередной раз «верхом на коне», на хворостине, босоногий мчится по тропинке. Обо что-то запнулся, упал, вскочил и дальше. Прибежал домой и жалуется бабушке, что больно ногу. К вечеру стало плохо, нога начала пухнуть. Пришли родители с пасек. Отец сразу понял, что укусила змея. Расковырял ранки и пытался выдавить и отсосать кровь, но время было упущено. Перетянули ногу выше колена жгутом, а к утру нога до пояса распухла. Жгут оказался как бы заплывшим так, что его с трудом развязали. Поднялась температура. Приходили бабки-знахарки с Подхоза, заговаривали и совершали всякие шаманские действия и наконец посоветовали смазать ногу дегтем. Отец незамедлительно это сделал, за что себя потом много и долго укорял, ибо на следующее утро вся нога стала сплошным волдырем. Какое-то время Рома был без сознания, и только через неделю едва сполз с кровати. А ходить начал, наверное, недели через две.

Змеюку эту Петр Иванович все-таки укараулил и убил. Размером она была, наверное, с метр. Редкий экземпляр чёрной разновидности гадюки. Да и вообще, змей там самого разного окраса, как и случаев, было великое множество. После

того у Романа инстинкт осторожности всегда срабатывал: прежде чем ступить или взяться рукой, – внимательно осмотрись.

Тогда жил во дворе большой мохнатый пес Шарик. И сторож отличный, и ребятишкам для забав, как ездовая собака, особенно по насту (чарыму) служил. На ночь его, как правило, с цепи отпускали, и он, наверное, считал своей обязанностью вблизи дома отлавливать змей. Иногда придушенных этих гадов он раскладывал возле крыльца по несколько штук. Морда его тогда была сильно распухшая. В такие дни на цепь его не сажали, он ничего не ел, пил только воду, ходил к реке и ел какую-то траву, похожую на осоку – лечился.

А однажды в доме, когда все ужинали, кот Василий вылез из-под кровати с еще шевелящейся змеей в зубах. Положил ее на пол и сел, взирая на всех и как бы вопрошая: молодец ли он? Конечно, молодец! Вообще, со змеями, медведями и еще кое-какими зверями и птицами приключений было немало. На то она и дикая тайга вокруг, вот гора напротив называлась Маралухой, хотя эти олени приходили редко.

Все лето суета, торопливая работа, лишь поздним вечером соберутся все вместе, а уж чтобы посидеть семьей за одним столом, так это возможно лишь в школьные каникулы. Долги зимние вечера – всего пять часов, до вечера вроде бы далеко, а уже темно, и с каждой минутой все плотнее сумерки. Потрескивают дрова в печи, и пламя, пробиваясь в щелки, отражается, играя огненным зверьком на белой стене избы. Там, у печи, ребята отогреваются, накуртавшись по снегу, хлопочет Марфа, гремя чугунами и сковородками.

– Батюшки, темень-то какая! – сетует она и зажигает восковую свечу, вставленную в стеклянную баночку.

Большая печь делит избу на две части – кухню и горницу. Сидя в полутьме, домочадцы дожидаются отца. Вот, кажется, и он гремит и шумит за дверью. Утолкавшись со скотиной, да и мало ли чего надо по хозяйству, Петр Иванович долго и основательно топчется на крыльце, отряхивая с валенок снег, и, распахнув дверь, вваливается в избу.

– Что-то у вас темнота такая, – говорит отец, – сидите, как мыши в потемках. Зажигай-ка, мать, лампаду! Свечи – это совсем тускло.

«Лесное электричество» – называет отец керосиновую лампу. Мать достает с полки лампу, называемую семилинейкой, долго протирает стекло газетой, зажигает и ставит на стол в горнице.

– Вот это дело! – весело говорит отец. – Как там ужин? Ребята-то уж, небось, заждались.

Почему лампу называют семилинейкой, никто толком не знает, даже отец. Но к этому названию все так привыкли, что и вопросов по этому поводу не возникает. Семилинейка и все тут!

Керосиновая лампа – почти роскошь. И керосин надо экономить, его трудно доставать, и стекло – драгоценность – не дай бог, может лопнуть. Чаще освещаются восковыми свечами – пасека же! Можно и каганцом, он же коптилка, жировик – примитивный самодельный светильничек из баночки с жиром и фитильком из тряпочки.

Хоть и небольшая, но гордость хозяйства Дементьевых – лампа «Летучая мышь». Это чудо техники – тоже керосиновая лампа, но с колпаком, и с ней можно ходить на улице, так как она не боится ветерка. На зависть соседям очень удобная

вещь. Семилинейка же, даже стоит только сильно хлопнуть дверью, может погаснуть. А этой хоть бы что – горит себе, был бы залит керосин.

Сидя за большим столом, семья ужинает, перебрасываясь репликами, а то кто-нибудь да и поделится случаем сегодняшнего дня, а то и из древних событий. Отец, побывавший на фронте, служил в военной разведке, но он редко рассказывает о войне. «Страшная это вещь – война, – говорит он, – даже вспоминать не хочется». А если изредка и поделится, то только не о боях и смертях.

– Пап, я вот думаю – как это ты из центра России забрался в такую глухомань? Была ли какая-то причина? – поинтересовался как-то Роман.

– Я что, – отвечал Петр Иванович, – ты вот спроси Андрея Федоровича Свирина. Он-то как, служа в лейб-гвардии полка капитаном, дворянин, как он, уподобившись отшельнику, поселился не рядом с поселком, как мы, а за 10 километров, в таежной чаще. Жил, на глаза никому не казался. Интересная у него история, еще со времен гражданской войны началась. Сам красавец, метра в два ростом, прихватил с собой служанку. Агафья-то Лукьяновна в молодости недурна собой была. Построил сначала землянку, потом избу, хозяйство завел, стал жить по-человечески. Кстати, говорят, что фамилия-то его произошла вовсе не от слова «свин», а от имени «Свен». Из шведов, выходит, он.

Петр Иванович задумался, а потом продолжил тихим голосом:

– Ты, сынок, понимать должен. Тех, кто из дворян, да еще и офицеров советская власть не привлекала. Сколько их, горемык, голову сложили в гражданскую войну. Да и потом не жаловали. Тут загадка скорее другая: как он цел остался. Впрочем, и тут объяснение можно найти. Значит, есть порядочные люди, не тронули. А он человек хороший, тихий, рассудительный, всем поможет, какая бы беда ни случилась.

К тому времени, как состоялся этот разговор, Свирина уже вышел из «подполья», переселившись поближе к людям. Двор его, целая заимка с большим домом стояла на отшибе близ Столбоухи. Ребята Дементьевы бывали у него не раз в гостях. Там впервые попробовали викторию, как называют в этих краях домашнюю клубнику.

Был у Андрея Федоровича и яблоневый сад. Правда, яблоки приземистые, с ветвями, стелющимися по земле. «Иначе замерзнут, – пояснял хозяин. – Климат наш не очень располагает к садоводству. Но ягоды – виктория, смородина растут хорошо».

Школа

Едва ли не главной проблемой лесных отшельников всегда была и будет учеба детей, и выход тут один – интернат. Советская власть, при всех её недостатках, уделяла большое внимание образованию (за что, нехстати, и поплатилась распадом страны). Интернаты были всюду, в том числе и в Столбоухе.

К первому сентября все ребятня лесного края, а это около 10 деревень и не меньше 25 пасек, собирается в этом школьном заведении, кому-то казавшимся домом родным, а кому-то казенным домом со всеми вытекающими последствиями, главное из которых тоска по маме с папой. Но и обитатели интерната не городские паиньки, мальчики и девочки, дальше своего города или пионерлагеря носа не совавшие. Бойкие ребята, знающие физический труд, за лето подзаго-

ревшие, поздоровевшие и окрепшие на сенокосах и огородах. Приключений у деревенских за три месяца каникул столько, что если все их собрать, получится целая книга. Книга сельского быта и жизни на природе. Общее почти у всех: работа в поле, рыбалка, встречи с дикими обитателями леса, походы за ягодами и грибами. Кто-то встречался с медведем, кого-то укусила змея, кто-то поймал очень уж большую рыбу. К сожалению, нередки и трагические случаи, хотя чаще это случается со взрослыми. Кто-то ушел в горы и не вернулся, кто-то утонул, кто-то упал с лошади и разбился, а бывает, что и на рога быка можно попасть.

Радость – встретиться с друзьями, но тяжело жить в казенном доме, где вместо мамы и папы чужие тети и дяди. Роман долго помнил, как мать приходила проведать его, долго искала по Столбоухе и нашла спящим, прикорнувшим на завалинке под весенним солнцем. Школа в деревне, да еще и интернат, – это совсем не то что городская школа. Интернат – это, хотя и не служба в армии, но явное посягательство на личную жизнь. Когда сам себе не принадлежишь, а подчиняешься твердому распорядку. Нет ни личного пространства, когда хочется побыть наедине с самим с собой, ни личного времени. Нет ничего своего, ни секретов, ни занятий, ни увлечений. Все вместе, все общее, все на виду. С одной стороны, это хорошо, по крайней мере, здесь приучают к труду, коллективизму и сельской жизни. Тут и уход за школьным огородом и скотом, вождение автомобиля и даже трактора. Да и букой не будешь, проведя столько времени в общежитии среди людей.

Полдня на занятиях, вторая половина опять в коллективе: общественная столовая с казенной едой, спортивные игры, приготовление домашних заданий и сон в большой комнате, похожей на солдатскую казарму. И так шесть дней, и лишь полтора дня свободы, когда в субботу после уроков, радостный, бежишь домой. Детям Дементьевых это более семи километров по лесу да еще и с переправой через Хамир. И как тут не запомнить каждую тропинку, ручей, бугорок, рощицу или даже каждое дерево! В погожий день одно удовольствие пройтись, почти пробежаться по знакомой дорожке, где все свое, родное почти так же, как свой дом. А в непогодь, в осеннюю слякоть или зимой, когда тропинка завалена снегом? Тут только жди, когда Петр Иванович приедет на своей Карьке, чтобы забрать детей, а заодно и почту в Столбоухе.

А переправа через Хамир чего сто́ит! Хамир – серьезная горная река. Зимой, с декабря по март, эту проблему решали намораживанием временного моста. А вот в половодье или после обильных дождей осенью на Хамир было страшно смотреть. Жителей пасек и двух поселков: Екипецкого и Подхоза с Большой землей связывает тоненькая ниточка лодочной переправы, ненадежная в большую воду, когда нужно преодолевать бурное течение разбушевавшейся реки. Роман не мог забыть трагический случай, случившийся весной с переправлявшейся оравой школьников.

В тот раз взрослых с ними не было, а самые старшие из всех, братья Султановы, решили показать свою удаль перед девчонками. Раскачали на стремнине лодку так, что она перевернулась, нырнула, ударилась о дно и была выкинута на поверхность. Большинство ребят каким-то образом успели обхватить руками скамейки в лодке и спаслись. А братья и восьмиклассница Нина Овчинникова – дочь пчеловода Нифонта Овчинникова – были выброшены из лодки. «Героям»

удалось спастись – зацепились километра через полтора за корягу, – а Нина утонула. И никто из взрослых не сделал из того случая вывода. Как плавали, так и продолжали переправляться и рисковать. Это уж позже, когда и Подхоз исчез, натянули пешеходный подвесной мост.

Каменщики

Учитель труда Артур Рихардович Шнель был любимцем интернатовских школьников. Между делом он рассказывал занимательные истории из своего революционного прошлого в Средней Азии. О том, как их военный отряд гонялся за басмачами, как сражался на фронтах гражданской войны, как влюбился в красавицу таджичку. Бывало, на переменах доставал аккордеон, и ребята под его тягучие вздохи с удовольствием пели пионерские песни.

Но прошли те времена, когда все это нравилось Роману. Теперь гораздо интересней было слушать рассказы учителя истории о прошлом их родного края.

– Ребята, – громкий голос Евгения Александровича, учителя истории, гипнотизировал класс, – вы знаете, что есть мировая история, история нашей страны, но есть еще и история нашего края, где мы с вами живем. Такая история называется краеведением. Это история наших дедов и прадедов. Да, это история маленького кусочка земли. Если посмотреть на карту нашей родины, то наш Бухтарминский край будет выглядеть маленькой точкой. Но от этого история его ничуть не менее интересна, чем история целой страны, тем более что кто-то из вас может задуматься: а ведь и мой прадед жил здесь в то далекое время. Эту историю вы не найдете в учебниках, я сам долго изучал ее, читая разные книги, собирал по крупицам сведения. Ходил по музеям, расспрашивал знающих людей. Занятная и увлекательная, скажу я вам, получилась картина. Вот я и хочу ее вам рассказать.

Весь класс замирал, слушая эти слова учителя, и даже самые отчаянные шаплуны забывали о своих проделках и проказах.

– Давно это было, – продолжал учитель, – двести – двести пятьдесят лет назад. По Бухтарме, по диким ущельям Холзуна и Листвяги, стали появляться доселе неизвестные люди. Бродяги не бродяги, бедные непонятные люди, одетые в дерюги и домотканые рубахи. Заросшие бородатые мужички, кто на лошаденке, с ружьем, а кто и без, пешим ходом, с топором за поясом. Были они голодны, промышляли кто во что горазд: кто рыбачил, ставя самодельные верши на Бухтарме, кто стрелял коз или ловил в западни и ямы шук. Прячась по диким ущельям, беженцы получили прозвище «каменщиков», ведь в России в те времена все горы называли камнем.

Народ голодный, и потому на все способный. Могли и отобрать у бродячих охотников-алтайцев еду и одежду.

К зиме сделали себе землянки, но пахать, сеять нельзя, потому что были они беглые, а пашня могла выдать их местонахождение. Следом посылались военные отряды, они рыскали, искали беглецов. Были среди них и женщины, но мало, не более одной на десять мужиков. Потому дрались или брали в жены местных калмычек. Вам, конечно, интересно знать, кто же эти беглецы. Это были старообрядцы, преследуемые властями за веру, и горнорабочие с алтайских, демидовских заводов, сбежавшие от принудительного и непосильного труда на шахтах. Эти заводы и шахты назывались тогда Колывано-Воскресенскими.

– А наш дед Селиван рассказывал о прежней жизни, – вмешался в рассказ мальчик Коля Зенков, – как молотили хлеб цепами, толкли зерно в каменных, самодельных ступах, и бывало, мед качали в земляные ямы, так как не было посуды.

– У них получилось не лучше, чем у Робинзона Крузо, – заметил другой паренек. – Тот с одного зернышка начинал. Нашел завалившееся где-то в щелке кармана и развел целую плантацию.

– Вы правы, ребята, – согласился учитель. – Робинзон, не Робинзон, а нашему мужику туго приходилось. Голод не тетка, а люди пришли с голыми руками. Не скопили никаких припасов. Да и откуда их взять, когда бежали тайком, боясь погони. Хотя бы самим целым остаться. Кору, бывало, толкли и ели. Крапиву, лебеду. Опять же в землянках жили. Прятались. Сколько людей померло!

Лес рук поднимался над партами, ребят живо заинтересовала история их края, но урок подходил к концу, и к огорчению класса Евгений Александрович признался, что он и сам во многих вопросах еще не разобрался.

– Честно вам скажу, – продолжал он, – история с каменщиками темна, как сама черневая тайга, и полна загадок. В свое время, в 18 веке, историки упустили ее. Когда спохватились, оказалось, что нет ни документов в архивах, ни сведений. Да и какие документы могли быть у беглецов, по существу у бродяг, скрывающихся от властей. Кое-что можно почерпнуть из донесений отрядов, разыскивающих беглых. Отчеты, приказы, распоряжения.

Первые известия о каменщиках поступили в 1761 году, когда были обнаружены две избушки на реке Тургусун. Там узкое ущелье, труднопроходимое. Потом стали известны поселения выше по Бухтарме, но ни слова о Хамире. Возможно, они были и здесь, но об этом нет известий. А о том, что русские знали эти места, говорят и названия: Громотушка, Логоуха, Столбоуха. Они упоминаются уже в источниках начала 19 века.

Из заслуживающих внимания документов есть лишь список некоего офицера отряда, в конце 18 века отправленного ловить беглецов, где он перечисляет таежные убежища – поселения каменщиков, жилища в которых нельзя назвать ни деревянными, ни земляными. В каждом из них по 2-5 хижин или землянок. Но этот список касается верховий Бухтармы, а про наши места ничего не сказано. По логике наша долина должна была заселиться одной из первых: широкий простор, нет теснин, возможность заниматься земледелием и охотой. С другой стороны, именно близость и доступность на руку властям и карательным отрядам. Здесь труднее прятаться.

Здесь прозвенел звонок, но школьники не расходились и, окружив Евгения Александровича, наперебой заваливали его вопросами.

Для Романа многое из рассказанной учителем истории было знакомо из разговоров отца с матерью, ведь их отец в молодости работал учителем в Усть-Каменогорске и многое знал из истории края. Теперь он вместе со Степаном не раз возобновлял разговор на эту тему. Всегда занятый, Петр Иванович не отказывался от общения, но чаще всего отвечал на бегу, между делом, кратко и торопливо. В основном его рассказы дополняли или повторяли то, о чем говорил учитель в школе.

– Опять о каменщиках рассказать? Что можно сказать о беглых людях, прятавшихся в диких горах? Считай, те же разбойники. Жили как первобытные люди.

Прятались по чашобам, друг друга боялись, жен воровали. Женщин-то было раз-два и обчелся. Если у кого была, то беда. Убивали мужика насмерть, чтобы женщину себе забрать. Таких убийцев мясорубами звали. Нелюди, хуже зверей. Было ли, не было на самом деле, давно об одном таком случае бают. Убегла в лес целая артель – семь мужиков и одна женщина с ними была. Сначала вроде бы дружны были, а потом один из мужиков ревновать начал. Ночью, когда все спали, взял топор и порубил шестерых мужичков, своих поделльников и соперников значит. В общем, жили, прозябали, и сами не рады были своему горю-жизтью. Тем более что еще приходилось и прятаться, так как посылались военные отряды, чтобы их изловить.

Братья молча осознавали услышанное.

– Пап, ты Расскажи про Селезня, что давеча нам говорил, – попросил Роман.
– Это поживее будет.

– Да, было дело, – начал Петр Иванович, – крутой мужик, так бы сейчас сказали про этого Селезня. Не раз он сиживал в остроге то ли за разбой, то ли за побег. Как ни посадят его, а он все равно убежит. Вот и в очередной раз сбежал, да еще и мужичков с собой прихватил, заранее подговорив. А куда бежать – два пути: на Уймон, в дебри Катунь-реки, или на Бухтарму.

Да, да, ребятаки, там, где сейчас санаторий «Голубой залив», 250 лет назад была глухомань, куда никто не решился пробраться, только беглецы – каторжане и кержаки. Да еще рыскали разбойнички, промышленявшие грабежами.

– Вот чудеса! – удивился Степа. – Какая глухомань, там всего-то реденький сосняк.

– А вот так, дело не столько в сосняке, сколько в отдаленности и безлюдье. В те времена в наших краях только изредка охотники бродили да бродяги – разбойники шастали. Разбоем промышленяли. Словом, сплошное беззаконие. Жили по принципу: кто смел, тот двух съел. По закону силы и тайги.

– Выходит, власть нужна.

– А как же, для порядка. Так вот, мы отвлеклись – продолжал отец, – шайку этого Селезня грабили, а он в отместку тоже грабил и убивал, пока воинская команда не взяла штурмом их крепость. После того как разгромили шарагу Селезнева, русские беглецы стали искать места подальше и еще поглуше. Так дошли до верховий Бухтармы, прятались по диким ущельям. И вроде бы самому Селезню удалось ускользнуть от солдат. Дальше его судьба неизвестна.

– А чья вся эта земля была?

– А тут трудно разобраться. Сначала считалось, что это Джунгария. После их разгрома китайцами на всю территорию претендовал Китай. Хотя, скорее, ничейная была земля. Бесхозная, как говорится. Вот русские после того поставили на месте заимки Селезнева что-то вроде укрепления. Так, больше для видимости, хотели проверить реакцию китайцев. Построили, а сами ушли.

– Ну и что китайцы? – теперь уже и Степа заинтересовался.

– Сожгли. Не понравилось им. Хотя тоже никакого гарнизона не оставили. А русские, наоборот, через двадцать лет прислали сюда команду и основали Усть-Бухтарминскую крепость и поселок при ней. Так Россия потихоньку расширяла свои владения, а тут представился удобный случай присоединить и весь Бухтарминский край. Достаточно было принять в свое подданство жителей этого края, то есть каменщиков. По совету властей из Барнаула, в 1792 году Екатерина II

«простила» их, после чего большинство каменщиков вышло из гор и поселилось в долине по нижнему течению Бухтармы, где удобно было заниматься земледелием. Так возникли деревни, о которых вы хорошо знаете: Богатырево, Быково, Сенная, Печи и другие.

«Да, не позавидуешь такому житью, – была общая мысль у Романа и Степы. – Какая уж тут романтика, хотя бы выжить. Не сдохнуть с голодухи, не попасться разбойникам и карательным отрядам». А еще сам собой возникал вопрос: как так получается, в школе историю учим разных там древних греков и египтян, а что творилось у себя, ничего не знаем?

– Это называется краеведением, – подсказал отец. – Обычно свою историю копают сами жители. Есть такие неравнодушные, что интересуются своим прошлым.

«Может, и нам этим заняться? – возникла мысль у Романа, и Степе она понравилась. – Да, жаль, книг об этом не найдешь. Мы же почти ничего не знаем о своем крае, где живем. Кто здесь раньше жил, когда сюда пришли русские, где были первые поселения? Найти бы хоть какие-то следы, порыться на чердаках, глядишь, попались бы старинные монеты или, например, кремневое ружье. Нашли же в Козлушке старинную фузею, говорят даже, что из неё стреляли».

– Что интересного ты собираешься найти в крестьянском дворе? – смеется Степан. – Горшки, ухваты, в лучшем случае утюг чугунный попадетя. Так у нас дома такой есть, и мама до сих пор им пользуется. Ну, сбрую, подкову старую найдешь. А насчет фузеи, тут неясно, говорят, что ее приволокли, то ли из Белой, то ли из Печей.

– Все равно где, но ведь нашли! Вот в газете писали, что в Зайсане откопали в каком-то дворе винтовку Пржевальского. Вся ржавая, она выставлена теперь в музей.

– Да, про сенсацию сообщили, но не добавили, что прятали эту винтовку в гражданскую войну от большевиков. Кстати, – спохватился Степан, – ты же знаешь старое кладбище в Столбоухе?

– Еще бы не знать, за околицей села, на опушке пихтача.

– А я там специально бродил, смотрел. Заброшенное, заросшее дикой травой. Деревянные кресты давно попадали, а некоторые и сгнили, но холмикам ничего не сделалось. Так вот, рассказывают, что там похоронен богатый купец, зарубленный красными, а где-то рядом его дочь зарыла клад из семейных ценностей. Целый ящик. А что в нем, никто не знает.

– Ящик? Если деревянный, то он уж давно сгнил.

– Может и сгнил, а может, он и не деревянный. Люди ведь соображали, когда прятали. Там и документы какие могут оказаться. От советской власти ведь все тогда прятали. Фотографии генералов, дворян, купцов до сих пор боятся показывать. Но это я к слову. А ты разве не слышал про это дело?

– Слышал, но как-то не придавал этому значения, да и не очень-то верил всем этим рассказам.

– А я знаю, что не раз делались попытки найти тот клад, но все безуспешно. Ни дочери того купца, ни родных их давно ведь нет. Копались тайком по ночам, да где там, в темноте, да украдкой. Летняя ночь коротка, пока то да сё, начнут рыть, а уже заря занимается. От народа стыдно, что гробокопательством занимаются. Быстренько зароят все назад, да еще и травкой надо прикрыть, чтобы следы спря-

тать. И стоит та могила, клад свой бережет. Кому-то денежки нужны, золотишко, а нам бы историю раскрыть. Там бумаги, документы могут быть. Смутное было время, почему зря людей убивали. Брат брата, бывало, не жалел.

– Степа, ты так увлекательно рассказываешь, что мне прямо сейчас хочется бежать и раскапывать тот клад.

– Надо с Пахомычем поговорить, порасспрашивать, он многое знает.

– Это тот дед, про которого говорят: «дед сто лет»?

– Он самый, ему далеко за 80, он помнит всю заварушку в наших краях, что была после революции.

– Как же, красный партизан! Кстати, как раз на этом его можно и поговорить.

– Да он уже этим не гордится. Хотя, может, что и расскажет. Занятный старик.

Пахомыч

Не откладывая в долгий ящик, вскоре братья были в избе старого партизана Пахома Ильича Свиридова. В темной комнате было не слишком уютно, чувствовалось отсутствие женской руки. Старик давно уже похоронил хозяйку и жил бобылем.

– Значит, интересуетесь, как была установлена советская власть в нашем лесном краю?

Пахомыч сделал остановку, закурил сигарку самокрутку из самосадочного табака.

– Да-а. А я, пожалуй, уже и сам забыл и запутался, как все это было. Убивали друг друга, махали шашками, головы рубили. В общем, была какая-то кутерьма с расстрелами, голодухой, разрухой, и так несколько лет. А что до советской власти, так это все было довольно мрачно. Пришли какие-то дяди в кожаных тужурках, перепоясанные ремнями и увешенные маузерами, и объявили, что установлена советская власть.

– Но как же, а ведь до этого были бои. Красные, белые. Нам даже в школе рассказывали про Малея, расстрелянного под березой около Шумовска.

Роман делал попытку разговорить оказавшегося довольно суровым и неразговорчивым Пахомыча.

– Красные и белые? Так это же и те и другие были наши же мужики. Крестьяне. И вовсе не значит, что красные это беднота, а белые – кулаки и богатые. Бывало и наоборот. Сейчас трудно разобраться, а тогда и вовсе все было непонятно, кто за что, кто против кого.

– А как же зверства беляков, о которых пишут и нам в школе рассказывают? – для затравки начал Степан. – В Зыряновске вон памятник стоит борцам за советскую власть.

– Я, ребята, вот что вам скажу. Вы меня не слушайте, я уже свою жизнь прожил, а у вас все впереди, и вы должны по-другому мыслить, чем я. А я же сам воевал и теперь виню себя за это. Братоубийственная та была война, и жестокость проявляли с обеих сторон, что белые, что красные. Вот вы говорите про Малея. А я сам был свидетелем, как убивали Кайгородова. Известный командир у беляков. Разгромили его отряд в Уймоне, сам он лежит, тяжело раненный, в избе. А наш красный командир подходит и добивает его. Как вам такая картина? Никакого

суда, хотя бы для видимости. То же проделали с другим белым офицером, известным атаманом из Усть-Бухтарминска Щербаковым. Все это рядом с нами. Тому голову отсекли при всем народе, где были женщины и дети. А что дальше было? Сплошной обман. Землю посулили крестьянам, а сами тут же отобрали не только землю, но и выращенный хлеб. Это что, как это назвать?

Пахом Ильич так разошелся, что ребята были уже и не рады затеянному ими разговору.

– Пахом Ильич, да мы по другому вопросу, – попытался изменить ход разговора Роман. – Земля слухом полнится, болтают, что рядом с вами клад зарыт.

– Это кто же вам сказал?

Роман замялся, не зная, что сказать, но Степа тут как тут:

– Как кто, знакомая вам наша школьная техничка Фаина.

– А, Фая, ну да, она могла кое-что знать. Ну, раз уж это не стало тайной...

Пахом Ильич вдруг заговорил сердито.

– А что же вы хотите, стать кладоискателями, и чтобы вам все преподнесли на тарелочке? Клады не так просто искать, вокруг них всегда тайна, разбойники, пираты. Их ищут, потом за него сражаются, проливают кровь. И что же это за клад?

– Говорят, вроде как дочь убитого купца где-то тут зарыла свое богатство.

– И вы верите этим байкам?

– Вот мы и пришли к вам разузнать.

– Хм-м. А вы бабу Анисью знали?

– Эту старуху, что была не в своем уме?

– Её, её.

– Еще бы не знать. Её вся Столбоуха знала, а некоторые даже боялись. Она же с топором на людей кидалась. А сама побиралась, пока не умерла.

– Да, было такое дело. Её как в молодости напугали, так до самой смерти не прошла обида и страх. Ведь дочь купца, про которую вы говорите, это и есть баба Анисья.

– Мы этого не знали.

Братья на самом деле очень удивились.

– А я, ребята, знал её, можно сказать, с детства. Мы тогда в Путинцево жили по соседству. Красивая была дивчина. Она на меня долго обиду держала, когда с её отцом так поступили. Я же в красном партизанском отряде был, хотя к смерти её отца никакого отношения не имел. Жила в одиночестве, ни с кем не дружила. Это уж потом отошла, я ей помогал, как мог, когда она оказалась в бедственном положении. Да, перед смертью она мне рассказала, что зарыла семейные ценности. И место показала. Тогда же до самого тридцатого года все отбирали, вплоть до женской юбки. Называлось раскулачиванием. Вот она что-то и припрятала, да так и не попользовалась.

– Невероятная история! – вырвалось у Романа.

– Тут много неясного, – в свою очередь отметил Степан. – Как получилось, что вы и она оказались здесь вместе в Столбоухе?

– Все очень просто. Я проработал всю жизнь лесником, а она пожелала поселиться рядом с могилой отца. Работала на почте в Столбоухе. Вы-то уже знали её только в старости.

– Значит, могила её отца здесь, в Столбоухе?

– Здесь, совсем рядом, где мы с вами сейчас находимся. Говорю, открывая чужие секреты, так как сам я уже слишком стар и надо кому-то передать эту тайну. Родных-то у Анисьи не осталось, мне тоже не долго жить на этом свете, а вас я считаю людьми достойными, так как знаю и уважаю вашего отца.

– А почему сами не воспользовались?

– Самому? Это в нашей-то убогой жизни? А почему ты не спросил, как так вышло, что сама Анисья не воспользовалась?

– Да, почему не воспользовалась?

– Вы же не знаете, что там закопано. И я, скажу вам, тоже не видел этот клад. Мне Анисья сказала так: «Там, говорит, Пахом, закопан фарфоровый чайный сервиз. Но сервиз не совсем обыкновенный. Дорогой, кузнецовской фирмы. А фирма эта гремела на весь мир. Говорит, малинового цвета сервиз на 12 персон». Вот сами и судите, зачем Анисье или мне эта ювелирная работа в крестьянской избе? А вы откопаете, если сохранилось, можете в музей сдать. Потому вам и доверяюсь. Возможно, и какие-то бумаги есть относительно её отца.

– Нам, Пахом Ильич, интересны бумаги для истории. Предметы старины, что люди привозили с собой, когда сюда бежали. Мы интересуемся, когда и как заселялся наш край.

– А вот тут, ребята, вы опоздали. Анисья когда умерла, через год снегом раздало её избушку. Она и так дряхлая была. Вот мальчишки и повадились бегать на развалины, рылись в рухляди. Показывали мне старые иконы, черные, закопченные. Анисья все это держала, хотя и не очень набожная была. Книжные талмуды там были, религиозные, конечно, старинные. Я-то всем этим не интересовался.

– А что за мальчишки? Может, у них все это сохранилось?

– И-и, и тут вы опоздали. Вы разве не знаете, что рыскал здесь один тип из Зыряновска. Все спрашивал про иконы и старинные книги. Он все и забрал, можно сказать, за бесплатно ему все отдавали. Зачем нашему человеку это старье? А этот Крепинин, не будь дураком, все это добро потом сплавил за границу. Говорят, озолотился этот проходимец. Он ведь не только в Столбоухе шарился, все деревни по Бухтарме обскакал. Шустрый был человек и с темным прошлым. Болтали, что он в наших, советских лагерях десять лет отсидел за сотрудничество с немцами в годы войны.

– Нет, Пахом Ильич, мы этого ничего не знаем. Мы же все лето живем у себя на пасеке.

– Ну, так вот теперь будете знать. А клад этот надо раскопать, мне и самому интересно узнать, что там Анисьюшка запрятала. Она-то и сама уже давно позабыла, что там было, когда мне обо всем этом рассказывала. Вы это дело не откладывайте в долгий ящик, нынче надо и разрыть, пока я живой. Весь инвентарь: лопаты, ломок – все это у меня возьмете, и скажите спасибо, могилка и клад рядом, тут в двадцати пяти шагах от моей избы. Получается, что я как охранник, на кладбище всю жизнь прожил. Да вот еще. Хе-хе, знаете, тут еще один сторож имеется. Удивитесь: сова! Как чуть под вечер, она вылетает из леса, садится на макушку пихтушки, в самый раз у того клада. И сидит так, зыркает по сторонам, поглядывает: не трогает ли кто тот бугорок. И что меня удивило: у всех сов глаза огненно-красные, а у этой – синие! То ли она заколдованная какая?

Роман оживился:

– Неясить эта сова называется, Пахом Ильич, только у нее глаза черные, с синевой, у всех других сов они желтые или оранжевые.

– Ну, вот видишь, что значит наука. Теперь буду знать. А вы приходите, раскопаем. Но лучше на рассвете, когда народ спит. Ночью-то несподручно, а пораньше в самый раз. Нам не нужны деревенские пересуды, так-то вернее будет и спокойней. А приходите с вечера. У меня переночуете, чайку поьем, дроздов послушаем – шибко хорошо они поют по вечерам тут рядом на макушках елок. Рассветает в половине четвертого, мой Петька как пропоет, так и за работу придемся.

– Придем, Пахом Ильич, обязательно придем. Как ты, Рома, думаешь, когда?

– В воскресенье не получится, надо дома побывать.

– Ну, тогда в пятницу вечером к вам, Пахом Ильич, и зайвемся.

– А как же школа? – вспомнил Роман.

– Выбирай: один прогул, но раскопки.

– Ну, разве ради науки. У меня еще идея возникла: порыться на месте избы бабы Анисьи.

– Приходите. Все осмотрим. Там целая кипа бумаг была, авось, что-то и сохранилось. А от меня привет передайте Петру Ивановичу!

Душа Анисьи

Майским вечером братья брели по раскисшей деревенской улице.

– Степа, а правда, как хорошо! На лужи смотреть больно, солнце так и играет, искрами сверкает! Засиделись мы в классах, а на улице-то как дышится, чуешь?

– Чую, что на сапогах по пуду грязи.

– Ну и бог с ним, это чернозем. А птицы-то поют, и солнце как повисло в небе, так и не уходит! Слышишь, бекас блеет?

– Этот бекас и у нашей школы играет.

– Зато здесь свобода и тишина. Кроме птичьих, никаких голосов. Да вот слушай: кряковые полетели. А трясогузки-то, смотри, как радуются! Голосочки у них, как колокольчики. От возбуждения даже взвизгивают. Музыка весны. Я вот смотрю на проталины, как кандычки выходят из земли, и нет для меня ничего приятнее. Ходил бы и ходил, смотрел бы и слушал.

– Еще бы! Кандыки все любят. Может, больше жарков. Сибирский подснежник.

– И леонтьица, и ветреница – это все наши подснежники. А то еще медуницы и даже мать-и-мачеха, они тоже весенние первоцветы. Я на простую проталину и то наглядеться не могу. На непросохшей земле прошлогодняя трава, будто прикатанная, и росточки розовые, бордовые, будто натыканные, вылезают, и тут же муравьи зашевелились, забегали.

– Их солнышко пригревает, вот они и ожили. А еще под березой желтая травяная ветошь, будто войлок, и тетеревиные каральки кучками лежат. Их от березовых сережек не отличить. Значит, ночевали зимой тут под снегом. Как увижу, так перед глазами косачи на ветках сидят.

– Не бреди душу, Степан! Ты говоришь, а мне уже хочется бежать на тетеревиный ток. Гляди-ка, старый Пахомыч нас уже поджидает.

– Скучает дед по людям, по людскому вниманию. Человеку много ли надо. Проявили интерес, вспомнили о нем, он уже и рад.

– Здравствуйте, Пахом Ильич!

– Привет, привет! Засиделись, небось, за партами, так и весну прозевать можно. А я вот старый, а как придет март, апрель, в избе не могу усидеть. Про май уж и не говорю, в избу и заходить не хочется. Чувствую в груди какое-то томление и тоску, грусть и радость одновременно. Ну, насчет тоски дело понятное – старость не дает расправить крылья и полететь. А радость – это значит, что душа еще жива. Чай нас подождет, пойдем, поглядим на могилки, пока солнце не село. Вишь, как Мохнатка нависла, вот-вот солнышко за неё спрячется. У меня солнечный день короче на целый час из-за этой горы, но я на неё не обижаюсь, каждый год кислицу там беру, смородину, малину. Про косачей и глухарей промолчу, в последние годы стало мне жалко их убивать. Да и просто так из окна на Мохнатку гляжу, и вроде как душа успокаивается. Ну, вот и пришли. Тут все сразу вместе: могилки Анисьи, её отца и тот самый бугорок с кладом.

Совсем небольшой деревенский погост приютился близ речушки Столбоушки, негромкий шелест которой уже отчетливо слышался. Ему вторили голоса зябликов, овсянок, щеглов со стороны подступающего пихтача. Всколмленная земля с кое-где торчащими кустами рябины, калины, боярки тут уже вся освободилась от снега, но северный склон горы, заросший пихтачом вперемежку с березой, был весь в снегу.

– Глядикось, птичками-то камешек обсижен. Они, будто ангелочки, могилку навещают, – Пахомыч показал на бугорок с торчащим на макушке большим булыжником.

– А что, правду говорят, будто пытались раскапывать клад?

– Это вы про Кольку Дерюгина прознали? Да где ему, забулдыге, добраться. Он же пытался ковырять могилку Карпея Афанасьича, отца Анисьи, значит. Так я его погнал, из ружья стрелял для остратки. А что до клада, так бог его уберег. Пока никто не прознал, никто его не трогал.

– А вы этого купца знали, отца Анисьи?

– Карпея Афанасьича? Как не знать. Я же его знал, еще будучи мальчонкой и потом в молодости, когда его порешили. Степенный был мужичина, с большой окладистой бородой. Настоящий русский купец. Фамилия – Шашурин. Честно торговал, не обманывал, а что кокнули, так это, считаю, была почти уголовщина. И вершили эти дела лодыри и завистливые люди. И я, стыдно признаться, с ними вместе был. Потом уж задумался, когда хлеб отбирать стали, а после коллективизации и восстания Толстоухова совсем прозрел.

– Это кто такой Толстоухов?

– Официально – враг народа, а на деле все наоборот. Известный командир, борец за советскую власть, его орденом Красного знамени наградили, а он, как увидел, что творят с народом, развернулся в обратную сторону. Во как!

– Как это? – не понял Роман.

– А так, что поднял народ против власти, и это уже в тридцатом году.

– Ну, и чем все кончилось?

– А чем иным может кончиться, как не расстрелами. Свояк свояка убивал, в Бухтарме красная вода текла.

– А вот и она! – вдруг живо встрепенулся Пахомыч.

«Кто она?» – подумал Роман и тут же увидел вылетающую из леса сову. С коротким, будто обрубленным впереди телом, неспешно махая широкими крыльями, она сделала круг над вззирающими на неё людьми и, глухо прокричав: «В-вя-у!», уселась на макушку ближайшей пихты.

– Вот видите, что я вам говорил: сова, как вы её назвали?

– Неясыть.

– Вот-вот. Теперь она будет нас караулить и ждать, когда мы уйдем.

Словно подтверждая эти слова, неясыть сорвалась с места и снова пошла на новый круг. Но на этот раз она не ограничилась недовольным окриком, а еще и хлопнула своими мохнатыми крыльями.

– Ну, теперь вы и сами видите, – негромко произнес Пахомыч, – однако, все это неспроста. Она так тоскливо вякает, что мне все кажется, будто это сама Анисья мается. Жизнь-то не сложилась, душа её мечется, никак не может успокоиться. У неё же, у Анисьи, и жениха тоже порешили. Он у Кайгородова офицером служил. Анисья потому и уединилась, так и прожила, ни на кого не глядя. Вот и сейчас, сама в земле, а душа плачет. Душа-то живая! А еще говорят, что души нет. Вот же она!

Степа хотел спросить, а может, это вовсе и не Анисья душа, но смолчал.

– Что это я, совсем заговорился, – опомнился Пахомыч. – Тихо, тихо! Слышите, дрозд? Вот, начал! Давайте помолчим.

– Ах ты ж, боже мой! – не говорил, бормотал себе под нос Пахомыч. – Какой чистый голос! И как выговаривает, как декламирует! Гордец! Аристократ! Это вам не соловей, что взახлеб, бурно выкладывает свою песню. Этот по строфам, по слогам выдает, зато какой звук! Арфа. Да кой черт, человек не изобрел такого инструмента, где ему, человеку, до лесного певца!

Пахомыч стоял в каком-то забытии и, кажется, ушел в какой-то нереальный мир. Ребята постояли так несколько минут, потом Роман тронул его за плечо:

– Пахом Ильич, уже поздно, простынете. Скоро совсем темно будет, и холодок пробирает.

– А-а, да-да, – опомнился старик. – Простите, ради бога, век бы стоял, слушал. Идемте чай пить.

Клад

Еще не рассвело, как, мучимый старческой бессонницей, Пахом Ильич уже будил братьев. Роман вскочил быстро, а Степан никак не хотел расставаться с теплой постелью.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела! – теребил его Рома.

– Какой граф, какие дела? – спросонья Степа ничего не соображал.

– Великие открытия, сокровища неведомой страны Гваделупы и Острова сокровищ. Мешок драгоценностей и золотые слитки.

– И куча ненужных черепков, – в тон ему ответил очнувшийся Степан, – да мешок сгнившего тряпья.

– Быстренько по чашке чая и за работу! – командовал Пахом Ильич.

Бодрящий ледяной воздух встретил их, едва они шагнули за порог. Занималась заря, птицы молча бегали по голому пустырю, усеянному редкими здесь ветреницами и кандыками, но со стороны леса уже начинал звучать пока еще слабый птичий хор, где различались голоса дроздов, овсянок и зябликов.

– Проголодались, мои милые, – обращаясь к птицам, с теплотой в голосе проговорил Пахомыч. – Кормитесь, кормитесь на здоровье, вам еще весь день петить и гнезда вить.

– Да, стойте, – вдруг обратился он к ребятам. – Слышите, шумит? Шумит, родимый!

– Кто шумит? – не понял Степан.

– Хамир шумит, – пояснил Пахомыч. – До него пара километров, а слышно. И так всегда, как тихая погода, так этот ровный гул. Я его завсегда слушаю, и никогда не надоест.

– Ну, с богом, помолясь, как говорили наши предки, приступайте, – без всякого пафоса, буднично сказал он Роману со Степаном, рвущимся начать работу.

Отвалили вросший в почву валун, и ребята дружно заработали лопатами. Земля шла вперемешку с галькой и песком. На глубине примерно 75 сантиметров лопаты гулко стукнулись обо что-то твердое.

– Дерево! – сказал Степан, и это было понятно и без его слов.

Пахомыч достал из кармана большой складень, лег на землю и поскоблил доску.

– Листвяк, – сообщил он внимательно наблюдавшим за ним Роману и Степану. – А это значит, что кладу ничего не сделалось. Вам, считай, повезло. Он, должно, хорошо сохранился. Листвяжные доски вечные, а от сырости они еще крепче становятся. Вы пока обкапывайте ящик со всех сторон, а я за выдергой сбегаяю. Без неё нам туго придется. Да, пожалуй, и топор не помешает, – сам себе добавил он.

Со скрипом отвалили крышку, и взору предстала картина, без трепета и волнения которую не мог бы видеть ни один кладоискатель. Среди полуистлевшей бумаги выступало что-то розово-красное, сложенное рядами.

– Чайные чашечки и блюда! – с удивлением произнес Степа, смахнув слой бумажной трухи сверху.

– Сервиз, – подтвердил Роман.

– Он и есть, что я вам говорил, – спокойно сказал Пахомыч. – Вынимайте все до конца, а там уж и ящик надо вытащить.

– Красота! – Роман бережно держал, рассматривая ярко-красного цвета чайную чашечку с рельефными золотыми розочками на боках. – Ага, вот тут на донышке есть надпись: «Фарфоровый завод Кузнецова».

– Да, да, была такая знаменитая на весь мир фирма, – подтвердил Пахомыч. – Драгоценная посуда. На неё только смотреть можно, любоваться, а не чай пить. Глядите, стенки бумажной толщины. Вот ведь умели же люди!

Всего достали из ящика около сорока предметов, где были и сахарницы, и вазочки, и кофейницы, и несколько чайных серебряных ложечек. Лишь три чашечки оказались раздавленными, все остальные целы.

– До чего ж пригожа эта посуда! – восхищаясь, ходил вокруг всего этого добра, разложенного на земле, Пахомыч. – Надо же и как-то упаковать эту хрупкость, чтобы не побить.

– Побольше бумаги или ветоши, – советовал Рома. – Аккуратно завернуть.

Выгрузив все до дна, с трудом подняли ящик, весивший не менее пуда, и тут всех ожидал еще один сюрприз. Под деревянным ящиком лежал другой – не большой, свинцовый.

– Крышка запаяна или заварена, – заявил Степа, внимательно рассматривая шкатулку. – Нигде ни щелочки, – наконец определил он.

– Неужели сам Карпей Афанасьич закладывал? – бормотал сбитый с толку Пахомыч. – Анисья-то до такого бы не додумалась. Да и где ей, девке-то! Давай ножом подрежем. Свинец-то он мягкий.

– Мягкий и не ржавеет, – торжествуя согласился Роман.

Аккуратно сковырнули крышку, и из ларца посыпались бумажные царские ассигнации и николаевки.

– Карпей, Карпей, – машинально повторял Пахомыч. – Он, он деньги заложил. Да что толку-то от них. Только для музея. Успел-таки спрятать!

– Тут есть что-то еще, – сказал Степа, развертывая сложенные вчетверо бумаги.

Все трое склонились над развернутыми большими листами, красиво разрисованными картинками, где самым важным были двуглавые царские орлы.

– Это похвальные грамоты, выданные гимназисту Алексею Карпейчу Шашурину, – бегло прочитав текст, заметил Роман.

– Вот как! – удивился Пахомыч. – Алексей – это сын Карпея Афанасьича, брат Анисья, значит. А я, признаться, как-то и забыл о нем. Сгинул он совсем молодым, в гражданскую воевал на стороне беляков.

– Одна выдана в 1912-м и посвящена Отечественной войне 1812 года. Да, тогда ведь отмечалось столетие этой войны, – продолжал Роман. – А другая 300-летию царского дома Романовых. Кого тут только нет! Портреты всех царей и героев России.

– Черт побери, какой красивый почерк, – заметил Степа. – Мне бы так писать.

– И почерк хороший, а смотри, каковы картинки! – восхитился Роман. – Здорово сделано, а говорим, отсталая Россия. Нам бы такие грамоты!

– Что вы хотите, на самом деле Россия шла вровень со всеми европейскими странами, – заметил Пахомыч. – По крайней мере, старалась не отставать.

– А вот еще шедевр, – Роман развернул следующую бумагу, как и первые две размером не менее шести тетрадных листов. – Ого, какой орел с двумя головами! И текст, за который можно залететь куда не надо. Называется «Дарственная грамота». Вот слушайте: «Божьей милостью мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, Царь польский, Великий князь финляндский». Во как! И все с ятями и ерами в конце слов. Читаешь, будто в сказку про царя Гороха попал.

– А как же, все для важности, – отозвался Пахомыч, – для величия. Из-за этого, может, и революция произошла. Надоело людям слушать это державное величие бездарного человечка.

– Ты дальше читай, о чем речь, – поторопил Степа.

– «Проявляя милосердие и заботу о своих гражданах и помятуя о благополучии и процветании Родины, в урочище Дарственное близ заимки Кумашкино Зайсанского уезда Семипалатинской области дарую орошаемую проведенным каналом землю в количестве трех десятин мещанину Карпею Афанасьевичу Шашурину в бессрочное пользование».

– А-а, вот оно как открывается! – с удивлением произнес Пахомыч. – Выходит, Карпей сначала крестьянствовал. А место то мне на Курчуме знакомо. И село

Дарственное так и прозывается по сию пору. Только рядом там теперь еще большее село выросло: Кумашкино, говорят, его еще Курчумом прозывают.

– Вы мне, Пахом Ильич, растолкуйте, как это царь раздает землю, да еще и орошаемую каналами, и все бесплатно? – недоумевал Рома.

– Так это ж по реформе Столыпина. Для блага страны раздавали землю, чтобы не пустовала, а приносила пользу.

– Выходит, и царь о стране заботился, о народе.

– Выходит, что так.

Роман потряс шкатулку:

– Звона золотых пиастров нет, зато есть шелест ассигнаций. Ничего, для коллекционеров и бумажные деньги драгоценны, если они старинные.

– Вот вам и история, – заявил Пахомыч. – Хотя и не совсем местная. Считайте, что вам повезло.

– Повезло, повезло, – живо отреагировал Роман. – Прямо как в сказке: как задумали, так и вышло. У вас, Пахом Ильич, все оставим, пока из музея не придут забрать все это добро.

– Добро, да еще какое, – подтвердил старик. – Все сохраню, будьте спокойны. Народ должен знать свою историю, а где её увидишь, как не в музее.

Хан Алтай

– Пахом Ильич, а почему перевоз через Хамир называется калмыцким?

Через несколько дней после раскопки клада ребята Дементьевы пришли навестить старого охотника, а заодно провести найденные сокровища.

– А тут вы и сами могли бы догадаться, что к чему, – начал Пахом Ильич. – Прозвище это давно появилось, когда – не знаю. Как пришли русские, так с ними стали торговать алтайцы. Алтайцы – это те же калмыки, ойротами их иногда называют. В старые годы их царские власти причисляли к бродячим, так как земледелием они не занимались, а кочевали по тайге в поисках пушного зверя. То есть охотились на соболя, белку, куницу, и на лося, марала тоже для пропитания. Приходили они из-за гор, из-за Холзуна, значит, приносили мягкую рухлядь – так русские издавна называли пушнину. Посиживали на колодах, принесенных рекой, дожидаясь русских купцов, а мы, детвора, тоже вертелись тут, прибежали посмотреть на диковинный народ. Калмыки покуривали свои трубки, обменивая с пацанами на хлеб листовяжную серку или кедровые орехи. Темный был народ. Как говорится, дикие сыны тайги. Страшные на вид, но добрые душой и сердцем и наивные, как дети. Мне тогда часто приходилось общаться с ними, и кое-что я узнал об их богах и вере. Более всего они почитают свои горы, считая, что это владения Хана Алтая, а гора Белуха – его резиденция, его трон. Ковырять землю – грех, земля – это святыня.

– Пожалуй, это мудро, – согласился Роман, – но как же тогда обойтись без пахоты, без хлеба?

– Так они сами, если потом и сеяли что, то обходились деревянной сохой. Так, только чуть-чуть царапали почву. Я тогда молодой был, говорю старику алтайцу: «Ну и где ваш этот Хан Алтай? Где его большой чум стоит? Советская власть не только всех ханов и богачей, даже царя прогнала. Нет никакого вашего Алтай-хана».

А старик сидит так это спокойно, усмехнулся и свою трубку набивает махоркой. Потом говорит неторопливо: «Глупый ты, урус, молодой, и много не понимаешь. Алтай-хан, может, и не человек вовсе, и ни прогнать, ни убить его нельзя. Это ты сейчас такой храбрый, а как попадешь в переделку, под оплывину нарвешься, али под лед провалишься на реке, вспомнишь тогда Хана Алтая, с мольбой обратишься: «Помоги, Хан Алтай!» И гневить Хана Алтая нельзя: рассердится, бурю, ураган напустит, Хамир разольется. Сколько уже людей утопло!»

– Так это ж силы природы, и это каждому понятно! – не удержался Степан.

– Для тебя это так, а для алтайцев это Алтай-хан, – отвечал Пахом Ильич.

– Раньше и я так же думал, а вот постарел, набрался ума-разума и теперь, как увижу осенью, что Холзун снегом припорошило, думаю: «Вишь, седина упала на голову Хана». Холзун-то весь перед глазами. Смотрю на него: если черные тучи заклубятся над ним – хмурится Хан Алтай, сердится. И наоборот: сияет, значит, все хорошо, доволен, и нам, людям, опасаться нечего. То же и Хамир: спокойно катит свои волны – блажен, слава богу, Хан, и людям хорошо. Вот так-то, молодые люди, а это ваше право, как думать: есть ли Хан Алтай или его нет. Тут неволь или думай, как хошь, от судьбы не уйдешь.

Борис Васильевич

В воскресенье вечером вернувшийся из Зырянска Петр Иванович делился впечатлениями со своими домочадцами:

– Был я у Бориса Васильевича, ночевал у него. Просил он, чтобы остался еще на пару деньков, да сами понимаете, никак мне нельзя задерживаться. Пчелы ведь ждать не будут. Душевный человек этот Борис Васильевич!

– И то верно, – подтвердила Марфа. – Очень интеллигентный. Хоть и начальник, а такой простой.

– Это правда, что простой, – согласился Петр Иванович, – и слишком уж порядочный. С работягами разговаривает, как с равными, хотя и начальник рудника.

– Как это, слишком порядочный? – не поняла Марфа. – Порядочности много не бывает. Чем больше, тем лучше.

– А вот так, в наше время, оказывается, что бывает. Хочешь жить, умей и покривить душой, а кое-где и наврать. А Борис Васильевич человек прямой, говорит то, что считает нужным, а такому в начальстве трудно удержаться. И не поддается он на нечестное дело.

– Так уж говори прямо, чем он там не угодил директору. Директор же комбината его начальник?

– Ну, Марфа, не нам с тобой разбираться в делах рудника, там все сложно. С одной стороны – коллектив, а это ни много ни мало почти тысяча человек, а с другой – управление комбината, а за ним министерство. И все гнут свою линию. А все сводится к одному: давай, давай! Давай план любой ценой. Работягам нужна зарплата, дирекции нужны ордена и повышения по службе. А не будет плана, стукнут по шапке. А Борис Васильевич как на передовой, и все давят на него. Другие что – выкручиваются, врут в отчетности, занимаются приписками, а наш ни в какую. Горой стоит за честность. Сама понимаешь, будет ли любить такого человека начальство.

– Да, тяжелый случай, – согласилась Марфа.

Роман и Степа слушают отца и, хотя и не вникают в тонкости разговора, а и им понятно, что туго приходится Борису Васильевичу, с которым сдружились год назад, когда он проводил свой отпуск с женой Клавдией Николаевной у них на пасеке. Сколько было разговоров, сколько интересного услышали они от опытного горного инженера, хорошего рассказчика и собеседника. Немало они тогда побродили по тайге, а уж сколько раз на рыбалке бывали совместно – и не сосчитать. Словом, крепко они тогда сдружились, хотя по возрасту годятся Борису Васильевичу в сыновья, а то и во внуки.

– Но я еще самое главное не сказал, – продолжал между тем Петр Иванович. Приглашают они с Клавдией Николаевной наших ребят с Надюшей к себе в гости. Пусть, говорят, поживут у нас в весенние каникулы. Там у них на руднике интересные вещи происходят. Как Борис Васильевич кое-что рассказал, так мне даже самому, как мальчишке, захотелось все это посмотреть.

– Вот оно как выходит, – откликнулась Марфа, – так бы сразу и говорил. Значит, заскучал Борис Васильевич с Клавдией. Детей-то своих давно отправили вить свои гнезда, видать, тоска стала заедать, – заключила она и тут же добавила: – А что же там такого занимательного может быть на руднике? Копают себе, руду добывают.

Мать спрашивает, а у ребят уши на макушке. Раз уж отец говорит, значит, там, на руднике, случилось что-то чудесное, волшебство или открылась какая-то тайна.

– Ну не говори, – энергично возразил жене Петр Иванович, – сама думай, они же карьер копают на месте старого города. Конечно, город небольшой, но ведь это рудник, которому скоро двести лет стукнет. Они историю копают, вот что они делают! – почти в сердцах произнес Петр Иванович. – Там, что ни копни, открывается какая-нибудь тайна. То на подвал наткнутся забытый, то на зарытый клад, спрятанный в годы гражданской войны. А то еще старые выработки, шахты вскрывают. Вот сто лет стояла шахта, никто в нее не лазил, а тут на тебе: открылась вся картина, которая была в те забытые времена.

Роман и Степа при этих словах так и замерли, даже не в силах засыпать отца вопросами, на которые он, конечно, не смог бы ответить.

– А то еще, – продолжал отец, – откопали старинное кладбище, о котором все давно уж позабыли и не знали о его существовании.

– Ну, уж кладбище трогать не стоит, – обрезала мужа Марфа, – ты мне лучше об этом не говори.

– Оно бы, конечно, так, но куда денешься, не будешь же закрывать карьер из-за погоста, где похоронено два десятка человек 150 лет назад, – оправдывался Петр Иванович. – Борис Васильевич и так обеспокоился такой неожиданностью, распорядился, чтобы останки по-божески свезли на Зырянское кладбище.

– Вот так-то оно и лучше, – подытожила Марфа, – а тебе бы не стоило и вообще упоминать об этом, тревожить души усопших.

– Это еще не все, – снова начал Петр Иванович, – там у них в карьере обнаружилось еще другое кладбище – мамонтов.

– Как это мамонтов? – тут уже мальчишки подключились к разговору. – Кто же это может хоронить мамонтов, уж не сами ли они? В то время и людей-то, поди, не было.

– А вот так, никто не знает почему, но в одном месте чьих только костей не находят. Борис Васильевич перечислял мне – там кроме мамонтов еще и носороги

были, и бизоны. Да что там говорить, съездите, своими глазами все увидите, нам с матерью расскажете. Нам-то ведь тоже интересно.

– Еще бы не съездить, конечно, поедем! – с воодушевлением отвечал Роман. – Вот Надюха уже от радости даже запрыгала. Такое и в музее не увидишь. Только бы до каникул дожждаться, а там, будь здоров, махнем в первый же день.

– Вот и хорошо,ждемся теплых дней и поезжайте, – даже Марфа не возражала. – Развеетесь от школьной жизни. За партами сидеть, как не надоест. Да и от тайги отдохнете, городскую жизнь посмотрите.

Зыряновск менял свое лицо. Уходил в прошлое старый город со своими хибарами, почерневшими от старости деревянными копрами шахт, горами отвалов и непроходимой грязью на кривых улочках. Все это сносилось развивающимся вширь карьером, рядом строился новый город с каменными двух- и трехэтажными домами, с асфальтированной центральной улицей, получившей название Советской. На главной площади города строился вовсе не Горсовет и не Горком партии, как положено, а здание управления свинцового комбината, и уже этот факт говорил о том, что настоящим хозяином в городе было горное производство – рудники и обогатительная фабрика.

Как и прежде, город утопал в грязи. Жирный чернозем расплзался под ногами, стоило лишь взбрызнуть дождичку, и уж тем более весной, когда только что сошел снег и умолкли ручейки. По этой причине перед каждым домом стояло самодельное железное корыто с водой и веником для мытья резиновых сапог, почти единственной в это время обуви.

Квартиру Воронкова – начальника РОРа, как называли рудник открытых работ, а проще – карьера, они нашли быстро, и были радушно встречены хозяйкой Клавдией Николаевной. Вечером пришел и Борис Васильевич, усталый, но довольный юным гостям.

– Вот вы, ребята, живете там, в своем лесу, не замечая, что находитесь в раю, – начал он, хлебая щи, – а мне ваша Большая Речка до сих пор во сне снится. Рыбачу там в омуте под водопадами, а сам думаю: не бросить ли мне свое горное дело да заняться бы пчеловодством, как Петр Иванович? Ну, рассказывайте, что там нового на пасеке, как здоровье Петра Ивановича и вашей мамы? Все в порядке? Вот и хорошо. А мы с Клавдией Николаевной предлагаем вам пожить у нас с недельку, да сколько хотите. У нас тут на карьере такие дела интересные разворачиваются.

Борис Васильевич внимательно посмотрел на ребят: слушают ли они? Конечно, слушают, ждут дальнейшего рассказа, а что молчат, так это из приличия и чтобы не выдать своего волнения и радости.

– Так вот, ребятки, открылась у нас тут, как в Древнем Египте, долина захоронений. Ну не фараонов, конечно, а целый комплекс древних животных, хоть зоопарк открывай. И кого только нет: мамонты, шерстистые носороги, бизоны, олени, лошади. Каждый день новые находки. Ну и кладбище старое. И откуда взялось? Нигде на карте не значилось. Просто беда. У меня тут женщины – рабочие, что чистят кузова самосвалов, работать отказываются. Жалуются, что смрад идет, спасу, говорят, нет, от костей человеческих. Я уж противогазы заказал, договорился с городскими властями, будем свозить в коллективную могилу останки зыряновцев-первопоселенцев. И говорить про это неудобно, да куда денешься!

Борис Васильевич задумался и через минуту продолжил:

– Хотя нет. Хочешь, не хочешь, а придется поделиться. Дело тут деликатное. У нас уже были случаи раскопок богатых захоронений, даже клады находили. Тут ведь везде стояли каменные лавки купцов. Кошкины, Суровы, Веревкин и там другие. Кто-то похоронен, кто-то клад закопал, когда пошла национализация. Так вот, работает экскаватор, бывает ночью, даже зимой так парит, что ничего не видно. Выкопал, отгрузил, увез на отвал и похоронил теперь уж навечно. А там бывают археологические предметы: монеты старинные, оружие, ордена. Про старинные бутылки мутного стекла и квадратного сечения, бусы кустарного производства с грязноватыми бусинами с дырочками я уж и не говорю. Штофы, кубышки стеклянные попадались. Этого добра было много. Кое-что мои ребята-экскаваторщики домой унесли. Потом оказалось, тут один шустряк, историк школьный под видом открытия музея начал собирать золотые вещички. А что значит самодеятельный музей? Сегодня он есть, а назавтра школьный учитель уволился, и музея нет. Давно пора в Зыряновске открыть настоящий краеведческий музей со статусом государственного. Археологические артефакты должны находиться в надежном музее, а не где попало, где они все равно исчезнут. Вот я и подумал: на днях мы должны вскрывать место зыряновской церкви. А у церкви по русской традиции всегда есть погост, где хоронили священников, знатных людей. Значит, и у нас будут такие захоронения, вот я и пригласил специалистов из областного музея, чтобы находки собрать и сохранить для краеведческого музея в Усть-Каменогорске. Старинные монеты, бусы, разные ювелирные украшения давно находят прямо на поверхности, и все это теряется. А даст бог, в Зыряновске когда-нибудь откроют музей. Давно бы пора, городу нашему скоро 200-летие будут отмечать. Зыряновск куда старше, чем, например, Алма-Ата.

– Я где-то читал, что перед строительством церкви под фундамент закладывали золотые монеты, – вставил Роман.

– Да, такая традиция была, даже закладные доски делали для этих целей, – согласился Борис Васильевич. – Медные, чтобы на века память о строителях осталась.

– А можно и нам присутствовать, когда будут церковь раскапывать? – робко спросила Надя. – Хоть я и боюсь мертвецов, но ведь там уже от них, наверное, ничего не осталось.

– Так я же вас для того и пригласил, – отвечал Борис Васильевич. – То есть, конечно, не для раскопки погоста, а для экскурсии по палеонтологическим объектам. Завтра пойдете со мной на рудник, я вас познакомлю с нашим маркшейдером. Занятный человек, совсем молодой, недавно из института, звать Станислав Григорьевич Дорошинский. Занятный, не совсем точно, скорее, необычный и интересный. Он совсем не такой, как все остальные наши горняки. С виду тихий, вроде как робкий, но дело знает, а главное, многим интересуется. Наши инженеры, что им надо? Выпить, побалагурить, как сейчас принято говорить, побалдеть. А этот Станислав, как ни уговаривай, на корпоратив не пойдет, на собрание ходить не любит, в партию вступать отказался. Зато кроме работы фотоальбом карьера ведет, макет объемный карьера задумал сделать. И так это наглядно получается у него вместе с нашим художником! Из пенопласта вырезает каждый месяц выемку горной массы. Все раскрашено, домики, деревья, наша контора. И все в масштабе, очень наглядная получается касешка, как назвал карьер наш директор.

– А этот ваш директор хороший или плохой? – вдруг спросила Надя.

Борис Васильевич на минуту опешил, не зная, как лучше ответить.

– Надя, твой вопрос не совсем правильный. Надо рассуждать по-другому: полезный ли человек для производства, нужен ли он для общества? Если нужен, то и хороший. А так... он человек своего времени. На него давят, он давит на других. Так уж все устроено в этом мире. По крайней мере, у нас в стране.

– А папа говорит, что он собирается вас съесть, – не унималась Надя.

– Съесть? Я что, съедобный? Как вы думаете, ребята?

– Надя среди нас самая смелая, – за всех ответил Роман.

А Степа не совсем впопад добавил:

– Медведь вроде бы добрый, особенно в сказках, а человека, если голодный, съесть может.

– Ну, меня не съедят, – заверил Борис Васильевич. – Я еще к вам на пасеку приеду рыбачить. Как, Степа, удочки готовы?

– Готовы, они у нас завсегда на месте. Ух, я и мушек наделал, сам бы съел, не то, что хариус.

– Вот и хорошо. А со Станиславом вы сговоритесь. Он свою работу бегом делает. Закончит, а потом бежит в забой искать кости. Он уж в своем отделе целую кучу натаскал. Вызывали специалиста из академии наук. Там кандидат наук Кожамкулова целых три ящика из-под взрывчатки отгрузила этих костей. И сама искала, и Станислав помогал собирать.

У этого Станислава много увлечений. Мы его отправляли в барнаульский архив собирать дополнительную документацию по старинным горным выработкам, а он кроме этого привез кучу материала по истории Зырянковского рудника. Заинтересовался, статьи в газеты пишет и всем от этого польза.

– Да, нам тоже это интересно, – согласился Роман. – Вот бы посмотреть, а то живем и ничего не знаем про свою историю.

– Посмотрите, он вам все покажет. Он еще и камнями-самоцветами интересуется. Ему бы надо где-нибудь в исследовательском институте заниматься, а у нас на производстве грубая работа. Давят, требуют, надо огрызаться, а он чересчур деликатный для этого. Хорошо, я его поддерживаю, не даю в обиду.

– А что требуют? – не выдержал Степа. – Работу сделал, а что еще надо?

– Как тебе сказать, Степа, чтобы ты понял. Есть такие люди, что им всегда мало. Маленькая зарплата, не так подсчитал, объегорил. Рабочему человеку часто кажется, что его обсчитывают. Не все люди такие, но их много, тем более что и мастера на стороне рабочих. Выдал замер, а плана нет, вот и начинается катавасия и споры: маркшейдер плохо замерил, обсчитал. Скандалят, идут жаловаться. Словом, неприятная картина, тем более что и высокому начальству нужно обязательное выполнение плана. Приходится мне брать огонь на себя. Вот так и живем, воюем, а для этого нужна смелость и характер. Но я, кажется, говорю лишнее, и пора бы нам сменить тему разговора.

Станислав

Наутро все столпились у кабинета начальника рудника. Мастера, начальники участков, рабочие. У каждого свое дело, каждому надо слово и распоряжение начальника. Борис Васильевич только что был, и уже и нет его. На руднике десятки проблем, и тут уж не до ребят.

– Парни, вы с Борис Васильевичем? – к несколько растерявшимся мальчикам обратился молодой парень в светлой куртке.

– Угу, – буркнул Степа.

– Значит, ко мне. Идемте в маркшейдерский. Меня зовут Станислав, я как раз вас жду. Давайте знакомиться.

– Рома, – назвал себя Роман, – а это Надя и Степа. А вас как по отчеству?

– Лучше без отчества, мне это привычной, – отозвался Станислав. – В детстве звали Стасиком, потом Стасом, а теперь вот Станислав. С чего начнем? Давайте сначала посмотрим кости, палеонтологический материал.

В маркшейдерском отделе, большой комнате лежало несколько куч очень крупных костей, разложенных по видам животных: отдельно мамонты, носороги, бизоны, олени, лошади. Да, тут было что посмотреть: позвонок мамонта едва ли не с футбольный мяч, такие же и даже больше, бабки.

– Это не самые крупные, их я уже и не беру, – пояснил Станислав, видя удивление ребят. – Куда их денешь, например, ребро, если размером оно с две оглобли. Я его и не донесу. Или челюсть целую. Хотя, впрочем, целых костей почти не бывает. Пока до меня какая дойдет, её уже порушат, хоть монитором, хоть экскаватором.

– А как вы все это определяете?

– Да ведь видно же, где бык, а где олень, например. Кое-что я научился определять с помощью учебника палеонтологии. Вот, смотрите, челюсть шерстистого носорога, в моем представлении похожая на свиную, но гораздо крупнее. Верхние коренные зубы, стираясь, с торца образуют рисунок, напоминающий греческую букву «пи». Эта кость рассыпалась, но я ее укрепил и реставрировал с помощью специально приготовленной замазки. Такой же, как замазывают стекла в оконных рамах. Олифа, мел, вот и все, что нужно. Этот рецепт я еще с детства помню, когда жил в отцовском доме.

А вот эта огромная лобовая кость с отростками рогов сразу видно, кому принадлежит. Быкам, а точнее, древним бизонам. И вот что удивительно: вместе с костями иногда попадались и пучки шерсти красноватого цвета, наверняка, мамонтовой. Вот, смотрите, я тут набрал в спичечный коробок. Прележавшая тысячи лет, она почти выцветшая.

– Да, и тонкая, как паутина, – с удивлением сказала Надя, разглядывая небольшие пучки очень ломкой рыжей шерсти.

– А это что за штуковина? – спросил Степа, показывая на массивный обломок желтоватого цвета, – я бы сказал, что это зуб, но очень уж он большой, прямо-таки гигантский.

– Да, верно, это зуб мамонта, – отвечал Станислав, наблюдая, как вытянулись лица ребят в недоумении.

– Если это зуб, то его хозяин должен быть величиной с трехэтажный дом, – вполне всерьез сказал Степа.

– Ты, Степан, был бы прав, если бы у мамонтов было 32 зуба. Но у них, как и у слонов, их всего по восемь. Клыки превратились в бивни, а резцы оказались ненужными и атрофировались. Так как растительную пищу они срывают хоботом, то осталось лишь по два коренных зуба на каждой стороне челюсти, зато, видите, какие мощные! Настоящие жернова для перетирания травы и веток. За жизнь, а слоны живут до 80 лет, они у них меняются три раза, истираясь до основания,

ведь вместе с травой попадает и земля, и песок.

– А это что за фарфоровая труба? – спросил Степан, взяв в руки желтоватый предмет круглого сечения.

– Разве не узнал? Это же бивень мамонта. Вернее, его обломок.

– А и правда. Только он что-то крошится.

– Да, бивни сохраняются хуже других костей, – подтвердил Станислав, добавив: – А лучше всех зубы. Видите, тут их целая коллекция от разных животных. Как вы думаете, почему так много зубов?

– Они крепче из-за дентина и потому лучше сохраняются, – сообразил Роман.

– Верно, – согласился Станислав. – А я тут еще другую теорию толкаю, почему зубов много относительно других костей. Да потому, что кости вместе с падалью жрали гиены. У них такая специализация – именно кости. А зубы они не могли разгрызть – слишком твердые.

– Интересно, – протянул Степа. – Вот бы посмотреть, что тут было 20 тысяч лет тому назад.

– Читай Обручева «Плутония» или Рони «Борьба за огонь», – посоветовал Станислав. – Особенно вторая книжка. Там автор изобразил так, что все кишит от страшных хищников: пещерные медведи, львы, саблезубые тигры. И все голодные, а самая легкая добыча – человек. А тут еще ледниковый период наступил, холод. Единственное спасение забраться поглубже в какую-нибудь пещеру. Этих пещерных людей так и называли – троглодиты. У них выживали, наверное, из тысячи один.

– А кстати, кости древнего человека не попадались?

– Слишком сложный для меня вопрос. У нас в карьере все перемешалось, и не поймешь, где древнее, а где современное. Я же говорил про старинное кладбище, а там где их разберешь – древние или не очень.

Когда закончили беглый осмотр, Станислав сказал:

– А теперь в путь. Но сначала мне надо сделать свою работу, и это займет часа два. Вот стоят ваши сапоги, надевайте, без них на участке гидромеханизации делать нечего.

– Хорошо, мы посмотрим вашу работу. А что такое маркшейдер? – не выдержала Надя. – Слово не очень нам знакомое.

– Маркшейдер? Если в переводе с немецкого, это человек, специалист, рисующий, определяющий марку. А что такое марка? Точка на местности, условная или отмеченная штырем, пирамидой. И главное – ее местонахождение должно быть определено, то есть вычислены её координаты. А если знать координаты, то с этой точки можно делать геодезические съемки и рисовать карту, план, считать объемы, что хотите.

– А-а, понятно. Это как мореплаватели секстантом определяют широту и долготу.

– Там очень приблизительно, а нам нужно точно. От этого зависит многое, в том числе зарплата. В общем, маркшейдер – это то же, что геодезист в приложении к горному делу. А еще – это козел отпущения.

– Как это?

– А так, что маркшейдера сделали человеком, отвечающим едва ли не за все цифровые данные на руднике. Но это долгий разговор, к нам не относящийся.

– А что сейчас вы будете делать?

– Замерю углы теодолитом, а в конторе вычислю координаты.

– В общем, сплошная математика?

– Да, можно сказать, тригонометрия. Кто в школе её освоил, тот легко может выучиться на топографа. А топография – это простейшая геодезия.

Когда Станислав поставил инструмент на штатив, все по очереди заглянули в окуляр.

– Ой, а там все вверх ногами! – удивилась Надя. – Почему?

– Свойство оптики переворачивать. Но это не мешает в работе.

– Как это не мешает, неудобно же!

– Надя, ты как моя речница. Увидела, что все вверх ногами, и теперь одной рукой держит рейку, а другой придерживает юбку. Я же ее вижу вверх ногами.

А еще студенты рассказывают такие байки. Работают студенты-горняки с теодолитом. Подходит дряхлый старичок:

– Ребятки, дайте взглянуть, что вы там все смотрите, никогда не видел.

– Что ты, дед, сидел бы на своей печи и не рыпался. Иди своей дорогой.

– Жаль, ребятки, прожил жизнь, а в трубу не посмотрел.

А дед-то был известный на весь мир профессор геодезии, знаменитый Келль. Горняки-то его не знали.

– Это анекдот? – спросил Роман.

– Нет, почему же, профессора, особенно умные, любили подшутить. Ну вот, теперь можно идти искать древние мослы. Знаете, хожу туда почти каждый день и всегда чувствую волнение: вдруг да сегодня попадется что-то необыкновенное. Азарт кладоискателя, а в данном случае клад этот может оказаться куда значительнее, нежели пиастры или фунты стерлингов. Вот увижу белое пятно в забое, и так забьется сердце – что там, какой зверь, в какой сохранности? А вдруг да такой, что и науке не известен? Хотя фауна четвертичного периода хорошо изучена и сюрпризов ждать нечего. Получается, сам себя обманываю.

– Вы, наверное, очень увлеченный человек, – заметил Степан. – Даже по интонации голоса это заметно.

– А как же иначе, быть равнодушным ко всему на свете? А для чего тогда и на свет родиться?!

– Ну, люди гонятся за богатством, за золотом, а тут всего-навсего кости.

– Кости, это верно, – согласился Станислав, – а бывает, обломок кости дороже золота. Вы же знаете, по обломку черепа ученые определяют, как и когда появился человек, как он развивался. Это же страшно интересно. Сто раз повторюсь, это захватывающее и волнующее занятие, напоминающее кладоискательство.

– Степа, перестань ерундить, – одернула брата Надя. – Вы, Станислав, не слушайте его. На самом деле ему все это безумно интересно и нравится ваш рассказ. Это он у нас бывает такой вредный, когда хочет узнать побольше.

Вдруг лицо Станислава озарила улыбка, он как-то оживился и с пафосом произнес:

– Пиастры, дукаты, гульдены и фунты стерлингов! Что может быть слаще звуков, когда произносят эти слова! Знакомо ли вам, господа, волнение кладоискателя, когда лопата звонко стучается о заржавленную крышку ларца, сундука или глиняного кувшина, рассыпающегося от старости и хранящего тайны веков? Знаком ли вам трепет и стук собственного сердца, когда вы со скрипом открываете

заржавленную крышку ларца, набитого золотыми монетами, тускло блестящими в ночном лунном свете? Ох уж эти кладоискатели! Одни мечтают найти свое сокровище, заключающееся в редкой бабочке, другие – в необычном растении или впервые увиденной птичке. И разве это плохо – восторгаться и радоваться чему-то необычному и все время познавать неизведанное? Итак, если вы чувствуете волнение, тогда быстрее в путь, за поиском сокровищ!

Мамонты в карьере

По дороге Станислав продолжил свой рассказ:

– Четвертичный период, а в нем плейстоцен, – последний в геологической истории земли, закончившийся 12 тысяч лет назад. По всей Сибири, да и в Европе фауна плейстоцена хорошо известна. Тогда обитали крупные млекопитающие, обросшие густой шерстью, хорошо приспособленные к жизни в суровых условиях. На них охотились древние люди. Кроме упомянутых мамонтов, шерстистых носорогов и бизонов, находятся останки гигантских оленей, верблюдов, пещерного медведя, ископаемых лошадей. Чаще всего костяки попадают на глубине 15-25 метров, – продолжал Станислав. – Я подсчитал: если предположить, что годовое наслоение наносов составляет 1 мм, то и возраст находок соответствует примерно 20 тысячам лет. Глубже 30 метров в красных неогеновых глинах попадают окаменелые, минерализованные кости, очень тяжелые. Но таких мало. Одних только мамонтов в нашем карьере были десятки. Но сколько именно – один десяток, два – сейчас сказать невозможно. Почти все вывезено в отвалы. Мне иногда даже снятся сцены из прошлого. Слышу трубный рев мамонтов, убегаю от саблезубых тигров и носорогов. Чаще же грезятся картинки с торчащими из земляных забоев костями невиданных, диких зверей. Я ковыряю глину, и обнажается огромный костяк: ребра, позвонки, даже бабки, размером с котел. Все время интригует тайна: а что еще хранится в глубине? Конечно, возникает вопрос, почему находок так много?

– Да, действительно, почему так много? – заинтригованный рассказом, спросил Рома.

– Я где-то читал, что существуют слоновьи кладбища, – вставил Степа. – Когда слон чувствует свою смерть, он идет и умирает там, где лежат останки его предков. Может, и у вас так?

– Это, скорее всего, красивая легенда, – отозвался Станислав. – В Зырянске все можно объяснить по-другому. Животные паслись на склоне горы, погибали, а кости их, смываясь водами в грозу или весной, накапливались по дну лога. Этот лог тянется через весь карьер метров на триста, здесь кости и находятся.

– Это же сколько было животных, и как они выживали в нашу зиму, когда морозы под сорок и жрать нечего, вокруг один снег? – удивился Степа.

– Да, это верно, – согласился Станислав. – Я сам над этим задумываюсь. На одних древесных ветках, как зимуют лоси, мамонту не прожить. Да и мороз в 40 градусов, я думаю, ему не выдержать. Потому и вымерли, что климат изменился, стал более суровым.

– А что это за гидромеханизация, и для чего она? – поинтересовался Роман, когда уже подходили к карьере.

– А тут история такая. В южной части карьера мощность рыхлых отложений доходит до 50-100 метров. В обводненных суглинках тяжелые экскаваторы тонут,

глина налипают в ковшах и кузовах самосвалов. Вроде бы ерунда, а очистка их стала настоящей проблемой, вот и придумали разрабатывать рыхлые отложения с помощью гидромеханизации. Суглинки и глины стали размывать из гидромониторов сильной струей воды. Размываемая глина вместе с водой стекает в зумпф – это такая яма, а оттуда насосом по трубам подается в гидроотвал.

Брандспойт, вроде как у пожарных, называется гидромонитором. Представляете, один такой монитор делает работу за целый трехкубовый экскаватор, и не надо ни самосвалов, чтобы вывозить породу, ни дорог, но вместо всего этого приходится прокладывать трубопроводы. В забоях гидромеханизации намного легче отыскивать и раскапывать кости, там все на виду. Вот мы сейчас и идем все это смотреть. Сами увидите, как все это интересно.

– И как это вы успеваете вести участок и кости собирать? – спросил Роман.

– А вот как хочешь, так и успевай. Все за счет скорости и молодых ног. Выкопай полчаса – и бегом в забой гидромеханизации. А там всюду вода, болото, целые озера и реки. Вместе с пульпой кости несет в водосборник, а оттуда насосом в гидроотвал. Не успеешь собрать – значит, потеряно безвозвратно. Но все же я успел кое-что собрать, что вы и видели в конторе. Кроме того, много из мной собранного увезла сотрудница палеонтологического отдела Академии наук Казахстана Балдырган Кожамкулова. Несколько дней она ходила в карьер, набрала еще и много такого, что я и не замечал, в частности, крохотных костей мелких грызунов. Всего видов ископаемых животных оказалось, около двух десятков. Мамонта она назвала южным слоном, и, с чем я не мог согласиться, возраст находок определила в десять тысяч лет. Я думаю, что им раза в два больше.

Потом сложила все находки наши и свои в деревянные ящики из-под взрывчатки и отправила в Алма-Ату. Одних зубов, к которым я был особенно неравнодушен, там была целая коллекция. Помнится, я все любовался острым клыком, который приписывал пещерному медведю, а оказалось, что верблюжий. Было обещано почти все вернуть назад. Как водится, никто ничто не возвратил.

– Ну, вот мы и пришли, – Станислав переменял тему разговора. – Здорово, Тимофей! – приветствовал он рабочего. – Как, много костей сегодня намыл?

– На сурпу для бригады хватило, да кое-что еще осталось, – отвечал тот, показывая на небольшую кучку белеющих предметов.

Все подошли, разглядывая еще не просохшие костяные обломки.

– Так, вижу обломок лошадиной челюсти, кажется, их называют гиппарионами, опять бизоньи лбы, мамонтов не видно.

– Мамонт не каждый день, – отвечал Тимофей, – лошадей поболее будет.

– Да, так получилось, что мамонтов в основном экскаваторами рыли, – рассказывал Станислав. – Вначале диковинно было. Когда брали суглинок в верхних слоях, экскаваторщик заметил в забое какой-то белый предмет. Камень не камень, а что-то высыпается. Вылез из кабины – кости, да еще и какие: позвонок с хоршую кастрюлю, бабка из коленки – с чугунок. А когда попались белые, будто изогнутые фарфоровые трубы, бивни, поняли: мамонт.

Сначала удивлялись, потом надоело, работали, не обращая внимания. В общем, покрошили, погубили много и почти все вывезли в отвалы. Рабочим план надо выполнять, им не до мамонтов. То, что осталось, то, что собрали, вы видели в конторе.

– Да оно и монитором не лучше, чем экскаватором, – сказал слышавший рассказ Станислава мониторщик. – Крошатся от воды кости. Шутка ли, пролежали в сырой воде тысячи лет.

– Жаль, – сказал Роман. – Даже в нашей школе показать все это было бы интересно. В музее тем более, сколько людей могли бы все это видеть.

– Да вот же они лежат, кости, бери любую, – предложил Тимофей. – Нам что, жалко, что ли?

– Берите, берите, что понравится и что можете унести, – поддержал его и Станислав, видя недоверчивые взгляды ребят. – Вот, по зубу древней лошади, а Наде – медвежий клык. Пригодится, хоть для сувенира, хоть для школьного музея.

– А у меня уже есть ожерелье из медвежьих когтей, – похвалилась Надя. – Сосед по пасеке убил, сам еле спасся от того медведя.

– Ну вот видишь, как бывает. А я вот так почти каждый день прибегаю посмотреть: не нарыли ли чего интересного. Так и тянет сюда, ноги сами несут.

Хрустальные копи

– Станислав, нам Борис Васильевич рассказывал, что вы и минералы собираете, и старинные материалы по истории Зырянновска из Барнаула привезли, – насмелилась спросить Надя.

– Ну, это слишком громко сказано, – отозвался Станислав. – Коллекция моя очень скромная, да я её сам и не считаю коллекцией. Так, для памяти собранные образцы из поездок по разным рудникам во время летних институтских практик. Есть кучка горного хрусталя, кое-какие образцы кальцита из Хайдаркана да самородная медь из Джебказгана.

– Горный хрусталь? Это же драгоценный камень!

– Ну, не совсем так. Скорее, совсем не так. А камень действительно красивый, особенно если чистый и прозрачный. И верно, из него украшения делают, тем более что он бывает разных цветов. Броши, кулоны, запонки. Но мне больше нравится природная красота, то, что создала сама природа. Именно кристаллы.

– А можно это как-то посмотреть?

– Да никаких проблем. После работы я вам покажу дома.

Камешки, как сам Станислав называет свою коллекцию, сложены у него за стеклом серванта вперемешку с различными сувенирами, собранными во время поездок. Тут и причудливые растения с озера Зайсан, ракушки и раковины. Прозрачные, как льдинки, кристаллы гипса. Причудливой формы медный дендрит. Кристаллы кварца разных размеров, прозрачные и мутные. Есть сростки, называемые друзами.

– И где же вы такую красоту нашли? – вырвалось у Нади.

– Здесь, совсем неподалеку, у деревушки Ландман, которую вы проезжали по пути в Зырянновск. Там есть заброшенные старые копи.

– Значит, когда-то этот хрусталь добывали? А как бы там побывать? Живем и не знаем, что под боком такие чудеса, – не удержался Степан.

– Если в выходной, то я могу составить вам компанию, – обещал Станислав.

– Честно говоря, меня не оставляет надежда найти какой-нибудь необыкновенно красивый образец. Хорошую друзу с абсолютно чистыми и прозрачными кристаллами.

– А вот эта друза разве не хороша? – спросила Надя, держа в руках компактный образец.

– Согласен, друза неплоха, – согласился Станислав, – но ведь человек ненасытен, ему хочется все лучше и лучше. К тому же азарт, без него и жизнь неинтересна. Вот, глядите, из Хайдаркана, это на юге Киргизии, белый ёжик. Правда, хорош образец?

– Да, я сразу обратила на него внимание, – призналась Надя. – Он как коралл только гораздо лучше. Шипы во все стороны. Действительно, морской ежик, только белого цвета.

– Это все из карста, из подземных пустот, что промывает вода в известняках. В Хайдаркане добывают киноварь, руду на ртуть, и там постоянно встречаются карстовые пустоты в известняках. Это опасно, так как в них могут провалиться и люди, и оборудование. Но они невероятно красивы, эти пустоты. Как подземные беломраморные дворцы и даже лучше, чудесней. Там все вокруг белоснежного цвета: стены, потолок, свисающие со всех сторон сталактиты, а снизу подпирают сталагмиты. И при освещении все это сверкает, искрится, словно в волшебном дворце.

– Туда можно и экскурсии водить, чтобы любоваться этой красотой?

– Какие экскурсии! Все это заваливалось пустой породой и на этом безобразии рудник выполнял план, так как не было необходимости поднимать породу на поверхность. Вали себе под носом, а деньги получай, будто вывез в отвалы.

Станислав помолчал:

– Много красоты погубили, да, наверное, и сейчас это варварство продолжается. А взять для коллекции? Там самое трудное – отколоть образец так, чтобы его не поранить и не разломать. Это же все кальцит, а он мягкий и хрупкий. Я чуть не плакал, когда видел, как эти дворцы засыпают породой.

– Да, – вздохнула Надя, – вряд ли мне доведется когда-нибудь побывать в таком дворце.

– Зато мы завтра побываем на копиях, – напомнил Степа.

Утром они сошли с автобуса в деревушке с несколько странным названием Ландман.

– Страна мужчин, – перевел Станислав. – Здесь живут немцы, и они называют себя лондонцами.

– А в Парыгино сельчане называют себя парижанами, – усмехнувшись, добавил Степа. – Сплошная Европа в стране Зыряннии.

Они миновали зеленую улочку и стали подниматься в гору, поросшую диким миндалем, шиповником и караганой.

По дороге Станислав рассказывал:

– Минералы, красивые камни, я любил давно, можно сказать, с детства, и даже немного собирал. Поиски их всегда казались мне охотой за сокровищами, спрятанными в недрах земли. Вот и здесь, когда мне рассказали, что стоят брошенные хрустальные копи, я сразу же загорелся, и в ближайший выходной отправился на разведку. Сначала ничего не мог найти, потом, порывшись в наваленных тут же кучах породы, обнаружил кристаллики кварца. Словно отполированные, грани их тускло мерцали стекляннм блеском. Настоящий горный хрусталь, полудрагоценный самоцвет в моих глазах был настоящим кладом. Тогда я видел себя то на «Острове сокровищ», то в изумрудных копиях «Медной горы». На память

приходили уральские сказы о горных кладовых. Тогда я нарыл почти рюкзак гра-
нених, полупрозрачных камней. Потом, спустившись к речке у подножия горы,
долго отмывал их от белой и красной, очень липкой глины. Чистые и мокрые,
они сверкали еще красивей, но, к сожалению, почти все оказались изъеденны-
ми рваными ранами, словно источенными какой-то неведомой болезнью. Из-за
этого большую часть собранного пришлось выбросить. Но все равно много из
сбранного принес домой, и кое-что вы видели у меня дома.

Позже я понял, где надо искать. Оказалось, что плохие кристаллы находятся
в кварцевых трещинах, заполненных белой, рассыпчатой глиной, похожей на
мелкий песок, а лучшие – в пустотах, заполненных красной глиной.

– Ну, вот и пришли, – сказал Станислав, когда, выбравшись из кустарниково-
травяных дебрей, они вышли на каменную площадку, вырезанную на склоне горы.
– Когда-то была государственная копь по добыче пьезокварца, теперь, считай,
моя собственность, – добавил он с некоторой усмешкой, – поскольку никому не
нужна, никто сюда не ходит и, как видите, все здесь заброшено.

– Здесь хорошо, – оглядывая окружающий простор, сказала Надя. – И далеко
все видно. Город, отвалы вашего карьера, горы. Смотрите, виден Холзун и даже
наша гора Громотуха.

– Да, и мне здесь нравится, и в первую очередь тишина и полное уединение,
– делился с ребятами Станислав. – Ничто здесь не мешает работе, люди сюда
не ходят. И я, забыв обо всем на свете, могу по целому дню копать, особенно
если дело идет на лад.

Едва ли не всё лето после того я ходил на эти заброшенные хрустальные копи,
вот тогда и обнаружил в забое тонкую жилу, заполненную красной глиной. Именно
в ней попадались лучшие кристаллы, а иногда и целые друзы – сростки нескольких
кристаллов, чистые, ровные, не изъязвленные отвратительной коррозией камня.
Углубляясь с помощью длинной отвертки, мы прорыл длинную и очень узкую
штольню, так, что наружу торчали лишь ноги. Измазанный глиной, я вылезал
наружу лишь для того, чтобы осмотреть очередную находку, а затем торопливо
возвращался в свою нору. Я не хотел терять ни минуты. А однажды вот так вы-
лезаю из своей норы и глазам своим не верю: прямо напротив стоят две косули и
смотрят на меня. Вот, наверное, удивились: откуда такой чудик взялся.

Как-то я пришел сюда со своим другом. Он все оглядел, и, увидев мою за-
копушку, говорит:

– Эх, сюда бы взрывчатки! Заложить бы в щель да трахнуть. Какой бы забой
обнажился!

Но я предпочитал работу без грохота взрывов и рева механизмов. Моя жила
была не чем иным как занорышем – подземной пустотой, погребком, в котором
выросли минералы, обволакивая стенки щеткой кристаллов. Занорыш, жеода,
погребок – все эти слова пришли с Урала от старателей копей с самоцветами.
Все они все равно что ларцы с драгоценностями. В моей жиле встречались лишь
обломленные друзы и отдельные кристаллы, не сросшиеся со стенками погребка.
Но это было даже удобнее, так как отколоть друзу бывает ох как нелегко! Все
они были для меня сокровищем. Радостно ёкнет сердце, когда в монолите на-
щупаешь податливую мякоть, а рука вместе с орудием проваливается в пустоту.
Лихорадочно ковыряешь, убирая накопившийся за тысячелетия ил, а в темноте
уже проступает загадочный, стеклянный блеск камня. Сколько миллионов лет

понадобилось, чтобы вырастить эти друзья? В хаотическом беспорядке торчали стрелчатые столбики, ромбики с коническими макушками, стеклянные «гвоздики», «спички» с заостренными концами, чаще по отдельности, а иногда образуя так называемые «щетки».

– А ведь верно, когда-то в детстве мы говорили, что камни растут, – вспомнила Надя. – Значит, действительно растут.

– Да, кристаллы растут, вернее, большинство когда-то росли. Когда остывала расплавленная земная кора на заре существования нашей планеты Земля, из рыворов вырастали кристаллы.

Каждый нашел здесь себе занятие по душе. Станислав, показав свою добычливую штольню, предоставил её в распоряжение ребят, а сам занялся заполнением своего дневника. Надя бродила вокруг, любуясь полевыми цветами и слушая пение птиц, а Роман и Степан по очереди, сменяя друг друга, работали в штольне, не замечая, как бегут часы. Время от времени они прерывали свое занятие возгласами радости, если случалась удачная находка.

Здесь привлекало все: полное умиротворение природы, негромкое пение птиц, гнездящихся в море кустарника вокруг, азарт поиска и радость находок. А как приятно было после нескольких часов работы спуститься вниз к речке и, слушая плеск волн, отмывать граненые обломки, с волнением всматриваясь в добытые сокровища! Разложив добычу на берегу, лучшие кристаллы завернули в обрывки газет, специально припасенных на этот счет. Тело ломила приятная усталость. Рядом порхали роскошные большие бабочки с бархатными черными крыльями. Разморенные дневной жарой, они садились на влажный прибрежный песок и сидели там, лишь изредка шевеля крыльями. Домой шли, каждый обогащенный горсткой сияющих кристаллов.

Кто открыл Зыряновское месторождение

– Станислав, а что за архивные сведения вы привезли из Барнаула? – задал давно интересовавший его вопрос Роман.

– Да, ребята, было грешным делом такое, – не очень охотно признался Станислав.

– А почему грешным?

– Да потому, что больной это вопрос для меня. Можно сказать, даже рана. А история эта такая. Как известно, наш карьер разрабатывает самую старую часть Зыряновского месторождения, где подземные работы велись более ста пятидесяти лет. Понятное дело: все тут пронизано подземными горными выработками, как пчелиными сотами. Где-то пустота заложена, где-то стоит, ждет, когда в нее кто-то провалится. Естественно, для карьера эти пустоты представляют опасность. Их надо гасить, а для этого надо знать их месторасположение. Конечно, большинство подземных пустот нам было известно, и числилось их, ни много ни мало, целый миллион кубометров. И кроме этих были еще и неизвестные. А так как центром горнорудной промышленности в то время был Барнаул, то туда посылались копии планов подземных работ. Вот за отысканием недостающих у нас графических и иных материалов я и поехал. Приезжаю: батюшки, архив в старой деревянной церкви. Такой дряхлой, что любая спичка, окуроч, замыкание электрическое – и все вспыхнет, ничего не спасешь. Но это полбеда (а может, благо), хранителем

там был не менее дряхлый старичок. Он над своим богатством трясся, как Кощей Бессмертный. И это понятно: архив богатейший, в отличие от российских, хорошо сохранившийся, а хранитель – человек равнодушный. Болел за них, чуть ли не у себя за пазухой держал. Три дня я ходил за ним, а он ни в какую, меня не подпускает к своим сокровищам, не доверяет. Потом уж, куда денешься, пустил. А я, как увидел все эти кипы бумаг, переплетенные в кожаные обложки, прочитал некоторые из них и так весь и затрясся: это ж какое богатство! Хранилище истории с такими тайнами перед которыми меркнет любая фантазия писателей, пишущих детективы.

Да, ребята, там настоящий клад, по сравнению с которым золото – ничто. Драгоценный металл – это фикция, условный материал, на самом деле имеющий ценность не бóльшую, чем бумажные купюры. А тут сокровища, хранящие тайны веков, дающие ответы на многие вопросы и истории, и нашей жизни. И подумал я тогда: «Вот где мое призвание – разгадывать тайны веков, рыться в архиве и открывать людям глаза на многие вещи. И почему я не историк и не архивист?» Я и до сих пор, как вспомню эти пожелтевшие бумаги, исписанные старинным почерком, так хочется все бросить и ехать туда их изучать. И еще меня удивила такая деталь: документы подшиты в большущие книги, переплетенные в обложки из шикарной кожи. Кажется, бычья та кожа, и со всех этих обложек она аккуратно вырезана. Спрашиваю хранителя: «Это что за варварство, кто безобразничал?» А он мне: «Так это ж ваши большевички и вырезали. Как пришли к власти, так себе на сапоги и выкроили. Спасибо, что документы на махорочные самокрутки не пустили. А может, что и пустили, да мы не знаем».

– Вы рассказываете с такими эмоциями, что у меня возникла мысль: не пойти ли мне после школы на исторический факультет? – призналась Надя.

– Мысль хорошая, но учти, что будешь получать грошевую зарплату, а скорее всего, придется учительствовать в школе. Хотя есть примеры очень поучительные, – подумав, сказал Станислав. – Вот русский ученый востоковед немецкого происхождения Радлов. Он, еще будучи юношей, поставил перед собой задачу: хочу быть ориенталистом – историком, изучающим народы Востока. Приехал в Россию, но работу нашел только учителем в горном училище, кстати, опять-таки в Барнауле. В школьные каникулы организовывал на свои деньги раскопки курганов (Берельских!), сделал большие открытия и, постепенно продвигаясь по служебной и научной лестнице, стал очень крупным ученым с мировым именем.

– Так это же немец! – протянул Степа. – Мы не такие.

– Вот это и беда, что не такие, не хватает целеустремленности, силы воли. А на хороших примерах надо учиться и мотать себе на ус. Да, но мы, кажется, отвлеклись. В общем, залез я в эти старинные бумаги и забыл обо всем на свете – так все интересно. Будто на машине времени перенесся в 18–19 века. Свою работу по отысканию графики я сделал за три дня, а потом неделю сидел, хватаясь то за одно, то за другое. Приходил к открытию архива, а вечером меня не могли выгнать – не мог оторваться от пожелтевших от времени бумаг.

– Ну и что вы там накопили? – не вытерпел Степа.

– Там, чтобы накопать что-то дельное, нужна не неделя, а месяцы и даже годы. Нужные планы я нашел, но еще кое-что ухватил другое, хотя только по верхушкам. Времени было мало. Вот заинтересовала меня история строительства Тургусунской ГЭС. Представляете: электричество только-только входило в обиход, а в нашем таежном краю задумали построить капитальную ГЭС. И построили.

правда, инженерами были французы. Протянули линию электропередачи длиной в 30 км из толстого медного провода. Алюминий в то время был дороже золота. И лишь случайность не позволила тогда воспользоваться этой ГЭС. Хотя еще до этого была запущена в самом Зыряновске ГЭС – Березовская, и стала эта гидроэлектростанция первой в России.

– Подумать только, наш Зыряновск такой маленький, а знаменитый! – удивленно протянул Степа.

– В том-то и дело, что никакой не знаменитый, и никто об этом нигде не пишет и не говорит, а надо бы. Или вот такой вопрос: вы, ребята, конечно, знаете, в честь кого названо Зыряновское месторождение?

– Да, знаем, в честь охотника Зырянова. Он охотился на речке Березовке и увидел отвалы с рудой. Поэтому месторождение и рудник назвали его именем.

– Почти правильно, если следовать официальной версии. Только Герасим Зырянов охотником был, так сказать, по совместительству. По своей профессии он числился слесарным учеником. Так вот, на самом деле месторождение открыто в глубокой древности. Когда именно, теперь это невозможно установить, но скорее всего, это произошло где-то две с половиной тысячи лет тому назад. Тогда горными разработками занималось племя чудь, вот эта чудь и является первооткрывателем Зыряновского месторождения. А что касается новейшего времени, то есть основания полагать, что о месторождении могли знать русские первопоселенцы еще в середине 18 века, то есть задолго до Зырянова. Об этом говорит и тот факт, что уже в то время речка Березовка имела свое русское название, а раз люди ознакомились с этим краем, то наверняка знали и про древние копи. Ведь большинство первопоселенцев были беглыми бергалами с демидовских рудников, а они-то хорошо знали, как выглядит руда. Другое дело, что они прятались, избегали контактов с начальством, поэтому руководство в Барнауле ничего об этом не ведало.

– Выходит, слава досталась Зырянову незаслуженно? – вырвалось у Степана.

– Может, ты и прав, но не совсем. Во-первых, это только предположение, а во-вторых, мы же не знаем никаких других имен. А что слава, так он и не попользовался ей, так как вскорости заболел и умер. Да и слава эта относительная. Надо было как-то назвать новое месторождение, долго не рассуждали, назвали так, и оно прижилось. А тогда существовало правило: кто открыл, того имя и давали новой рудной залежи.

Да, а я продолжу свои мысли. В 1786 году нашли Бухтарминское месторождение близ впадения Бухтармы в Иртыш (отвалы этого рудника до сих пор видны на склонах гор Вороньего седла по дороге на Иртыш, теперь Бухтарминское водохранилище). Но это месторождение было бедным, к тому же содержало одну только медь, а Кабинету требовалось в первую очередь серебро, чтобы восполнить убывающие запасы и добычу этого ценного металла на Змеиногорском руднике.

Гораздо большие размеры приняли поисково-разведочные работы в том же году, когда Екатерина II, обеспокоенная истощением основного серебросодержащего Змеиногорского рудника, издала «Указ о поисках руд и всякого рода полезных камней и минералов». Именно тогда начальник одной из таких партий 27-летний Филипп Риддер открыл богатейшее месторождение полиметаллических руд, названное его именем, в советское время переименованное в Лениногорское.

Тогда же велась борьба с так называемой иностранщиной, а Риддер – фамилия немецкая, вот ее и постарались «забыть».

Другая поисково-разведочная партия, посланная из Барнаула, возглавлялась бывшим лекарем, позже получившим специальность горного инженера и чин маркшейдера, очень опытным рудознатцем и знатоком цветных камней П. И. Шангиным. В задачу экспедиции входило не только отыскание руд и поделочных камней, но и описание местности, животных, растений и составление карт. Обследовав за лето 1786 года огромную территорию Горного Алтая, из долины Коксы Шангин перевалил хребет Холзун и спустился в долину Бухтармы. Почти наверняка можно сказать, что он спускался по долине Хамира, тогда Хаир-Кумина. И вот тут загадка: где он переправлялся через Бухтарму? Я делаю предположение, что в устье Хамира, там, где он впадает в Бухтарму, люди еще не поселились, и переправиться на другой берег было не на чем. Не было людей, не было и лодок. Поэтому он прошел правым берегом Бухтармы дальше вниз по течению и, видимо, переправился у нынешнего Снегирева, где, по некоторым сведениям, уже существовало небольшое поселение. Почему я останавливаюсь на этом вопросе? Да потому что, если бы он переправился в устье Хамира, то обязательно наткнулся бы на столь богатое месторождение, ныне известное как Зыряновское. Так что Шангину здесь не повезло, а так бы месторождение и рудник были бы не Зыряновским, а Шангинским.

– Может, это и лучше, не очень благозвучное название, – заметил Роман.

– Да это дело привычки, – отозвался Станислав. – Но дело в том, что Шангин в любом случае, так же как после него Зырянов, не мог быть первооткрывателем.

– Это почему же? – искренне удивились все, а Степа даже подскочил от возмущения.

– Я уже упоминал, что месторождение было открыто древним народом чудью. Они его и разрабатывали более двух тысяч лет тому назад. Потом все было заброшено и забыто, пока Демидовские рудознатцы не открыли все эти месторождения вновь. А с Шангиным история сыграла злую шутку. Дело еще и в том, что Петр Иванович Шангин был страстным любителем цветных поделочных камней и в первую очередь искал именно их, да и задание у него было – отыскание сырья для Кольванской шлифовальной фабрики. Странно и то, что не нашлось местного жителя, чтобы сообщить об имеющихся старинных закопущках и рудных отвалах. Ведь, откровенно говоря, первопроходцами, а значит и открывателями, всегда и всюду были местные жители, сначала охотники-алтайцы, а затем русские. Они и рассказывали ученым-путешественникам о тропах, реках, встреченных интересных местах и так далее. Потом появились русские, дали свои названия. Так появилась Березовка, речка, текущая среди березовых рощ. Все это говорит о том, что местные жители знали о существовании древнего рудника.

– Вполне логично, – согласился Степан.

– Станислав, а остались ли какие сведения, документы об этом путешествии Шангина? – поинтересовался Роман, внимательно все это слушавший.

– В том-то и дело, что есть даже дневники Шангина, но они до сих пор еще не изучены как следует. Что касается меня, то я только слышал, что дневник существует. Руки не доходят у нынешних исследователей и, возможно, мало кого это интересует.

Так вот смутные известия об имеющихся чудских копиях выше по Бухтарме доходили до начальства уже тогда, но проверить их все не представлялось возможным из-за отдаленности мест. Был такой купец Самсонов, похвалявшийся, что знает богатое месторождение на реке Березовке. Горное начальство в Барнауле, обнадежившись этими посулами, выделило ему крупную сумму денег для «сыску» и доставки рудных образцов. Однако он не смог удержаться от соблазна присвоить их себе, и сбежал, по сути, променяв славу первооткрывателя на золотого тельца.

– Говорят же, что жадность фраера губит, – вставил свое замечание Степа.

– Я же говорю, что в жизни деньги не главное, – откликнулся Станислав. – С открытием Зырянского месторождения долго не везло. Нашелся еще один крестьянин из села Выдриха, некто Кутин, заявлявший, что видел на речке Березовке обширные древние разработки. Обещал показать, но заболел, а посланный без него в 1790 году унтер-штейгер Литвинов счел рудные проявления недостойными внимания и даже не удосужился взять пробы. Но открытие все близилось, и весной 1791 года посланный на охоту с Бухтарминского рудника слесарный ученик Герасим Зырянов наконец-то нашел древние рудные копи и сразу понял их ценность. Собранные образцы рудных кусков были немедленно отправлены на анализ на Локтевский завод. Результаты были столь обнадеживающими, что начальник завода В. Чулков сам побывал на месторождении и убедился в его перспективности.

Чем далее шла разведка, тем все более убеждались в ценности руд нового месторождения. Рудник быстро рос и развивался. В середине 19 века Зырянский рудник давал серебра больше, чем все серебродобывающие рудники Европы вместе взятые.

– Здорово, интересно ты, Станислав, все это рассказываешь, – восхитился Роман, – хоть книгу пиши.

– Ну что ты, какая книга. Я не писатель, я работник рудника, хотя история меня всегда интересовала. Это же куда увлекательнее выдуманных детективов. Жизнь вообще интереснее любой выдумки. Знаете, ребята, что мне еще показалось интересным? Оказывается, у великого немецкого поэта Гете имелась коллекция зырянских минералов и руд, и она до сих пор хранится в веймарском музее поэта. А передал ему их работавший врачом в Барнауле Фридрих Геблер.

Впрочем, образцы алтайских, в том числе и зырянских минералов, собранные еще в начале 19 века, есть и в музее Санкт-Петербургского горного института, и в музеях Москвы, не говоря уже о Барнауле.

А этот Геблер – интереснейший человек. С отличным образованием доктора медицины в 1808 году приехал из Германии в Россию, можно сказать, на заработки. Устроился врачом на Колывано-Воскресенских заводах в далеком Барнауле. Алтай, местная природа, служба – все здесь понравилось молодому Геблеру. Он показал себя отличным специалистом и так прижился, что остался здесь жить и работать до конца жизни. Женился на местной уроженке, увлекся научными изысканиями и вскоре стал известен всему научному миру как исследователь Алтая и энтомолог – специалист по жукам. В 1828 году он был утвержден инспектором медицины и фармакологии всего горного округа, и это было очень кстати, так как объезжая подведомственные предприятия, он знакомился со многими уголками Алтая, и, конечно, это помогало ему изучать полюбившийся край.

Ребята, как зачарованные, слушали Станислава, а тот, видя это, предложил:

– Оставайтесь у меня ночевать, расскажу про Геблера более подробно.

– И откуда вы все это берете? – не выдержал Роман.

– Источники есть, жаль только, что на немецком языке и до сих пор не переведены. Книги Карла Ледебура, статьи того же Геблера. Интересная открывается картина, когда читаешь. Между прочим, история наших краев.

– Вы знаете немецкий?

– В том-то и беда, что нет. Кое-как переводил с помощью словаря. Много и неясного осталось. А история такая.

Рассказ о барнаульском докторе, ставшем известным ученым

8 августа 1826 года на Нижней пристани в Усть-Каменогорске, куда на специальных судах привозили зырянскую руду, царило оживление. Здесь собралась компания знатных людей, и прибыли они сюда с сугубо деловыми целями. Вовсе не вельможи, хотя один из них – Петр Козьмич Фролов был облечен большой властью, он занимал пост главного начальника Колывано-Воскресенских заводов и одновременно был Томским губернатором. Такое необычное совмещение доверено ему было царской властью за особо плодотворную хозяйственную деятельность на ниве горно-металлургической промышленности. Петр Козьмич Фролов был яркой личностью. Он имел не только большие заслуги в развитии горно-рудного производства, но, будучи высокообразованным человеком, уделял много сил развитию культуры края. Его интересовала история края, этнография, а собранные им предметы старины, вместе с коллекцией Геблера, стали основой организованного им музея. В Барнауле он основал горно-заводское училище, бумажную фабрику, библиотеку, метеостанцию. Местный поэт, перефразируя слова царя, выразился о Фролове так: «Там, где Фролов, закон не нужен. И не был край при нем сконфужен». Фролов отличался тем, что проводил неожиданные проверки на страх мздоимцам и казнокрадам, посему ими была сложена поговорка: «Не боюсь ни огня, ни меча, боюсь Петра Козьмича». По словам Ледебура, «он своим образованием и любовью к искусству дал жизни и вкусам барнаульцев совершенно иное направление». Имелись в виду прогрессивные нововведения в разных сферах жизни.

Кроме Фролова здесь были Павел Григорьевич Ярославцев – шихтмейстер, знатный барнаульский механик, служащий Колывано-Воскресенских заводов, имевший большие заслуги по конструированию и строительству сложных гидротехнических сооружений на рудниках и фабриках, и Геблер, главный врач тех же заводов, к тому времени выполнявший и инспекторские функции заводских и рудничных госпиталей.

Это была деловая, плановая поездка по рассмотрению состояния дел на подведомственных предприятиях, и она же одновременно и инспекторская. Загруженный многими заботами, Петр Козьмич мог позволить себе некоторую поблажку и короткий отдых на природе во время неспешного плаванья по Иртышу, ведь тот же путь до Зырянского рудника они могли проделать в два раза быстрее сухопутным путем по дороге.

– Господа! – обратился Фролов к собравшимся. – В нашем распоряжении четыре лодки. В каждой лодке размещаются по два пассажира. Мои коллеги зна-

комы с этим видом транспорта, а я поясно для нашего дорогого гостя господина Ледебура. Как вы знаете, он приехал из Петербурга путешествовать по Алтаю и изучать нашу флору.

– Карл Федорович, – обернулся он к высокому человеку явно нерусского вида в высоких сапогах и походном сюртуке, – вы, наверное, читали про индейские пироги, выдолбленные из цельного дерева? Так вот мы поплывем на таких же больших лодках-пирогах из тополя, в каждой из которых размещаются целых восемь человек: два пассажира, пять гребцов с шестами и один кормчий.

– Где же нашлись такие великолепные деревья, что оказалось возможным сделать такие гигантские лодки? – спросил Ледебур, действительно удивленный не только мастерством плотников, но и величиной тополей.

– Эти лодки выдолблены из стволов деревьев, растущих на берегах Бухтармы близ Зырянского рудника. Лодки, в которых мы поедем, далеко не самые большие. Хорошие мастера могут делать лодки длиной в 15 аршин. Называются они обнабоенными, то есть обделанными по бортам досками, и такие лодки свободно перевозят тарантасы даже через реку Обь. Чтобы лодка была пошире, при изготовлении борта ее распирают подпорками, пока дерево сырое. Работа непростая и стоимость такой лодки немалая: до 70 рублей. За эти деньги можно купить три лошади. Надеюсь, что тент над головами предохранит вас от солнца или дождя, и желаю всем счастливого плавания.

Ледебур не остался в долгу, в ответ сказав не только явный комплимент, но и искренне удивившись:

– О-о, это великолепно! Вас можно поздравить, господин Фролов, с тем, что у вас есть такие искусные мастера и что в ваших краях растут такие замечательные деревья. В Европе мы ничего подобного не видели.

– А к вам, Федор Васильевич, – обратился Фролов к Геблеру, – у меня особая просьба. Препровождаю вам и вашим заботам господина Ледебура. Вы его знаете лучше меня, прошу любить и жаловать. В лодках на сиденьях как раз можно расположиться двум человекам, так что вдоволь наговоритесь о своем любимом царстве богини Флоры.

– Очень рад, Петр Козьмич! – искренне отвечал Геблер. – Без всякого сомнения, мы найдем общий язык с господином Ледебуром.

И это была абсолютная правда. Они были знакомы: любитель-естествоиспытатель и путешествующий по Алтайским горам профессор ботаники из Дерптского университета. Для обоих это была редкая возможность так тесно общаться и говорить на родном для них немецком языке. На русском Геблер говорил свободно, хотя и с акцентом, а Ледебур его не знал.

Плавание оказалось необычайно приятным. Вначале молчаливые, а потом распевавшись, дюжие молодцы, раздетые до пояса, толкали лодку шестами, все время держась мели вдоль берега. Когда же позволяла местность и берег, гребцы становились бурлаками и тянули лодку на канате. Почти сразу за Пригонной сопкой близ окраины Усть-Каменогорска кончалась степь, и Иртыш входил в скалистые берега. Каменные стены стискивали реку, береговые утесы, один другого выше, стояли по обе стороны Иртыша. Эта величественная картина реки с нависающими гранитными кручами была знакома большинству плывущих, Ледебур же с жадностью вглядывался в открывшуюся панораму, на глаз описывая геологическое строение берегов. По рассказам, об эти береговые скалы, называемые

быками, разбилось немало сплавщиков. Иртыш, зажатый горами, течет быстро, и особенно стремителен там, где река, меняя направление, огибает выступающие скалы. Лучше всех знал Иртыш сам начальник Кольвано-Воскресенских заводов, он же и организовавший здесь судоходное движение и помнивший все названия быков, мелей, островов и опасных мест. Наибольшей известностью пользовалась отвесная скала черного цвета, получившая название «Петух» или «Петушиный гребень», наиболее же опасным местом считались Семибратские скалы, где имелось очень быстрое и сильное течение. Если лодка попадала в струю этого течения, то ее несло от одной скалы до другой, и вырваться из-под власти его было невозможно. Еще большей мрачной известностью пользовалась протока между берегом и островом уже вблизи Усть-Бухтарминска, получившая за узость прохода название Собачья нора.

– Самая коварная эта сучья нора, – комментировал Петр Козьмич, – почему и прозвали её так. Сколько плауков, карбасов с рудой на ней разбилось! Но вы, господа, не тревожьтесь, такое случается при плавании вниз. Зазевался кормовой, вот и тащит карбас или плот куда не надо.

По вечерам путники с комфортом устраивались на берегу, жгли костер, ужинали, ночевали в специально устроенных палатках. На всем пути лишь в одном месте стояла изба, где сплавщики руды могли остановиться, переждать непогоду или переночевать. И разговоры, рассказы без конца. Фролов рассказывал, как, будучи совсем молодым, исследовал форватер Иртыша на предмет сплава по нему зырянской руды. Выигрыш в затратах на перевозку водным путем по сравнению с гужевым транспортом оказался огромным. Он же сконструировал суда, называемые карбасами, и вот уже 20 лет на них возят руду, преодолевая расстояние в 150 верст вниз по реке до Усть-Каменогорска за один – в худшем случае за два дня. Ярославцев делился планами устройства водоотлива на Зырянском руднике, являвшегося главной проблемой у заводского начальства.

– Уже заканчивается строительство шестиверстного водоподводящего канала на реке Березовке, – хвалился он, – вода будет крутить трехсаженные водоналивные колеса. Теперь думаем, как передать энергию колес к шахтным насосам.

– Вы там поторопитесь, – вмешался Петр Козьмич, – шахта ждать не будет, ей работать надо, а вода подпирает, людям уже по колено.

– Петр Козьмич, вы же знаете, что даже в Европе подобные задачи решать не умеют, – отвечал Ярославцев. – Зело неудобно передать энергию на гору.

– А что нам до Европы, вот наш Ползунов опередил и Англию со своей огненной машиной. Что же нам, так и держать сотню лошадей на откатке воды?

– Будет, Петр Козьмич, будет готово к следующему вашему приезду.

Ледебур рассказывал об экспедиции этого года по Алтаю, делился планами на продолжение путешествия.

– Надо добраться до Белухи, этого алтайского Монблана, называемого Катунскими Столбами, и наконец разгадать тайну самой высокой и загадочной горы Алтая, – говорил он своим слушателям, самым внимательным из которых был Геблер. – Интересно побывать и на горячих ключах, о которых рассказывают бывалые люди.

– Каким путем вы думаете идти? – спросил Геблер. – Левобережье верховьев Бухтармы находится в китайских пределах, в иных местах путь преграждают высокие хребты.

– Воспользуюсь путем, которым шли и расселялись ваши беглые люди, называемые каменщиками, – отвечал Ледебур. – Сенная, Коробиха, Фыкалка. Даст бог, успею до холодов и осеннего ненастья.

Геблер жадно слушал, все более убеждаясь, что и он должен внести свою лепту в изучение Алтая и пополнить когорту его исследователей. Чуть позже к этому его подталкивали и встречи с великим Александром Гумбольдтом, приезжавшим на Алтай в 1829 году. Тогда знаменитый ученый дважды наносил визиты в дом Геблера.

Так плыли целых три с половиной дня, прибыв на Верхнюю пристань в полдень 11 августа. Дальше до Зыряновского рудника добирались сухопутным путем в тележках.

Зыряновск представлял собой невзрачный поселок с приземистыми домами, мало чем отличающимися от деревенских изб. Выделялись лишь бревенчатые копры шахт и горы отвалов руды и горной породы. Здесь каждый из приезжих занялся своим делом.

Осмотрев лазарет в сопровождении местного лекаря, неказистого человека лет пятидесяти, и поговорив с лежащими в нем бергалами, Геблер в который раз отметил жалобы больных рабочих на малярию, ревматизм, боли в суставах, желудок. Потом познакомились с так называемым больничным садом. После знакомых в детстве садов Германии, этот огороженный плетнем от скотины садик производил жалкое впечатление. «Какой же это сад, – думал про себя Геблер. – Все это скорее можно назвать огородом. Эти сибиряки представления не имеют, что такое настоящий сад. Настоящий сад – это яблони, груши, сливы, абрикос. А тут из деревьев одна черемуха, да и та больше похожа на кусты. Да, но в то же время этот Алтай – настоящий кладезь лекарственных растений, правда, еще пока плохо изученных. Впрочем, что это я, – спохватился Геблер, – сад – это название условное, и предназначается он для выращивания самых обычных и простых лекарственных растений: подорожника, пустырника, зверобоя, мать-и-мачехи. И надо признать, что местные жители знают и иные алтайские травы, которыми лечатся».

– Да, батенька, тут у вас не очень порядок, – сделал он замечание хозяину «сада». – Все-таки это больничное заведение, а у вас все вкривь и набекрень, и скот захаживает. И растений мало. Смородина, малина, чистотел, – это хорошо, а где ревень? Иркутский аптекарь господин Сиверс специально ездил в ваши края, чтобы искать корень лекарственного ревеня, а у вас в саду его нет, хотя ваши крестьяне-сибиряки очень его уважают.

– Так, это, ваше благородие, что его садить, когда выйди за село, там его полно. Да и мало он помогает. Даем его нашим чахоточным больным, а толку нет. А вот что будем делать с ревматиками, бергалы сплошь болеют после сырой шахты?

– Слышал я, что некто Рахманов нашел в ваших краях целебные минеральные источники.

– Так это ж, не дай бог где, у черта на куличках. Туда и здоровый, если доберется, больным станет, а больной и вовсе умрет. Очень он, этот арашан, далеко, за горами, за тридевять земель.

«Дойти, проверить, выяснить свойства. Очень может быть, что это второй Карлсбад, – думал Геблер. – А там и Белуха недалече, в тех же краях. Ледебур вернется, все расскажет».

Ледебур вернулся в Барнаул, но не с теми сведениями, что ожидал Геблер.

– Дошел до Фыкалки, посетил китайский пикет в Чингистае, а дальше сельский старшина отговорил идти, – рассказывал он. – Конец августа, говорит, время позднее. Может непогода, снег зарядить на неделю, а в высокогорье это опасно. В общем, не решился я.

– Да, да, – согласился Геблер, – непогода в наших краях непредсказуема, а в высокогорье уже в августе может выпасть снег и стукнуть мороз

А сам же подумал: «Не знает этот иностранец характер русского человека. Может, он и прав, а может, и нет, этот сельский староста. Вполне возможно, слукавил, чтобы самому не идти в проводниках. Но верно, если я решусь, то выйду пораньше, и точно знаю, что пойду из Зырянска, – решил про себя Геблер. – Дорога проверенная, хотя и не простая, и нет бомов и прижимов, что на Катунь».

Решение о сроках подтвердил и опыт другого исследователя и коллеги Геблера Александра Бунге, в 1829 году пытавшегося добраться до подножья Белухи. Слушая рассказы бывалых людей, первопроходцы-исследователи того времени пытались подобраться к величайшей горе Алтая с юга, из Зырянска, да, кажется, они и не знали иного пути подхода к ней. Даже опытный А. Бунге, разглядывая панораму высоких гор с севера, не сразу догадался, что снежные вершины у реки Аргут это вовсе не Белуха, и её еще надо искать в путанице хребтов. Ученый ботаник, как и Геблер, устроившись врачом в Змеиногорске, он делал вылазки в горы для изучения растительности Алтая. Почти тем же путем, что и Ледебур, в июне выйдя из Зырянска, через Фыкалку он прошел на Катунь и был остановлен мощным разливом реки. Это было летнее половодье, часто случающееся на реках Алтая из-за таяния снега в горах и обильных июньских дождей.

«Есть хороший шанс быть первым, – думал Геблер. – Сам бог велел, хватай птицу удачи за хвост, пока она не улетела». Этим поговоркам Геблера выучила русская жена Александра Степановна, верная его помощница, да и дети его уже говорили по-русски лучше, чем он сам, и частенько поправляли отца. «Конечно, это не главное, а приоритет. Главное, надо продвигаться вперед и изучать край, где живешь».

Не сразу, постепенно шел Геблер к своей цели.

Очередную свою инспекторскую поездку по рудникам и заводам в 1833 году Геблер совместил со своим служебным отпуском, который он намеревался использовать для экспедиции в район загадочных горячих источников, о которых слава распространялась по всем Кольвано-Воскресенским заводам. В кармане его лежало предписание зырянскому приставу Циолковскому о всемерной поддержке его предприятию вместе с небольшой суммой денег, отпущенной для этой цели администрацией в Барнауле. Но Геблер знал, что ему по мере возможности в Зырянске помогут и без этого. Грешно пользоваться, но он уже испытал на себе русскую традицию (а может, и не только русскую) угождать инспекторам, исполняя любые их требования и просьбы. Чинопоклонение, подобострастие перед начальством на Руси процветало испокон веков, а что говорить о ревизорах, – перед ними трепетали. Геблер недовольно морщился от этого угождения, похожего на раболепие, но, как говорится, «со своим уставом в чужой монастырь не ходят», надо жить по существующим здесь правилам. Тем более что в данном случае пристав он уважал. Алексей Осипович Циолковский был просвещенным

человеком, интересующимся историей края. Он даже производил раскопки древних курганов на берегах Иртыша. Причем делал это по собственной инициативе, из одного интереса к истории.

Геблер имел уже достаточный опыт путешествий по Алтаю и удачно выбрал время для своего путешествия: вторая половина июля отличается устойчивой сухой погодой, в это время усмиряются не только горные реки, вошедшие в свои нормальные русла, но и комары – этот страшный бич в таежной глуши.

На этот раз Зыряновск встретил его сухой жарой и скрипом, временами переходящим в визг. Это работала новая штанговая водоотливная машина, та самая, о которой рассказывал Ярославцев во время плавания с Ледебуром. Через весь поселок протянулась система деревянных штанг из бревен длиной в целую версту. Посредством шатунов она передавала энергию от громадных водоналивных колес диаметром в шесть метров к насосам, откачивающим воду из подземных выработок. Этот шум, что ночью, что днем, не давал жителям Зыряновска спать, и они прозвали эту адскую машину Сварливой Ведьмой. К обычным запахам конского пота и навоза прибавились ароматы дегтя, которым обильно смазывались шарниры шатунов и штанг.

– Зато теперь у нас почти решена проблема водоотлива, – объяснял пристав. – Можно сказать, освободился целый табун лошадей, ранее задействованных на откачке воды. Так что спасибо Павлу Григорьевичу, придумавшему эту штуковину.

Начало путешествия было даже комфортным: заботливый зыряновский пристав предоставил в распоряжение путешественника свою легкую коляску. Дорога образовалась совсем недавно в основном усилиями горнозаводского начальства Зыряновского рудника. Местные жители до сего времени колесным транспортом не пользовались, предпочитая ездить верхом, а грузы перевозили во вьюках или на волокушах таском, то есть волоком. Да это и немудрено: кругом горы, чтобы проложить дорогу, нужны немалые усилия и много земляных работ. Едва ли не основной транспортной артерией служили Бухтарма и Иртыш, по которым сплавливались чаще всего на плотках.

Покачивая крупом, неспешным, размеренным шагом идут лошади, нагруженные вьюками. В кавалькаде из четырех человек их шесть. Дорога, больше похожая на караванную тропу, идет широкой луговой долиной, пересекает село Мягонькое (Соловьево), потом поднимается в гору, поросшую жесткой щетиной карагайника. Крутой спуск к Бухтарме и путники в селе Сенном, населенном бывшими каменщиками. Еще недавно эти люди жили, прячась от властей по диким ущельям, а после «прощения» царицей Екатериной и принятия их в подданство империи переселились в более удобные места, образовав новые селения. Здесь жил своеобразный русский этнос со своим укладом жизни, традициями и обычаями. Были и особенности в быту, с которыми приходилось считаться и учитывать. Остановливаясь на ночлег в крестьянской избе, Геблер, не дожидаясь приглашения, доставал из походного ларца свою посуду. Кержакам это нравилось, угощали обильно, ставя на стол расстегаи и пироги с рыбой, мед и варенье из местных ягод на меду.

Два дня пути до Коробихи, сложная переправа через Бухтарму, на правый берег, где расположилась старая деревушка Верх-Бухтарминская или Печи, второе свое название получившая за выемки в обрывистом глиняном берегу.

– Марали выгрызли, – пояснил проводник, показывая камчой на круглые лунки, напоминающие чело русской печи. – Соли им не хватает.

Естествоиспытателю все интересно, однако что ждет их впереди?

– Ты, братец, лучше скажи, далеко ли до Белой?

– К вечеру будем, а там, глядишь, хорошо бы и до Фыкалки добраться.

Однако в Белой задержались. Геблер узнал, что Рахманов, тот самый охотник, что первым в 1763 году побывал на Горячих ключах, жив и в полном здравии.

– Веди меня к нему, – сказал он местному сельскому старшине, – поговорить надо.

Рахманов оказался вполне бодрым стариком, несмотря на свои 90 лет.

История открытия, тут же ставшая легендой, гласила, что в тех местах Рахманов ранил марала. Преследуя его по кровавым следам, на следующий день охотник нашел его, стоящим в клубах пара горячего источника. Каково же было его удивление, когда, добыв зверя, он обнаружил, что рана его почти затянулась. Тогда Рахманов, сам страдающий ревматизмом, стал принимать ванны и через неделю почувствовал себя совершенно здоровым.

Услышав этот рассказ про себя, старик усмехнулся. Не дав Геблеру договорить до конца, он живо реагировал, проявив светлый разум и отличную память:

– Пошто, барин, несешь околесицу! Сказки все это. Что про марала, так верно, стрелил я его для продажи китайцам. Дюже они до них охотники и хорошие деньги за рога платят. А что зверь за один день вылечился и что я был первым – вранье. Калмаки давно знали сие место и даже почитали его святым. Знаки там для этого были ими поставлены, а более всего поразила меня деревянная хоромина. Крыша плоская, китайская, внутри обита цветным шелком. Стоит стол с сосудами синего и зеленого цвета, а вдоль стенки уставлены ихние божки. Я-то ничего не трогал, а слышно, наш брат, русак из Печей Мурзинцев два года назад пожег эту богадельню. Говорит, язычников надо искоренять. Оно, конечно, калмыки нехристи, но ведь они тоже люди, и у них своя вера. Варнак одним словом этот Мурзинцев.

Видя, какой интерес проявляет этот странный нерусский человек к горячим ключам, Рахманов добавил:

– Я бы, барин, тоже пошел с вами, очинно интересно снова там побывать, да вишь, совсем немощен стал, более 90 годков ведь мне.

Рахманов прожил очень долгую жизнь, и путешественник Воронин видел его еще в 1843 году 102-летним старцем.

В Фыкалке жили потомки тех «мясорубов», беглецов, что прятались по трущобам, жили в землянках и боялись друг друга и, бывало, топорами зарубали товарищей, не поделив женщин. Теперь здесь все было спокойно и даже благопристойно, а старики, умиляясь наступившей мирной жизни, славили покойную матушку-царицу, простившую их за все грехи. Сельский староста, тот самый, что отговорил Ледебура, как ни юлил, а пошел в проводники. Бумага от начальства Кольвано-Воскресенских заводов действовала безотказно.

Проводник предупреждал:

– Смотри, ваше благородие, дорога сия весьма тяжкая, а особливо когда от Берели зачнем подниматься в гору, – стращал он Геблера. – Сначала тайга будет непролазная, потом крутяк, камень и щебень. Пешком-то оно не слишком заметно, а лошади того и гляди, как бы не переломали ноги.

Все так и было, как он говорил. На горе, когда чахлые лиственницы и кедры совсем поредели, проводник предложил:

– Однако, барин, Федор Васильевич, лучше нам спешиться, так-то надежней будет. Ненароком лошадь споткнется, да и ей без тяжести легче ступать. Вон, гляди, как осторожно ставит ноги, щупает копытом – надежна ли опора. А то и в трещину нога может провалиться, тогда и до беды близко. Сломает конь ногу, ему хана, а нам что тогда с вьюком делать? Не потащишь же на себе!

На спуске было еще хуже: того и гляди, конь оскользнется, завалится, а то и всадника задавит. Здесь, на северной стороне горы, кое-где еще лежал снег. В разрывах туч проглядывала совсем близкая Белуха. Грозный её вид пугал мужиков, они крестились, а Геблер на глаз прикидывал расстояние, все более убеждаясь, что обязательно должен до нее дойти.

– А вон, барин, гляди, видишь озеро? Сверху-то оно все на виду. А где озеро, слева его и арашан. Теперь-то, почитай, совсем близко. Может, повезет, калмаки там стоят. Молока, мяса покушаем.

– В любом случае здесь будем стоять несколько дней, пока я не сделаю свою работу, – отвечивал Геблер, даже в мыслях не помышлявший изменять своему плану.

– Воля ваша, – отвечал проводник, – была бы погода и провизия для людей и корм лошадям.

Нет, не оправдались надежды старосты и работяг, приданных экспедиции. Берег озера был пустынен. На озере плавали гагары и, похоже, не обращали внимания на людей. От построенной джунгарами деревянной кумирни остались лишь голышечки на каменном фундаменте, тут же торчали шесты с развешенными конскими хвостами, а ветви ближних деревьев были украшены лоскутами и разноцветными тряпочками, стояли шалаши, сооруженные страждущими исцеления.

Нет сомнения в том, что об источниках давно знали местные жители, буддисты по вероисповеданию, ойраты, казахи, о чем свидетельствовали небольшие бассейны, обложенные каменными глыбами, а один из них обделан деревянным срубом.

Сопровождающие Геблера люди – бергалы из бывших крестьян, довольные, что закончился трудный переход, тут же кинулись собирать дрова для костра, а Геблер, не откладывая, начал осмотр источников, по ходу производя необходимые замеры. Главное, надо было взять пробы минеральной воды, довести её хотя бы до Зырянска, чтобы сделать простейший анализ.

Черные тучи неслись низко-низко, закрывая верхушки ближних гор. Надо было спастись от холода и морозящего дождя в поставленной рабочими палатке. Да, это был не Карлсбаден и не Карловы Вары. Но выходило солнце, и все сияло чистой красотой, что бывает только в горах.

Геблер замерил температуру ключей, оказавшуюся в пределах 30–40°C, взял пробу минеральных вод и составил их описание. Первый химический анализ, сделанный в примитивных условиях в поселке Зырянский рудник, показал наличие в воде углекислоты и солей натрия и магнезии. Дальнейшие исследования показали их аналогию с водами знаменитых курортов Европы, в том числе и Карлсбадена.

Назад до Зырянска Геблер добрался, сплавившись из Коробихи на плоту по Бухтарме.

Всю зиму Геблер думал о новом сезоне, мечтая заняться обследованием Белухи. Увиденная им панорама исполинской горы не давала покоя. Вид с юга грандиозен, а какова она с севера, и можно ли подобраться к ней? Никто из исследователей-путешественников и рудознатцев не видел её с обратной стороны. Даже Бунге, опытный путешественник, стоя на Катуня у слияния с ней Чуи, гадал, какая из снежных гор может быть Белухой, хотя на самом деле он видел совсем другие горы. Другое дело местные жители, особенно охотники, исходившие все горы и самые глухие уголки Алтая. Проводники уверяли Геблера, что увидеть обратную сторону Белухи можно со стороны реки Ак-Кем. Это и наметил сделать Геблер в следующем сезоне 1834 года. Он же поставил перед собой задачи:

1. Проследить течение реки Катунь.
2. Измерить высоту снежного покрова в горах и верхнюю границу леса.
3. Исследовать ледники.
4. Измерить высоту Белухи.
5. Осмотреть со всех сторон Катунский хребет и увидеть неведомую реку Аргут.

6. Наблюдать фауну и флору.

На следующий год Геблер наметил совсем другой маршрут, намереваясь по долине Катуня, через загадочный Уймон, поселения катунских каменщиков, пробраться к Белухе с северной стороны. А начал он свой путь из Зырянска в тележке по долине реки Хаир-Кумын, как раньше называли Хамир. Название это переводили с алтайского языка как «быстрый, молодой парень».

Дорога до Бухтармы шла лугом, по которому текла, прихотливо извиваясь, речка Березовка, заросшая кустами тала и смородины. В небе кружили белого цвета хищные луны, несколько раз взлетали журавли. Вот и Бухтарма, одна из знаменитых рек Алтая. С любопытством взирал Геблер на стремительные воды, несущиеся с неведомых снежных вершин. Поросшие лиственным лесом берега были пологи и удобны для подъезда, над рекой со стоном летали кулики-перевозчики. «Да, здесь всюду тополь», – отметил про себя Геблер. Вот и пеньки от срубленных деревьев, из которых местные жители делают лодки, похожие на индейские пироги. На двух таких лодках ему предстояло переправиться на другой берег вместе с сопровождавшими его людьми.

– Долбежка из тополя? – зная местные названия лодок, спросил он лодочника, хмурого мужика, стоявшего в деревянном челне и опиравшегося на длинный шест.

– Нет, ваше благородие, лодка из тала. – И, не дожидаясь вопроса, пояснил: – Из тала долбенка лучше: крепче и служит дольше. А что до тала, так он растет здесь всюду, хотя и реже, чем тополь. Однако, барин, ты не думай, что все так просто. Все топором излажено, и большое мастерство требуется, чтобы её сделать. Потому беречь такую лодку надо: смолить, сушить, вытаскивая на берег, иначе сгниет, от воды и сырости пропадет.

Мужики расседывали лошадей, снимали с них вьюки. Геблера перевезли вместе с грузом, после чего мужики, усевшись в лодки и держа в руках поводья, переплыли вместе с лошадьми. С любопытством взирал Геблер на открывшуюся пойму Хаир-Кумина, густо заросшую тальником, черемухой и тополями. Флейтовые крики иволг неслись с вершин огромных деревьев, чаща расступилась, и открылся вид на дорогу через сырую низину.

Весело перекликаясь, спутники Геблера переодевались в сухое, снова навьючивали лошадей. Здесь путешественников ждала другая телега, большая, неуклюжая на вид, грубой работы. «Не лучше ли пересесть на верховую лошадь?» – вертелась у Геблера мысль, и он с недоверием посматривал на телегу, предназначенную для перевозки строевого леса.

– С переездом, барин! – приветствовал стоявший с лошадьми возница, заросший бородой мужик неопределенного возраста. – А ты, небось, и не заметил что сразу две реки переехал? Вот он, наш красавец, Хаир-Кумин, сливается с Бухтармой. Вдоль него дальше и поедем. А ты, барин, не бойсь, – поняв, о чем думает Геблер, продолжал он, – эта подстава не подведет. Самая что надо по нашим буеракам и колдобинам. Не перевернется на косогоре, для чего и служат длинные жерди. От них и тряска меньше, а для тебя, хе-хе, и короб на них поставлен, чтобы ни комары, ни солнце не досаждали. Бог даст, сегодня доберемся до Столбоушки, а там уж верхами придется дальше идти.

«“Бог даст, авось, небось” – ох уж эти русские! Все-то у них неопределенное. Однако многое у них получается», – мысленно сказал Геблер про себя и тут же уловил, что и сам употребил любимое сибирское и русское словцо «однако». Заботы, заботы. Мысли о доме не давали покоя, обуревали всё время в пути. На службе всё в порядке, его уважают, поощряют его деятельность по изучению края, а вот дома не все благополучно. Нежданно-негаданно в Петербурге умер его первенец Георг, студент медико-хирургической академии. Двое детей в младенчестве скончались. А ведь он сам врач, сколько детишек чужих спас! С женой не все как надо бы. С характером его Алекс, Сашеньки, прямо-таки сладу нет. Какая все-таки сложная жизнь! Но сдаваться не следует.

Дорога шла косогором по склону горы, названной возницей Ларихой. Безлесный вначале уклон сменился угрюмым осинником, через листву которого не пробивались солнечные лучи. Дальше пошел березово-пихтовый лес, частично порубленный, из глубины которого кое-где выглядывали избушки лесорубов и дегтекуров. Дегтя требовалось много, одна штанговая рудничная машина немало его потребляла. Что касается леса, то его рубили не только для строительства домов, но и для крепления подземных выработок. Естественно, большой преградой на пути к рудникам стояла Бухтарма, поэтому старались перевезти его зимой по намороженному мосту. Бухтарминцы были мастера строительства таких зимних мостов, когда в дно обмелевшей реки забивались деревянные опоры-сваи, настилались доски и хворост, и все это схватывалось крепким морозом уже в ноябре-декабре. Русские люди быстро обживали край. Наш знаменитый путешественник В. Обручев, в 1914 году прошедший по долине Хамира, отмечал, что «лес здесь хищнически порублен».

Как и предсказывал возница, к вечеру путники добрались до места, называвшегося Калмыцким бродом через Хаир-Кумын, рядом с местом впадения речки Столбоушки. Дальше шла лишь тропа, пересекающая долины небольших речушек Большой и Малой Луговых (ныне Логоушки) и ведущая на вершину Холзуна и в Уймон. Нетронутая тайга окружала путников, и узенькая тропа едва проглядывала в буйных травяных дебрях, почти с головой скрывающих всадников. «Чернь» – пояснил проводник, имея в виду несколько мрачноватый пихтово-березовый лес, такой дремучий и густой, что под кроны почти не пробивалось солнце, и здесь стояла вечная тень.

Путешествие было далеко не первым у Геблера. Постепенно он выработал распорядок дня в пути и строго его придерживался. Первое и самое важное, хотя и не всегда выполнимое, – дневник. Как бы ни было тяжело, как бы ни устал, а надо, преодолевая себя, садиться на какой-нибудь пень-колоду и записывать события и впечатления дня. Не запишешь сегодня, завтра забудутся детали и, может быть, самое главное – эмоции. Его спутники развьючивают, разнуздывают лошадей, ломая голову, где найти для них пастбище, собирают дрова для костра, устраивают палатку для начальника, готовят еду.

Костер, как правило, большой, жаркий, ведь надо обсушиться, обогреться после проливного дождя или вымокнув от росы, такой обильной в горах Алтая. Прием пищи только два раза в сутки, ведь было бы обременительно тратить время и усилия, чтобы развьючиваться еще и днем. Все ложатся спать на сырую землю, подкладывая под себя войлок, Геблер в палатке спит, заворачиваясь в шубу, и чем прохладней ночь, тем крепче сон.

Предмет особой заботы Геблера – барометр. Хрупкий прибор было поручено носить и оберегать его слуге, от этого чувствуящему себя важным и значительным. Проводник и сопровождающие Геблера двое рабочих с опаской поглядывали на незнакомый предмет, показывающий высоту местности и предсказывающий непогоду. Он казался им волшебным и таинственным, отчего они называли его колдуном, а крестьяне из деревень даже просили Геблера с его помощью найти нечистых на руку людей, занимающихся воровством скота.

Во второй своей экспедиции Геблер посетил Уймонскую долину и деревни, что образовались там к тому времени. Уймон – загадочная страна, таинственно и само слово, означающее лихое, потаенное место, дремучий лес, скрытый от людских глаз. Не случайно сюда, как и на Бухтарму, уходили от преследования властей беглые русские люди. Интересно, что и река Катунь в этом месте называлась Уймоном, а слово «Алтай» в то время у русских местных жителей означало горы, где живут алтайцы (калмыки) и нет русских.

В Уймоне общались с русскими поселенцами. В селе, образованном бывшими беглыми в 1801 году, было не больше 20 крестьянских изб. Хлеб здесь родился плохо из-за сурового климата, но процветала охота и скотоводство. Жили они неплохо, охота на маралов и продажа китайцам оленьих рогов, называемых пантами, приносила очень хорошие доходы. Староверы, они недоверчиво относились к пришельцам, тем более что из-за акцента видели в Геблере человека нерусского, даже подозревая в нем некрещенного язычника. Геблер с пониманием и спокойно относился ко всему этому, и будучи в гостях, доставал свою посуду из походного ларца. Как врач, он даже одобрял эту безразличность, считая, что так люди предохраняют себя от заразных болезней. Кончались русские селения, дальше были встречи с бродячими алтайцами-охотниками, в народе называемыми калмыками. Собравшись в кружок у костра путешественников, они сосредоточенно курили трубки, молча передавая их друг другу, то есть из уст в уста, и тем выражая свою дружбу. Геблер, как врач, да еще и немец, безговал этой процедурой, но куда денешься! Преодолевая отвращение, он принимал трубку и делал вид, что все это доставляет ему удовольствие. Калмыки очень дорожили табаком, с удовольствием принимая его в подарок от русских путешественников, и разбавляли его древесными опилками для экономии. «Огненную воду» большинство уже познало, но Геблер старался ею не пользоваться

и тем более не одаривать своих таежных гостей, вполне обоснованно опасаясь их непредсказуемости.

8 июля, переправившись в утлой лодчонке через Катунь на правый берег, Геблер посетил Нижний Уймон и недавно обустроенную Чечулиху. Окрестности Чечулихи, окруженной горами и лесом, были очень живописны, а хозяева, редко видевшие гостей, гостеприимны. Далее дорога шла берегом Катуня, часто зажатой в каменных берегах. Река здесь становилась бесноватой, с бешеной скоростью крутила воронки у береговых скал, обточенных водой. Кое-где посреди реки виднелись скалистые острова, заросшие лесом. Они хорошо оживляли пейзаж, и проводник рассказал Геблеру легенду, бытовавшую среди местных жителей.

– Гляди, ваше высочордие, калмаки рассказывают, будто в давние времена два богатыря, отец и сын, решили построить переправу. Стали ломать скалы и бросать в реку. Катунь забурилась, вспенилась от гнева, поняв, что её хотят покорить, поднатужилась и размыла плотину, унесла эти камни. Остались лишь вот эти островки да следы этих батыров. Видишь, вот тут след от ноги, а тут лунки, где они сидели, отдыхали.

– Сказка не есть правда, – отозвался Геблер, – но в них бывает смысл, хотя я не вижу никаких следов от ног, а что до этих каменных лунок и желобков, так это понятно, что их выточила вода. Говорят же, что вода камень точит. А я вот думаю, отчего Катунь вьется вокруг горы Белухи, словно не желая с ней расставаться. На юге, где начинается, огибает с запада, а теперь течет вдоль северного склона. Владычица Катунских гор царствует над всеми, вот и над реками тоже, не желая отпускать Катунь.

– На все воля божья, – согласился проводник. – Вы верно, барин, сказали про Катунь. То она бежала с востока на запад, а теперь с запада на восток. Белуха стоит на своем месте, а Катунь кружит вокруг неё, будто дочка, что не хочет от матери уходить. А ты гляди, другая речка Берель начинается там же, но сразу поворачивает и бежит в сторону Бухтармы.

– А Бухтарма впадает в Иртыш, – подхватил мысль проводника Геблер. – Вот и получается, что мы сложили новую легенду. Верная Катунь не изменяет матер, а Белая Берель побежала в сторону, чтобы встретиться с добрым молодцем Иртышом.

На следующий день Геблеру снова предстояло переправляться через Катунь, бурную в этом месте. С недоверием посматривал он на утлый челн, как видно, не один год служивший хозяину.

– Что, барин, боишься? – заметил сплавщик. – Я на реке лучший плаук, доставлю в один миг.

Лодочник, ловко отталкиваясь шестом о дно, быстро погнал лодку вверх по реке вдоль берега, затем вдруг повернул её носом к реке, направив на быстрину, на самый фарватер. Челн плавно закачался на волнах, а наперерез ему, хлопая крыльями по воде, стремглав пронесся выводок крохалей. Бросив шест на дно, перевозчик схватил весла и торопливо стал подгрести к противоположному берегу.

Вскоре Геблер любовался видом снежных гор, выглядывающих из глубины ущелья реки Ак-Кем. Сверкая снегами и маня своим величественным видом, Белуха стояла перед ним.

– Да, это она, царица алтайских гор, – признал он. – Хотя до неё далеко, однако, не меньше 20 верст, и вид у Белухи другой, но два рога можно различить.

Но, к сожалению, Геблеру не удалось пройти к подножью Белухи, слишком сложным оказался путь по ущелью Ак-Кема, да и время поджимало, а он еще наметил продолжение маршрута в неизведанные путешественниками места. Тогда он дошел до реки Аргут и закончил путешествие в Зыряновске, затратив на весь маршрут 10 дней.

Вторая страсть Геблера – жуки. Колиаптерос – так по латыни звучит название этого отряда насекомых, а Алтай был для них раем и нетронутой целиной для ученых. Что ни новый горный отрог, ущелье, долина реки, везде разные представители отряда колиаптерос. Геблер открыл не один десяток новых видов, и когда позволяло время, погода, и не валился с ног от усталости, занимался их поисками. Рядом слуга с сумкой, где лежат вата, коробочки, морилки и пинцеты. Он же переворачивает камни, где, как правило, в дневное время прячутся жуки, чаще хищные жужелицы: карабусы и скариды, а сколько на цветах других жуков: навозников, скарабеев, кравчииков, стафиллинов! Бывает, всем в их маленьком отряде приходится ворочать камни в поисках этих быстроногих карабусов.

– И на кой черт твоему барину вся эта нечисть? – ворчат спутники мужички, обращаясь к слуге Геблера Матвею.

Тот с важностью защищает хозяина:

– Темные вы люди, мужичье. Не дано вам понимать, что это наука! Это вам не щи лаптями хлебать.

– Может, она и наука, да из козявок щи не сварить, – не сдаются мужики. – Баловство одно все это.

На следующий год Геблер наметил более длительное путешествие, и начальство Кольвано-Воскресенских заводов пошло ему навстречу, даже выделив на эти цели 200 рублей. И тут Геблеру повезло. К тому времени Фролов уже уехал в Петербург, и на его месте был молодой Евграф Петрович Ковалевский, в славе превзошедший самого Петра Козьмича. Надо ли говорить о том, что будущий неутомимый путешественник и писатель благоволил Геблеру и даже чувствовал в нем родственную душу. И опять главная цель исследователя – Белуха, хотя он намеревался пройти и дальше в глубину высоких гор, куда еще не ступала нога ученых.

Новое путешествие началось, как и в предыдущем году, с долины Хаир-Кумина и восхождения на Холзун. Холзун, Холсунский гребень, как называет это хребет Алтая, разделяющий бассейны рек Катунь и Бухтармы, П. П. Семенов. Тогда, в 19 веке, хребет не делили, как сейчас, на две части: собственно Холзун и восточную его часть – Листвягу. Геблер пересекал этот не достигающий высоты вечных снегов хребет Алтая не меньше шести раз, и почти всегда в разных местах. Дважды, 23 июля (4 августа) 1833 года и 12 (24) июля 1835 года между верховьями рек Катунь и Белая Берель, где они текут совсем рядом параллельно друг другу, разделенные невысоким гребнем. 22 июля (2 августа) 1833 года между истоком реки Белой, притоком Бухтармы и Ускучевкой, притоком Катунь. В 1834 году 7 (19) июля между истоками реки Нижней Черновой, впадающей в Бухтарму, и истоком реки Красноярки (Бастигани), притоком Коксуна, впадающего в Катунь. 15 (27) июля между Бирюкской, притоком Катунь и Шихалихой, притоком Нижней Черновой, бассейна Бухтармы.

На Холзуне Геблер встретился с интересным явлением, когда гребень водораздела Катуня и Бухтармы выражен нечетко, и бывает, что истоки рек, текущих в разные стороны, начинаются в одной мочажине, болотце или озерке, находящихся на плоской вершине. Подсказал ему это проводник.

– Ваше высококордие, – обратился он к Геблеру, – у нас говорят, что здесь живет рыба с ногами.

– Как это? – не понял Геблер.

– А так, что хайруз кочует с одного Хаир-Кумина на другой, и гора между ними ему не помеха. Словом, переваливает через Холзун. Хайрузята, что поднимаются вверх по ручьям, здесь могут из Катуня перебираться в Бухтарму или наоборот. Получается, что у рыбы ног нет, а ходить может. Такая вот сказка получается.

«Однако этот неграмотный народ замечает все», – отметил про себя Геблер, доставая дневник, чтобы записать про этот феномен природы.

Целью экспедиций было не только изучение массива Белухи, но и всего Катунского хребта и наименее изученных районов в верховьях Катуня и впадающих в неё притоков. А это очень сложный горный рельеф с пересекающими его бурными реками. Даже алтайцы избегали этот район, и он оставался абсолютно безлюдным.

Хотя местные лошади приспособились к местным условиям, по горам ходить все равно опасно. Сколько их пропало, свалившись под откос! На высоте всюду щебень и острые камни, идет лошадь, осторожно нащупывая почву и выбирая место, куда поставить ногу, чтобы не поранить копыто острым осколком. Все выше по пути на перевал поднимаются путники, все чаще на пути каменистые россыпи, и уже давно исчезли чахлые деревца кедров и лиственниц, убитые высокогорьем и морозами. А то еще встречаются тропы над пропастями, где узкая дорожка вьется у края обрыва, и с какой осторожностью пробираются даже опытные кони, чтобы не оступиться. И тут гляди в оба, сидя в седле: скала, что сбоку тропы, может сбросить всадника в пропасть. Бывает, каждый неверный шаг грозит всаднику гибелью. А комары и мошки! Да разве только они!

Вот отряд переходит через бурную горную реку. Впереди, преодолевая течение, немного наискось реки идет самая сильная лошадь, чуть отступив, позади, в форватер, вторая, за ней третья. Сообща им легче противостоять напору потока. А бывает и так, что пешком легче пройти, нежели сидя верхом на лошадях. Тут и каменистые крутые склоны, и низменные топкие болота, где лошади с трудом вытягивают ноги из вязкой почвы, похожей на смолу, боясь спотыкнуться и переломать ноги. Горные потоки падали по скалистым уступам, разбиваясь на бесчисленные брызги и превращаясь в белую пену. Читая отчет путешественника Г. Спасского, Геблер удивлялся, что шум, производимый рекой в Коргонском ущелье, такой, что не слышно звука выстрела из пистолета. Теперь он и сам в этом убедился и привык к нему настолько, что находил в этом грохоте даже успокоение и удовольствие.

Вечером усталый отряд устраивается на ночлег. Казаки готовят ужин, а сам Геблер торопливо заносит свои наблюдения в дневник, и ничто: непогода, дождь, позднее время или смертельная усталость не может изменить эту выработанную в походах привычку, похожую на ритуал. Иначе зачем весь поход?

Преодолев все препятствия, проводники вывели экспедицию к истокам Катуня, и Геблер увидел прямо перед собой исполинскую гору во всей ее мощи, с ледниками, ледопадами и скалами. Если в предыдущем году он наблюдал высочайшую гору Алтая с расстояния в 20 верст, то теперь стоял у самого её подножья. Громадные

ледники сползали с крутых склонов: западный давал начало Катуня (впоследствии он был назван ледником Геблера), а восточный – Белой Берели. С обрывистого края ледника (языка) беспрестанно падали камни и текли ручьи. Огромные поперечные трещины рассекали тело ледника от самого основания, обнажая лед прекрасного зеленого цвета. Глыбы ледяных скал опасно нависали, угрожая обрушиться на любого путника, если бы он попытался пройти в этом ледяном лабиринте. Ниже окончания ледника возвышался овальный моренный холм из камней, обросших ягелем. На вершине его виднелись деревянные шесты, поставленные охотниками-алтайцами (теперь это место туристы называют горкой Геблера).

С помощью угломерного инструмента Геблер измерил высоту Белухи, определив её в 3400 метров, однако сам считал это измерение лишь приблизительным, так как плохая погода и тучи, закрывавшие вершину, не позволили сделать более верное измерение с двух точек базиса (ныне высота Белухи определена в 4500 м). Тем не менее, он сделал подробное описание и составил карту всего района. Им же были собраны сведения о 60 видах птиц, в том числе он впервые описал алтайского улара. Им же отмечены факты нахождения на Алтае журавля-красавки, бородача-ягнятника, а также ласточки и домашнего воробья, проникших вглубь гор вместе с русскими переселенцами. Геблеру принадлежит честь открытия подвида длиннохвостого суслика (суслик Эверсмана).

Исследуя высокий хребет, названный им Катунским, Геблер дошел до реки Аргут и далее до нижнего течения реки Яссатер (Джазатер), откуда Белуха виднелась далеко на западе, причем в профиль она была односторонней. Проследив восточное продолжение хребта, названного впоследствии Южно-Чуйским, Геблер закончил свое самое плодотворное путешествие, длившееся целый месяц.

О результатах своих исследований Геблер сообщал в бюллетенях Московского общества испытателей природы (МОИП) на французском языке, а обобщенный труд по трем поездкам 1833, 1834 и 1835 годов в верховья Катуня, Берели и на Аргут, названный «Обозрение Катунских гор с их высочайшей вершиной Белухой в Русском Алтае», он опубликовал на немецком языке в Мемуарах Академии наук. Этот труд был удостоен Демидовской премии в 2500 рублей.

В последний раз Геблер побывал на Зырянском руднике в 1844 году, когда вместе с экспедицией известного геолога Г. Щуровского совершил трудный переход из Риддера через белки Холзунского хребта. В своем главном труде о Катунских горах он писал: «Скалы, болота, опасные переправы через реки, грозы, дожди, туманы, густые леса, комары и мошки делают такие поездки очень трудными, но зато чистый воздух, умеренная температура, превосходная вода и в особенности чудесные виды гор, природы и прекрасная растительность, все это с избытком вознаграждает за такого рода неприятности».

Исправник с серебряной шпагой

Наконец настал день, назначенный на вскрытие церковной усадьбы. К этому времени от здания остался лишь фундамент на известковом растворе. А день выдался на редкость ярким, солнечным, с бодрящим свежим утром.

– У меня такое впечатление, что мы собираемся на праздник 1 мая, а на самом деле идем заниматься гробокопательством, – поделился за завтраком Роман с Борисом Васильевичем.

– Ну, молодой человек, не надо так печально и грустно. Как предполагают мои эксперты из краеведческого музея, самая важная персона, покоящаяся на нашем погосте – это зыряновский исправник, то ли Циолковский Алексей Осипович, то ли Оларовский Эпиктет Павлович, захороненные еще в 1840–1850-е годы. То есть прошло более ста лет, и теперь это захоронение становится археологическим артефактом, а не каким-то объектом судебной или паталого-медицинской экспертизы.

– В любом случае будьте подальше и ничего не трогайте руками, – забеспокоилась Клавдия Николаевна. – Мало ли что, там может гнездиться инфекция

– На этот счет все предусмотрено, – заверил Борис Васильевич, – там будет работник санэпидемстанции, он примет все необходимые меры. Главное, я думаю, надо действовать сугубо осторожно, чтобы не получилось как с кладом купца Веревкина.

– А что там произошло? – спросил Степан.

– А то, что экскаватором раздавили закопанный клад. А там, как на грех, оказался ящик с коллекционной посудой. Естественно, от неё остались одни осколки, и весь клад пропал.

– Да, действительно, жалко, – не удержался Роман, всегда остро реагирующий на подобные музейные потери.

– Такой посуды, какая там была, сейчас не делают, – вставила Клавдия Николаевна. – Очень тонкая работа. Борис приносил осколок, одно загляденье. Да вы кушайте, кушайте! – вдруг спохватилась она, накладывая в вазочки сладости. – Это мед с вашей же пасеки. И варенье малиновое там же варили.

– Да, такого меда больше нигде в мире нет, – добавил Борис Васильевич. – А самый лучший – дягилевый, горный. И цветок-то так себе и не очень запашистый, этот дягиль, а вот, гляди-ка, какой мед! Мне еще ваш папа, Петр Иванович, делился на этот счет. Любит он это дело – пчеловодство.

– И картошка зыряновская хороша, – вставила Клавдия Николаевна, – и помидоры местные – лучше не бывают. А в общем, нехорошее это дело тревожить мертвых, – снова вернулась она к главной теме дня.

– Согласен, мать, согласен. Но что поделаешь, не закрывать же карьер из-за десятка могил. Всех перезахороним, как полагается по христианскому обычаю, на кладбище. Вот перенесли же братскую могилу борцов за советскую власть, и мы перенесем. Пора, нам пора! – заторопился Борис Васильевич.

В конторе их уже ждала сотрудица музея, пожилая женщина, скромно державшаяся в сторонке.

– Наталья Борисовна, – обратился к ней Борис Васильевич, – вот те ребята, что раскопали в тайге клад. Любите и жалуйте!

– А-а, бухтарминские кладоискатели! – живо отреагировала та. – Очень рада познакомиться. Что там у вас? Кузнецовский сервис? Вот и хорошо. Да, мы возьмем, если вы не возражаете. Денег у нас нет, чтобы заплатить, а грамоту дадим. Оприходуем с резюме: дар братьев... Как? Дементьевы? Будет числиться как ваш дар.

– И еще надо записать Свиридова, Пахома Ильича, – вспомнил Роман. – А денег нам не надо.

– Хорошо, хорошо, я вас понимаю, – сказала Наталья Борисовна. – Вы когда к себе едете?

– Собирались сегодня. Вот сейчас посмотрим раскопки и пойдем на авто-станцию.

– Так зачем, поедem вместе, у меня газик. Дорога-то есть?

– Есть, хотя и плохая.

– Вот видите, как хорошо все получилось, – сказал Борис Васильевич и, не глядя на секретаршу, протягивающую ему бумаги, решительно направился к выходу.

– Так, я вижу все в сборе, едем, не откладывая, на место. А ты, Василий Кузьмич, командуй, – обратился он к начальнику участка, – да предупреди Мартыныча, чтобы поосторожнее действовал. Знаешь, как говорят, опытный экскаваторщик ковшом может гвозди забивать. Пусть метровый слой снимает, а дальше только вручную. Мужики как, готовы?

– Да вот же они стоят с лопатами.

– Вот и хорошо, приступайте.

И, не дожидаясь, пока его подчиненный даст указания, закричал экскаваторщику:

– Мартыныч, копай ювелирно, чтобы ни гу-гу!

– Да не беспокойтесь, Борис Васильевич, все будет сделано первый сорт.

Громадный экскаватор ожил, заскрипел, ковш пришел в движение, и через час работы приступили к копке рабочие с лопатами. Через какие-то полчаса лопаты глухо стукнулись о кирпич. Это всех озадачило: почему не дерево? Расчистили: оказалось что-то вроде склепа, в котором и стоял гроб.

– Листвяк, – признал рабочий, опустившийся на колени. – Должно все сохрaниться.

Гроб был из почерневших досок с бронзовыми литыми ручками.

– Своя работа, – определил рабочий, – местное литье.

Открыли крышку, рассыпавшуюся на полусгнившие доски. Все молча столпились вокруг могилы.

– Важный чин, – произнес кто-то из присутствующих, а другой добавил: – В мундире, как военный, и со шпагой.

– Да, так было положено, все имели чины, по образцу военных, – снова сказал первый голос. – Хотя исправник – это полицейский чин, но они в то время представляли собой власть.

Когда все отхлынули, Надя с замиранием сердца и чуть не дрожа от ужаса, тоже заглянула в гроб. Там лежал страшный мертвец в истлевшем мундире, на котором можно было разглядеть ордена и даже шпагу на боку. Пугающе жутким был взгляд пустых глазниц на желтом черепе.

Рабочий санэпидемстанции торопливо заворачивал в бумагу перечисляемые музейщиками предметы.

– Не забудьте составить перечень забранных артефактов, – напомнил Борис Васильевич и вдруг, наклонившись, с удивлением произнес: – А шпага-то, похоже, серебряная! Да, так оно и есть. Не заржавела, хотя и изрядно потускнела. А что, – продолжал он, – Кольвано-Воскресенские заводы чеканили свою монету, серебра было навалом, чего им стоило втихаря от Петербурга изготовить такую вот дорогую игрушку. Так что, смотрю, недаром вы, Наталья Борисовна, приезжали к нам. Ценный экспонат, – добавил он, садясь в свой легковой газик.

Начальник уехал, но до конца дня разрыли и другие могилы, видимо, служителей церкви. К сожалению, не так аккуратно, но предметов нашлось там еще больше. Кроме останков ряс и одежды были медальоны, называемые панагией, и еще какие-то блестящие знаки, ни наименования, ни назначения которых никто из присутствующих не знал. Ребятам же запомнилась обувка – штиблеты, видимо, когда-то хорошего качества, с подошвами из нескольких слоев кожи. Вылезший, чтобы посмотреть на диковинную обувку, экскаваторщик Мартыныч важно и удивленно произнес, качая головой:

– Надо же, это для чего столько слоев? Для скрипа или для гибкости, чтобы легче ходить?

А Станислав, бывший тут же, в задумчивости сказал:

– Где-то здесь похоронен и священник Соколов и его дочь, разбившаяся при падении с лошади. Но теперь не узнаешь, где их могила. В советское время порушили все надгробия. А ведь еще француз Ламартин сказал: «На прахе умерших покоится Родина», а у нас повсюду кладбища превратили в парки. Хотя, может быть, это и не самый худший вариант. Сейчас не хотят вспоминать, как год назад чуть ли не посреди карьера раскопали нигде не отмеченное старинное кладбище, о котором не знали даже старожилы города. Из забоев вываливались человеческие кости, сыпалась черная труха от сопревших гробов, локоны рыжеволосых красавиц свисали с глиняных откосов. Черепа лежали, разбросанные по полю. Конечно, это было кошунством, но быстро все кончилось, кладбище-то было небольшое. Это сейчас Борис Васильевич принял меры, выкопанные останки будут захоронены по-человечески.

Егорка

Подхоз, пасеки, всего-то мальчишек и девчонок в школе интерната наберется полсотни. Все наперечет, все знают друг друга, но на вкус, на цвет товарищей нет. Кучковались по интересам. К братьям Дементьевым льнули ребята из классов помладше: Егорка и Агафон.

Егорка – белобрысый мальчик лет четырнадцати. Вихрастые его волосы почти белые, с желтоватым оттенком. Из-за них в школе его прозвали альбиносом. Это как белая ворона среди темных и чернявых пацанов. Когда Егорка был маленьким, мама ласково называла: «Ты мой блондинчик». Но это давно было, теперь Егорка почти взрослый, и мамка уже не такая ласковая, все ворчит, все недовольна, а может и подзатыльник дать.

Сколько себя помнит Егор, вокруг всегда был лес. Лес, изба о четырех окнах, рядом приземистые сараюшки для скота, которые на Алтае называются стайками. Там, в темном хлеву, стоит корова Зорька с теленком. Стоят, пережевывают жвачку. По утрам мать гремит подойником, бродят по двору куры с крикливым петухом. Молчаливый отец все дни проводит на пасеке, поставленной недалеке на лесной опушке. Восемь месяцев в году школа в интернате в Столбоухе с отлучкой домой лишь по выходным. Есть у Егорки любимое дело – охота. Да вот времени на нее маловато, да и припасы – дробь, порох надо добывать. Они денег стоят, а денег в доме всегда не хватает. А еще у Егорки есть друг – непородистая лайка Байкал. Веселая, ласковая и, так же, как и Егорка, любительница погоняться за тетереями в березовом лесу. Родители ворчат: помогать им всегда надо по хозяйству. А ведь

Егорка редко возвращается пустым – то косача принесет, а бывает, и зайца. Все родителям подмога, в семье ведь еще есть младшие брат и сестренка. Осенью, в сентябре-октябре бродит Егорка с Байкалом, гоняет тетеревов в зарослях калины, рябины, шиповника, а как снег в ноябре ляжет, может и из шалаша на березах косача сбить или подстеречь с подхода, когда они в мороз под снегом сидят. Конечно, бывает, и рябушки-рябчики попадают, но так уж они малы, что и заряд на них жалко тратить. Любимые места у Егорки – опушки березовых колков по гривам и хребтам над Хамиром или Большой Речкой. Тут уж Егор знает каждый куст, каждую косачиную ухоронку в шипичнике или кисличнике, где они кормятся, пока снегом не засыплет, не заровняет все карагайники. Из всех охотничьих приключений больше всего Егорке запомнился случай, когда он, перебираясь через замерзший ручей, провалился в яму с водой. Как тогда Байкал сочувствовал ему, скулил и прыгал вокруг, а помочь ничем не мог. В обмерзшей одежде прибежал он домой и тут уж был руган по первое число, прежде чем разделся и забрался на печь отогреться.

В школьном интернате ребята все друг друга знают, и хотя Егорка на год младше Степы, братья с ним подружились. Рома со Степой тоже на косачей хаживали, и тут Егор даже опытнее их.

Степа весной как-то предложил:

– А что, Егор, ты все по одним и тем же горам бегаешь, а что если мы летом подальше подадимся? Как ты на это смотришь?

– Это куда еще и для чего?

– Ну, хотя бы побывать в соседних ущельях. Говорят, долина Тургусуна красивая. На Тегерек можно сходить. А еще мы старину ищем.

– Значит, историей интересуетесь?

– А я думаю, летом надо обязательно в Уймоне побывать, – словно отвечая на вопрос Егора, задумчиво сказал Роман. – Там же был второй центр каменщиков. И не так уж это далеко, надо только Холзун перевалить. Возможно, там лучше старина сохранилась.

– Ура! – обрадовался Егор. – В Уймоне когда-то моя бабушка жила.

– Может, и сейчас там есть кто из родственников? – поинтересовался Роман.

– Кстати, у вас в семье не сохранилось что-нибудь из старинных вещей? Иконы, книги?

– Есть самовар медный, утюги чугунные. Какая-то книжка древняя, вся замасленная и потрепанная лежит у матери. Но она мне ее не дает.

– Церковная, значит. Возможно, еще с 18 века, – высказал догадку Роман.

– Значит, мы тоже живем в стране каменщиков, хотя здесь уже никто не знает об этом и не помнит о своих предках.

– Знают про кержаков, – добавил Степа, – вот, например, Егор наш из кержаков. Правда, Егорша?

– Сам ты кержак, – недовольно огрызнулся тот.

– А-а, извиняюсь, из старообрядцев, – поправился Степа. – Совсем забыл, что здесь это слово не любят, даже обижаются.

– А зря, – вступил Роман, – кержаки нормальные люди, и ничего нет обидного в этом слове.

– Такая репутация о кержаках только у нас, здесь, на Алтае, а в России никто бы не обиделся.

Егор, недовольный, произнес целую речь:

– Кержаки, не кержаки, батька говаривал не раз: «Из местных мы, здесь испокон века обитали». Дед на шахте в Зырянске робил. Бергал, значит, был. Это уж отец мой крестьянством занялся. Тогда многие из бергалов ушли, кто в пчеловоды, кто пахарем, благо земли было навалом. После “горы”, шахты значит, земледелие благополучней оказалось. В шахте чахотка губила, ревматизма и всякие другие хвори, а в поле, на пашне, хоть и забот еще боле, а все же здоровей на вольном воздухе.

– Я вот что думаю, – сказал Роман, – неплохо было бы поискать следы этих каменщиков здесь у нас на Хамире.

– А как? – не понял Степа. – Ни курганов, ни древних руин у нас нет.

– Курганы здесь ни при чем, это древность. Истории каменщиков двести и меньше лет. Следы поселений, землянок надо искать. Расспрашивать стариков. Может, кто что помнит или знает. Ходить, смотреть, искать. Живем и не знаем, что вокруг нас.

– Я люблю бродить, – обрадовался Егор, – особенно с ружьем, а можно и с удочкой.

– Это дело нехитрое, бродить просто так, а вот заниматься исследованиями куда интереснее, хотя и сложнее.

Филин

Перепрыгивая с камня на камень на броду через Екипецкий ручей и обходя лужи после дождя, друзья подходили к дому.

– Ой, ребята, не поверите, на кого я наемднн в лесу наткнулся, – взволнованно сообщил Егорка. – Два дня назад пугало лесное видел. Глазища во-о, клювом щелкает – не подходи! Вот страсти-то! Рыжий, как наш котяря, и весь растрепанный. Сам сидит на обломанной лесине, а под ней косточки валяются. Целая куча и нога заячья в шерсти.

– Ты что, Егорша, неужели гнездо филина нашел?

Роман заинтересовался не меньше Егорки:

– Сколько хожу по лесу, ни разу не довелось логово пугача найти. Может, ошибся ты?

– Ей богу, не вру, – божился Егор. – Хотите, сведу самым лучшим образом.

– И далеко ли?

– Далеко, далеко. Екипецким ключом идти, потом логом направо. Там пихтач вперемешку с топольником. Пройдешь пятипалую пихту, и еще метров пятьдесят будет.

– Ну, и что там, дупло?

– Дупло, не дупло, настоящее логово на макушке пропадающего тополя. Кора лохами свисает, большой ствол белый, лыко облезло. Филия там сидит, зыркалами своими сверкает. Близко опасно подходить. Злой очень.

– Может, птенцы у него? Или яйца...

– Не знаю, я побоялся смотреть. Он сердитый, не знаешь, что у него на уме. Вот образина, немало зайцев передалил. Ночью как гукнет, мороз по телу.

Смотреть Филию шли всей гурьбой. Всем, и даже Петру Ивановичу, захотелось увидеть такую диковину. Долго пробирались через чащу, не переставая удивляться удаче Егора. Такое раз в жизни случается.

Еще издали Егор указал на мощный ствол мертвого тополя, белеющего среди леса. Макушки у него не было, один корявый ствол с выгнившей сердцевиной.

– Гляньте на развилку. Там вроде норы, в ней этот пугач и обитает.

– Да-аа, – протянул Роман, – там не только Филя, Соловей-разбойник поместится. Оно, вроде как, там и укрытие есть. Серьезная птица! Подходи осторожно, а ну как вцепится!

Однако ничего страшного не случилось, гнездо без хозяев оказалось. Филин, видимо, загодя слетел, услышав шум и разговоры. В нише, образовавшейся от обломленного ствола, сидели три его отпрыска. Три белых пуховых птенца. Они тарасили глаза и громко щелкали клювами, выставляя когтистые лапы.

– Вот они какие, филинята!

Зимними вечерами крики филина из леса слышались постоянно, и что Роман, что Степа даже и в мечтах не смели увидеть этого пугача живьем.

– Может, одного возьмем? – неуверенно спросил Степан отца.

– Боже упаси! – замахал тот руками. – Мясца не напасешься, да и грех такую серьезную птицу из природы изымать. Чудо-юдо лесное, без него и лес не лес. Ни сказки, ни Лешего, ни Бабы Яги. Гляди, какие красавцы! А что разбойник, так «на то и шука, чтоб карась не дремал».

Агафон

Агафон – веснушчатый невысокий мальчик 13 лет, с лицом, шелушащимся чешуйками и огненно-рыжими волосами.

– Давай мы тебя будем звать Рыжиком, – предложил Роман. – Ты у нас самый солнечный человек.

– Зовите хоть горшком, только в печку не ставьте, – отозвался Агафон. – А мамка зовет меня Гошей.

– А у нас в классе есть рыжий мальчик, так его Солнцедаром зовут, – сказал Егор.

– Нет, Рыжик будет получше, – не согласился Роман. – Правда, Гоша?

– Повезло тебе, Гоша, девчонки, небось, завидуют?

Теперь уже и Степа решил обсудить нового друга.

– Завидуют, не завидуют, только больно дразнятся.

– А я знаю как, – сказал Егор. – Чего тут не знать: Рыжий, пыжий, волосатый, убил дедушку лопатой!

– Ну и что ты, Рыжик, обижаешься?

– Обижайся, не обижайся, сытым от этого не будешь.

– Я смотрю, Рыжик, ты за словом в карман не лезешь, – поддержал Агафона Роман. – Ты на дураков не обижайся. Они потому и дразнятся, что дураки. Скажи лучше, что ты больше всего любишь?

Агафон насупился.

– Только не упоминай про пельмени и шанежки.

– Люблю смотреть, как муравьи живут.

– Муравьи? Нашел себе занятие!

Егор искренне удивился и даже возмутился.

– Уж тогда бы сказал про пчел. От них больше толку.

– А мне нравится, как он мыслит, – вдруг заявил Роман, – во-первых, пчелы – это материальная категория, нажива, богатство, а муравьи – категория духовная, безгрешная. На редкость бескорыстные и нетребовательные существа. Муравья никто не заставляет трудиться, а он вкалывает, себя не жалея. Таскает жратву на благо общества, посмотришь на него – на горбу ноша тяжелее самого раза в три, и никакого личного дохода. Это же коммунизм в чистом виде. Может, генетики исправят эту ошибку природы, вместо разума вставят нам муравьиные, пчелиные инстинкты?

– Ну это, Роман, ты слишком высоко забрался, – снова вступил Степа. – Ты, Гоша, лучше скажи: горилку пьешь?

– Какую-такую горилку?

– Ну, брагу, бражку, медовуху. Кержаки ведь все её пьют.

– Никакие мы не кержаки, – возмутился Агафон. – Мамка сказывала, бухтарминцы мы, а папаня ваш, говорит, уймонский.

– Вот придрались к парнишке, – решил закончить дебаты Роман. – Старобрядцы, хотя и гуляли крепко, но и работали так, как нам и не снилось. Гоша, я смотрю, мы с тобой одной крови. Как ты смотришь, чтобы сделать поход на Тегерек, на Нарымку?

– Да я завсегда, хучь на белки, хучь на саму Белуху готов. Была бы рыбалка.

– Рыбалка будет. Не только хайрузов наловим, тайменя вытащим из его берлоги. Дерзайте, граф, вас ждут великие дела!

– А кто этот граф? – не понял Агафон.

– Ну, это образцовый человек, с которого надо брать пример.

– Из всех нас Рыжик самый что ни на есть из графов граф, – вставил Степа. – Он даже лося сумел добыть с ногами и головой.

– А лося больше не будешь убивать? – теперь уже подзуживать подключился Егор.

– Вот еще скажешь! Сам-то ты с ружьем все бродишь, а у меня и ружья нет.

– Ладно, кончай базар, – прервал начавшуюся перепалку Роман. – Ты, Рыжик, лучше скажи, хочешь ли пойти с нами на Тегерек? Ночевать будем. Костер жечь.

– Еще бы, конечно, хочу!

– А мамка отпустит?

– Мамка говорит, не водись со шпаной, вон братья Дементьевы – хорошие ребята. С вас советует брать пример. Так что, думаю, тут дело не станет.

Голова лося

А с лосем история вышла такая.

На Покрова Марфа решила навестить соседку. Как там Анфиса живет, не виделись с самого лета. Пасека Шушаковых едва ли не самая дальняя – Большой Медвежий двор. Места глуше не придумаешь, как раз под стать своему названию. Дано оно потому, что медвежий там угол, не раз говаривал Петр Иванович. И у самого Гордея кулема всегда на медведя налажена. Иначе нельзя – балуют мишки, ходят вокруг меда. И верно, усадьба вся у Шушаковых почти что огорожена, на проволоке вокруг двора банки жестяные повешены для острастки зверя. Только тронет, заденет спиной, звон на весь двор стоит и два полкана-волкодава по цепи бегают. Какие-никакие, а сторожа.

– А все равно медведь то там разорит улей, то в другом месте, – каждый раз жалуется хозяин. – Он ведь, медведь, тоже не дурак, хитер бывает.

– Кержак он, – поясняет Марфа мужу, – а кому, как не мне, знать их жизнь, кержаков этих. Воды напиться не дадут, а если покушал у них, посуду потом песком трут, моют.

– Гигиену соблюдают, – стараясь оправдать местных, говорит Петр Иванович. – Что в этом плохого? А что прижимистые, так на то они и крестьяне. Мужики трудно хлеб дается. А тут у них разор полный после 30-х годов. Разогнали же всех, нарушили вместе с укладом жизни и все их хозяйство.

– Да уж, порушили, это верно, – соглашается Марфа, – кого сослали, увезли невесть куда, кого сразу порешили. А ведь жили тихо, мирно. Кержаки сами по себе, крестьяне-мужики рядом, по соседству, все пахали, сеяли, трудились. Все налажено было. На молоканку молоко каждый день свозили. Купец товар привозил по заказу, кому что надо. Каждый мужик хозяином был. Знал: будешь трудиться, работать – и жить будешь хорошо. Все набожные были, смиренные, честные, обмана мало было. А что потом случилось, будто с цепи сорвались...

Путь до Шушаковых неблизкий, не меньше полутора километров будет по тайге, по берегу Студеной речки. Потом вдоль Березовой. Петру Ивановичу тропа эта памятна по встрече на узенькой дорожке с косолапым. И как он вывернулся, этот зверюга, из-за выступа скалы, как не слышал шаги чуткий косолапый – до сих пор непонятно. Встали друг против друга. Мишка на дыбы поднялся: горагорой. У Петра Ивановича и душа в пятки, думает: «У меня все оружие – топор, а что он против такого чудовища. Ну, стукну раз, а ему это как горошина по лбу». И стояли-то всего каких-то десять-двадцать секунд, а показалось: вечность. Все же медведь сообразил, что не стоит связываться с этим непонятным, но опасным существом – человеком. Вдруг развернулся и утек в гору. Наверное, ветерком на него человеческим духом дохнуло.

Но случай такой на пути к пасеке был всего один раз, других не бывало, и туристы заезжие здесь бродили, и ягодники без всякой опаски.

Уже на подходе, когда усадьба открылась, запрятанная в куртине густых пихт, в нос Марфы ударил резкий запах паленой шерсти. «Никак кабанчика смолят, – подумала Марфа, – не рано ли? Морозов нет, как мясо хранить». Сравнялась с хилой изгородью и увидела, что Анфиса с Гордеем, склонившись, палят над костром вовсе не кабана, а большущую голову с горбатым носом.

«Батюшки, это что же за зверь такой? – подумала Марфа. – То ли лошадиная голова-то? Так она поболее коня-то будет, да и уши длинные, ослиные».

– Здорово, Марфа, – первым приветствовал ее Гордей, – мы тут делом заняты, а ты не обращай внимания, проходи в избу. Детишки наши тебе рады будут.

У Анфисы и Гордея целых пять ребят, мал-мала меньше, самому старшему Агафону тринадцать недавно стукнуло.

Высыпав на стол печенюшки, Марфа мучительно вспоминала всех знакомых ей лесных зверей и кому из них могла принадлежать здоровенная горбатая морда с ослиными ушами.

– Ну вот, теперь и поздороваться можно! – шумно войдя в избу, громко произнес Гордей и с силой хлопнул дверью. Следом вошла Анфиса, бросившаяся обнимать Марфу.

– Как там Петр Иванович, ребята? Здоровы ли?

– Слава богу, здоровы и учатся хорошо, – отвечала Марфа, догадавшись, что хозяйева не очень-то хотят распространяться о своем занятии, свидетелем которого невольно стала она. – А новостей других у нас и нет. Живем, хлеб жуем. Все в работе да в работе. Как говорится, в поте лица своего.

– Ну, вот и хорошо, – певуче не проговорила, а пропела Анфиса, – ну их, энтих новостей. Чем меньше, тем лучше. Без них-то, может, и поспокойней. Боюсь я разных новостей, бывают ведь и нехорошие.

– Боже упаси! – согласилась Марфа.

– Что-то разжарился я, а в избе душно, – вдруг заговорил Гордей. – Ты, Анфиса, угли в печи отгреби в застенок, в загнетку, а то ведь так и полыхает в лицо жаром, – и, оборотясь к Марфе, добавил: – А нам тут грешным делом подарок от лесоохраны привалило. Не ждали, не гадали, Агафон с ребяташками притащил чудо-юдо, голову зверя лесного с ослиными ушами.

– Однако, марал, это, что ли? – робко спросила Марфа.

– А вот и не угадала, – отвечал Гордей, – конек-горбунок, да еще и с рогами. Но ты, Марфа, не очень-то распространяйся про этого конька-горбунка, хотя мы с Анфисой к этому делу и не причастны, – заранее предупредил он. – Чужие люди это по своему неразумению сотворили. Бог их простит, а ты помалкивай да и ладно. Так-то оно лучше будет.

Но как не поделиться с мужем? Конечно, Марфа рассказала о странном деле соседей.

– Говоришь, с ослиными ушами? – Петр Иванович думал недолго: – Ясное дело, лося завалили! Ах, беда-то какая, такого зверя! Не дадут ведь развестись таким красавцам! Только-только пришли откуда-то из Сибири, а вот как их встречают!

– Да я слышала про этих лосей, – вспомнила Марфа, – старики говорят, больше 60 лет их не встречали в наших краях. А пришли, бают, из Алтайского края.

– Этот Гордей вовсе не охотник, – рассуждал Петр Иванович. – У него вроде бы и ружья нет, а ведь могут штраф принести. Ты, Марфа, об этом деле ни гу-гу, никому не рассказывай. Хотя нехорошо получается.

Марфа уже и забыла об этом разговоре с мужем, а Петр Иванович между делом весь день нет-нет, да и вспоминал:

– Надо же, такого зверя угробили!

– Да ладно уж тебе, – не выдержала Марфа, – завалили одного, другие остались. Слышала я, что видели целый табунок, голов в десять. Сам-то забыл, как за журавлем гонялся! На короточках подбирался, на животе полз. Совсем как мальчишка.

– Так без ружья же, – оправдывался Петр Иванович, – диковинная птица – журавль. Разве не интересно посмотреть, как они весной пляшут. Вот ведь какая любовь бывает у птиц. Совсем как у людей. И у тетерева тоже. Я ведь на токах никогда косачей не убиваю. Посмотреть – занятное дело. А с Гордеем я поговорю. Человек-то он хороший, а вот, надо же, опять в плохое дело вляпался.

– Так ведь сам посуди, – не соглашалась Марфа, – детишек-то ведь надо кормить. Сидят по лавкам пять голодных ртов. Думать надо, как помочь соседу, а не кляузы разводить.

– Да никто и не собирается докладывать о нем, – оправдывался Петр Иванович, – а вот поговорить надо бы.

На той же неделе встретился Петр Иванович с соседом в Столбоухе. Поговорили о том, о сем.

– Ты, я слышал, зверя диковинного свалил, – начал издали Петр Иванович.

– Это еще какого-такого зверя? – насторожился Гордей.

– Да такого большого, с ослиными ушами и лошадиной головой.

– А-а, вон ты о чем. Так это ж мой Агафон лосиную голову притащил.

– Откуда же он ее взял?

– А вот слушай, если поверишь.

С недавней поры над зырянской тайгой стали летать диковинные железные птицы. Не ероплан, не самолет – большая стрекоза с лопастью, сверкающими на солнце, как серебряные стрекозиные крылышки. Как все подхозовские дети, дивился Агафон на зеленый вертолет, и вдруг одна такая железная стрекоза села на Екипецком лугу. Волшебную летающую птицу хотел рассмотреть Агафон, а увидел совсем другое, и оно ужаснуло его. Два человека разделяли тушу убитого лося.

Как все деревенские мальчишки, Агафон видел подобные сцены и никогда не мог согласиться с убийством овцы или коровы, хотя и не отказывался есть мясо.

Пилоты заметили паренька.

– Эй, мальчик! – окликнул один из них. – Ты чего прячешься, как немецкий шпион? Иди сюда, не бойся!

Агафон осмелел и подошел.

– Знаю, что хочешь посмотреть вертолет. Залазь в кабину, смотри, только ничего там не трожь.

Когда довольный Агафон вылез из кабины, пилоты расспросили его, а потом один из них сказал:

– Вот видишь, какая страшная голова. Забирай ее, и пусть мамка твоя холодец для вас сделает. Чего добру пропадать. И ноги вот нам не нужны. А из шкуры отец твой может камус сделать. Пусть придет и все заберет.

А другой говорит:

– А лося этого ты не жалеи. Они для того и живут, чтобы нам их кушать. Без мяса никак нельзя. Если бы человек не ел мяса, так обезьяной бы и остался. Так ученые говорят, а нам их надо слушать.

Вот такая получилась история. А ты уж, Петро, сам суди: хорошая она или плохая. А то, может, шкуру с ног на камус возьмешь? Мне она не надобна.

– Да-а уж, хорошего тут мало, – согласился Петр Иванович, – хотя, может быть, ребята они и не такие уж и плохие, вертолетчики эти. Только вот балуются зря. Наших пчеловодов совращают, скупая казенный мед с дальних пасек. Им все доступно с их вертолетами. А шкурки я, пожалуй, возьму, как раз собирался камус делать.

Камусные лыжи

Готовь сани летом, а лыжи зимой, говорит Петр Иванович. Но лето занято, а вот осенью в самый раз, можно заняться и другими делами.

– Ну что ж, ребята, пора нам подумать о лыжах, – сказал отец в серый день начала ноября, когда с пчелами разделались, поставив улья на зимовку.

– Лучше всего для этой цели годится осина, – объяснял он сыновьям, – научили меня этому делу соседи-пчеловоды, а у них опыт большой, не хуже, чем у охотников-промысловиков.

– Конечно, пора, – обрадовались и Роман, и Степа, – кажется, надо сделать новые, старые стали совсем плохи и могут сломаться в самый неподходящий момент. На одной лыжине из нашего снежища тогда не выбраться.

– Вот я о том и говорю, – согласился отец. – У меня уже есть заготовки, вырезали на лесопилке в Столбоухе. Смотрите, нигде ни сучка, ни трещины.

– Да, деревяшки что надо, – согласился Роман, – по виду и запаху узнаю осину. А ведь слава идет, что осина никудышнее дерево.

– Нет, осина лучше всего подходит для этого дела. Она легка, хорошо обрабатывается и гнется, как раз то, что нужно при изготовлении, а потом и при ходьбе по снегу. Я эти заготовки еще обработал рубанком – ширина 22 см, толщина полтора. Оптимальные размеры. Конечно, клеенные, слоеные крепче, зато наши куда легче.

– А как с длиной? – поинтересовался Степа.

– Длина разная, вы же ведь тоже разного роста и веса. Самые маленькие для Нади, чуть больше для матери, а эти для вас. Самое сложное – загнуть носки и сделать это так, чтобы не сломать. Для этого распарим в горячей воде, а потом поставим в правилку. Это как коня обьезжать. Высохнет за неделю, свыкнется, покорится и будет нам служить.

Через десять дней отец освободил заготовки и долго разглядывал их, поворачивая и так и этак. Кажется, остался доволен, сказав:

– Теперь, ребята, беритесь за дело сами. Дело нехитрое, даже простое. Вот вам заготовки – рифленая резина под валенки, чтобы снег не налипал, не набивался, сыромятные ремни для креплений, шкурки с лосиных ног, те самые, из-за которых лыжи и называются камусными. Я их уже распарил, чтобы натянуть.

Самым сложным оказалось закрепить ремни шурупами, пробуравленными так, чтобы не ослабить лыжу.

– Пятки, пятки, делайте покрепче упор для пяток, – подсказал отец, – в гору пойдете, на что ноги будут опираться? На задники, на них пускайте ремни покрепче.

Когда это сделали, мелкими гвоздиками прибили полоски шкур.

– Вот вам и голова лося, – резюмировал Петр Иванович. – Голова без ног не бывает, а ноги в дело пошли.

Волки

На масленицу отца схватил радикулит. Да и как от него уберечься, когда дел по хозяйству невпроворот и все на улице, на морозе. Лежал, ворчал, не давая покоя жене.

– Марфа, Прасковье-то твоей нынче юбилей.

– Знаю без тебя, пятьдесят стукнуло. Ну и что?

– Подарок надо отвезти. Поздравление.

– Куда уж тебе, лежи лучше!

– А я вот что думаю, ребят надо послать. Они и отвезут. Дождемся из школы, тогда уж поговорим.

– Вот еще! Тебе бы все на ребят переложить. И так дома почти не бывают.

– Это ничего, мать. Им только в удовольствие побывать у тетки. Прокатиться на лошадке. Запрягут нашего Карьку, а то уже застоялся. Одна польза и ребятам будет, и лошадке. Мигом доскачут по весеннему накату.

Марфа промолчала, понимая, что муж прав. Но и отпускать детей не хотелось. В субботу школьников, как обычно, отпустили рано, и после обеда все уже собрались дома. Петр Иванович правильно рассудил, мальчики с удовольствием приняли предложение отца, но Надюшку мать не отпустила: пусть лучше по дому помогает.

Пока собирались, время уже к вечеру.

– Куда ж на ночь-то глядя, – сокрушалась Марфа. – Говорят, волки появились в наших краях, а ты детей одних отправляешь.

– Какие там волки! – возразил Петр Иванович. – Отродясь здесь их не бывало. Что им тут делать, в снегу, что ли, барахтаться?

– В снегу или нет, а бродят ночами по дорогам, из Путиновской женщина рассказывала. Видели их, и не раз. Собак в Путиновской у многих уже переловили. Лоси, бывает, на дорогу выходят, а это приманка.

Петр Иванович усмехнулся.

– Сколько слышу рассказов про волков, ни один не подтвердился, что волки на людей нападают. Сказки все это. Прасковья-то рада будет племянникам, да и кудейку ты для чего шила? Я вот бадейку меда приготовил.

– Да мы уже не дети, поди, взрослые. Проскочим за милую душу, – отвечал за обоих Степа. – А что до волков, так мы можем и ружье прихватить.

Обоим не терпелось отправиться в дорогу.

– Долго не задерживайтесь, переночуете и сразу домой, – напутствовала Марфа.

Подъехали к Хамиру – уже стемнело. Дальше дорога наезженная. Дело к весне, прикатанный снег, что катушка, сани сами катятся. И коняжка весело бежит. Застоялся Карька, рад промяться. В санях-розвальнях сена навалено, тулуп прихватили. Мороз ядреный, под тридцать, а ребятам жарко, и от коня пар идет.

– Рома, дай, я поправлю, – попросил Степа, – а ты подремать можешь.

Рома только рад предложению брата. Все-таки сегодня, пока из школы добирались, по морозцу хорошо прогулялись, а после этого всегда в сон клонит.

– На, держи. Смотри, не урони, чтобы вожжи под ноги коня не попали. Да не засни!

– Вот еще, не впервой! Чего уж там учить.

Тихо в зимнем лесу, да еще и ночью. Молодая луна, хотя и не ярко, но светит. По сторонам заиндевелый лес. Березы, пихты.

– Степ, а, Степ, помнишь, отец нам читал рассказ, называется Чук и Гек?

– Еще бы не помнить, мне тогда, наверное, было лет шесть, а что в раннем детстве запомнилось, то уж навсегда.

– Так вот, похоже, это про наши места Аркадий Гайдар написал.

– С чего это ты взял?

– Смотри: зимняя тайга, ночь, тишина, как сейчас у нас. Мороз, заваленная снегом избушка, а из окошка на заснеженный лес льется тусклый свет. Правда, похоже на наш дом? И даже геологи у нас стоят, все как в рассказе.

Рома закутался в тулуп, на сене мягко и травой хорошо пахнет. Задремал, и снится ему, что плывет по Хамиру на лодке. Плыл, плыл, и вдруг – стоп! Напоролся на камень? Сон как рукой сняло. Мерцает лунный свет, и сани стоят на месте.

– Степа, ты чего встал?

Степан молчит, и Карька замер как вкопанный.

– Почему не едем, заснул, что ли?

– Погоди ты, ничего я не заснул. Карька что-то почувял. Встал так, что я чуть кубарем не свалился. Н-н-о-о! – прикрикнул он, дергая вожжами. Карька только уши прижал, переступил ногами и ни с места.

– Видишь, чего-то испугался конь.

– Чего бы это, дорога пустая.

– Чего-чего! Волков почувял!

– Да ладно, какие там волки. Пойду погляжу.

Роман встал, чтобы обойти сани. И только спрыгнул, как Карька рванул с места, помчавшись чуть ли не галопом.

– Э-э-й! Держи коня! – что есть силы заорал Роман. – Степка, стой!

Степан, спросонья мало что соображая, искал вожжи, барахтался в сене, но никак не находил. Он ведь тоже задремывал, когда ехали.

– Тпру, тр-р-р! – орал он на коня, но тот, не слушаясь, неся во весь опор, и из-под ног его летели ошметки снега.

«Никак вожжи соскользнули с саней. Попадут под полозья, запутаются, – мелькнуло у него в голове. – Конь споткнется, пропадем все. Заедят волки и Ромку, и меня вместе с лошадьей».

А конь все несется, и вот уже голос Романа еле слышен. Шибко катятся сани по гладкой дороге, а Степка все барахтается, упуская время.

Но вот, наконец, нащупал. Натянул изо всех сил вожжи.

– Стой-ой-ой!

Кое-как встал Карька, а назад воротиться не хочет. Хрипит, топчется на месте и вот-вот опять понесет. Степка, чуть не плача, уже и уговаривать его начал, но тут, запыхавшись, прибежал Роман. Запрыгнул, повалился в сено.

– Теперь гони!

– А где волки?

– Гони, пока не нагнали!

Как птица летит конь. Стелется сизая мгла по низинам. Его и погонять не надо. Луна плывет следом, подрагивая, и едва не задевает макушки гор, спящие под жемчужным покрывалом. И где-то за ними скользят серые тени волков. Белая пена стекает с их высунутых языков. А может, все это чудится разгоряченным гонкой парням?

– Ну, теперь держись!

Радостно ёкнуло в груди. Вдвоем-то уж не пропадем.

– Ты их видел?

– Кого?

– Кого, кого! Как-будто не знаешь. Волков!

– Еще бы не видеть! Стелятся по-над снегом, языки на бок, а из глаз искры сыплются.

– Да ну!

– Вот тебе и да ну! Держи крепче вожжи-то! Не дай бог, выронишь! Эй, ну тебя, дай-ка я сам!

– На, держи. Кажись, Козлушка уже близко, слышишь, собаки брешают?

– Близко-то близко, но и ход сбавлять не надо.

Роман привстал, чтобы погонять лошадей, а Степа подумал, что крепко же напугался Роман, коли в деревню въезжаем, а он останавливаться не хочет.

Спящую Козлушку проехали, и уже начало светать.

– Днем-то уж волкам не до нас.

У Степы весь испуг прошел, как только рассвело.

– А ты чего рванул-то от меня? – опомнился Роман. – Бросил брата и бежать?

– Как же, бросил! Карька испугался, остановить было нельзя. Он и потом весь трясся.

– Ну да, как и ты сам. А где ружье-то наше?

– Да вон оно, в сене лежит.

– Эх, пальнуть, что ли, для остратки!

– Ты там поосторожнее, оно заряжено картечью.

– Как раз по волкам.

Роман щелкнул предохранителем.

– Нет, не стоит, – передумал вдруг он. – Коня опять напугаем. Он, бедняга, и так сегодня натерпелся страху.

– Как и мы с тобой, – откликнулся Степка. – Н-о-о! – заорал он вдруг на коня, размахивая кнутом. – Совсем слушаться перестал, погонять тебя надо больше.

– Вижу, злости ты набрался за дорогу, – заметил Роман. – А ведь и правда, Карька нам страху нагнал. Так бы и проехали, ничего не заметив, если бы не он.

– И приключения бы не было, – согласился Степа. – Давай не будем рассказывать тетке, зачем её пугать.

– Да, вот так и рождаются страшные рассказы про волков.

Сани медленно въезжали на околицу Путинцевского села.

Заложники чарыма

В тот самый воскресный день, когда Роман со Степаном гоняли в Путинцево, Егор с Агафоном затеяли дальнюю лыжную прогулку, благо установился чарым. Ах, чарым, шарым! Ласкающее ухо алтайца слово, такое же шершавое, как сам схватившийся морозом подтаявший и очень жесткий снег. Только житель сибирской тайги может оценить это короткое состояние природы, когда становятся доступными самые потаенные уголки лесных дебрей. Те таежные места в горах, что летом надежно защищены расстоянием, непроходимыми травяными зарослями и буреломом, а зимой двухметровой толщей снега. Снег заровнял все буераки, ямы и колдобины, а ночной морозец схватил верхний подтаявший слой, превратив его в снежный бетон. Марала, лося, коосулю с их острыми копытами такой снег не держит, но человек, тем более если он на лыжах, может за день пробежать столько, сколько по рыхлому снегу или даже летом не пройдет и за три дня.

«Шурх, шурх» – скрипят лыжи по жесткому, как наждак, снежному насту. В камусах в такую пору выходить не стоит – обдерешь мех, оставив ворсинки на снегу. Но деревяшки чего жалеть! Скольжение почти как на катке. К утру ночной туман выпал в виде тонкой снежной пороши, по ней бежать еще лучше.

– Егор, а куда катим?

– А куда глаза глядят. Сколько пробежим, все наше. Смотри, все следы на виду. Свеженькие, спозаранку расписались, кто как умеет.

– Да, вон сорока взлетала, следы крыльев как от веера.

– Это она мышь схватила; вот дуреха, на свет божий выскочила! Гоним в сторону пихтовника, там поинтереснее будет. Авось, кто-нибудь да встретится.

– А хорошо-то как! Глянь-ка: солнце над Пятибраткой поднимается, а по снегу и свет, и тени протянулись. И искорки по белому полю бегут наперегонки, а все больше золотые и фиолетовые.

– Ага, это замерзшие капельки воды, крохотные льдинки сверкают. Сейчас чуток прогреет, еще легче бежать будет. Так бы и катил до самой Логоухи!

– А я все на Холзун смотрю, какие там зверюшки бегают?

– Так вот же чей-то след, поперек нас кто-то перебежал. Ух ты, это же соболюшки след! А у нас и ружья нет, – посетовал Егор.

– Бог с ним, с ружьем, хотя бы так его увидеть, проследить, куда это соболь направился?

– Куда еще, жратву ищет, а может, ухоронку, чтобы выспаться в надежном месте.

Егор кое-что соображал в охотничьих делах. Петляя, след уходил мимо калиновых кустов все дальше в сторону гор, вдоль лога, где в низине угадывалась поточина, ручей. Под обрывчиком, где обнажился кусочек земли, след нырнул под снежный карниз. Мальчишки на какое-то время потеряли след, но обнаружили его снова, не пройдя и полусотни метров.

– Тот же самый, – определил Егор. – И направление то же: в сторону тайги.

– А куда же ему еще направляться, зверек лесной, что ему в поле делать?

– Ну, не скажи! Ему там хорошо, где есть чем поживиться. Он и рябинкой не брезгует, и в деревне может куренком поживиться.

След привел в березняк, где здоровые деревья чередовались с погибшими. Упавшие великаны то и дело преграждали путь.

– Смотри-ка, соболь за белкой погнался. Видишь, какие махи делали оба. Нет, не догнал, белка на березу взбежала, тут соболу её не догнать.

– И как ты, Егор, все это видишь?

– Так вот же другой след, беличий. Был на снегу, а у дерева пропал, и дальше только один, соболиный.

Этот след опять повел вверх по широкой долине, все дальше и дальше.

– Егор, а не пора ли нам повернуть назад? Гляди-ка, солнце как пригревает. Не оттаяло бы!

– Еще чуток пройдем, соболюшко должен где-то здесь обосноваться на дневку. Взглянуть бы на него интересно.

Только это сказал Егор, как тут же ухнул вместе с провалившимся снегом.

– Вот так зарюхался! – ворчал он, барахтаясь в снежной каше. – А снега-то, снега наботкало за зиму! Не менее метра будет, а под настом будто пустота и никакой опоры.

Кое-как вскарабкался на снежную корку, для чего пришлось снимать и снова надевать лыжи.

– Я же говорил тебе, Егор, пора нам назад!

– Назад всегда успеем. Держись подальше от кустов; деревья и кустарники тепло на себя берут.

Прошли еще с полкилометра и увидели обломанный старый тополевыи пень с зияющим дуплом. След вел туда, выходного не обнаружили.

– Эх, ружья нет! – снова пожалел Агафон. – Хоть руками лови!

– А на кой он тебе весной, мех уже пообтрепался. Лучше гляди в оба, сейчас выскочит.

Размахнувшись, Егор со всей силы ударил лыжной палкой по дереву.

Никакого результата. Круглое отверстие дупла по-прежнему глядело пустым черным оком. Егор стукнул еще.

– Вот черт, где же он! Надо бы топором жахнуть, да где его возьмешь!

– погоди, пошарю дубинку, – сказал Агафон, отходя в сторону, и тут же воскликнул: – Да вон же он, помчался как угорелый! Выскочил с обратной стороны.

Охотники не догадались осмотреть пень со всех сторон, а соболев ловко прикрывлся толстым стволом дерева.

– Зря только человека потревожили, – с усмешкой укорил Агафон.

– Ничего, в другой раз умнее будет. Это ему хороший урок, на пользу пойдет.

– Перекусить, однако, пора, – напомнил Агафон.

– А я думаю, надо скорее уходить. Чуешь, снег размяк, а нам до торной дороги не меньше пяти километров топать. Солнце жжет, спасу нет, хоть совсем разболакайся. У меня вся спина в испарине.

И верно, только охотнички тронулись, как все чаще стали проваливаться по пояс в снег.

– Егор, этак мы вымокнем, снег-то водой взялся.

– А что делать, другого выхода у нас нет. Разве что ночевать, а у нас и спичек нет, чтобы костер развести. Да и дома что скажут!

Так, чертыхаясь, брели, то и дело обваливаясь, хотя и не в воду, но в снежную сырую кашу. Снег полыхал, объятый пламенем пожара, оба потеряли представление о времени и пространстве. Разгоряченные, накуртавшиеся в снегу, и мозг их, тоже расплавленный, ни на чем не мог остановиться, кроме как на навязчивой мысли: когда же кончится этот проклятуший и коварный снег?

Все же Агафон заметил:

– Глянь-ка, Егор, солнце, то сверкало, а тут вроде как и нет его. Утонуло в знойном мареве, и теней нигде нет.

– Нам от этого не легче, а может, и хуже. Хмарь эта от тепла. Снег парит, даже солнце закрылось.

Когда до дороги осталось с полкилометра, сняли лыжи и, проламываясь, буровили снег своими телами. За ними тянулась траншея, печальная и трагическая, говорящая о неимоверно затраченных усилиях. Солнце уже село за гору, когда, вымокшие, добрались до лесовозной маслянской дороги. Дело уже к ночи, стало подмораживать. Промокшая верхняя одежда обледенела и гремела при каждом шаге, как жестяная. Штаны окаменели, ноги не сгибались. Сесть бы, передохнуть, но холод сразу давал о себе знать. Егор сообразил: останавливаться нельзя, прохватит так, что схватишь воспаление легких. Так и плелись по дороге, даже разговаривать сил не было. Домой пришли ночью, получив хороший нагоняй от родителей.

Ах, чарым, чарым! Хорош весенний наст, но обманчив. А для азартных уроков и памятка, что на смену зиме обязательно придет весна и лето.

Рыбалка у залома

В субботу, когда возвращались из школы, Егор сказал Агафону у самой калитки своей избы:

– Айда вечером рыбу лучить?

– Это на залом что ли?

– Ага, на залом. Там отцовский плот стоит, а сегодня луны не будет, лучить хорошо.

– Так там уж рыбы нет, всю выловили, а новой из Хамира хода нет. Да и холодно сейчас по ночам.

– Скажешь тоже – холодно! Это у огня-то? Мы же для света костер на плоту будем жечь. А насчет рыбы не бойсь. Сорога ловится, а еще отец сказывал, щука там живет. Большущая! Никак ему не дается. Вот бы нам ее поймать!

– Поймаешь ее, шиша два, скорее водяного встретишь. Он хоть и дряхлый, с длинной зеленой бородой, а схватит, не отцепишься.

– А мы его веслом по башке, чтобы знал свое место.

Весеннее половодье наворотило леса и разного древесного хлама поперек Большой речки. Большая тополевая лесина встала поперек реки, перегородив ее во всю ширину. Следующие деревья поменьше, коряги и даже щепки, уткнувшись в тополь, нарастали куча за кучей, образовав плотину. Вода поднялась вширь, залив пойму, и с шумом срывалась с верха перемычки.

– И бобров не надо, – заметил Егор, когда они под вечер пришли с Агафоном на место. – Настоящая дамба. Теперь ее и бульдозером не просто растянуть. Вот рыбам раздолье! Есть где покормиться на мелководье, а потом отдохнуть в глубине. Можно и в корягах укрыться. Здесь у отца плот спрятан, а под заломом лодка. Но он мне ее не разрешает брать, сам бьет там тайменей. Они идут по Хамиру, упираются в залом. Вот такие попадаются! А сорожка питается травкой, поэтому держится мелководья, ближе к берегу, где пасется и кормится. А щука и таймень – хищники, они сидят на глубине, высматривая оттуда свою жертву, – объяснял Егор. – А нам сейчас надо хворост наломать, да побольше березовой бересты. Она дюже хорошо и долго горит и свет яркий дает.

У Егора опыт, он с отцом не раз рыбу лучил. Пока дрова собирали, потухла заря за горой Мохнаткой. Лес вокруг все более погружался во тьму. Козодой неслышно кружился, явно делая попытки атаковать. Он то удалялся, то снова возвращался, пикировал, увертываясь в сторону и взмывая вверх.

Кучу собранных дров погрузили на нос плота, где был постелен лист жести. Острога – металлический трезубец с длинным деревянным древком. Их две – большая для щуки и маленькая для сороги. Сорожка – так на Алтае называют плотву – обычно некрупная рыбешка полторы ладони в длину.

– Люблю сорожку, – признался Агафон, – а еще больше любит ее моя бабушка. Как жарит, ходишь, хрустишь, будто сладким сухариком.

– Будет тебе и сорожка, а может, и щука подвернется, – обещает Егор.

– Гляди-ка, луна на воде и звезды отражаются, – удивляется Агафон.

– Сейчас зажжем, совсем все по-другому будет. Все подводное царство осмотрим. Там тебе и русалки, и водяные.

И верно – дно просматривается, а где глубина, белые плети кверху тянутся.

– А что, рыбы спят?

– А как же не спать! И рыба за день устает. Поплавай-ка, весь день хвостом помаши!

– А там, гляди-ка, чудище какое!

– Коряга это. Тополевый комель. Здоровенный!

– Да, словно рука во все стороны, корни-то! А так ведь ее не увидишь. Водой вымыло, весь скелет деревянный.

Агафон с шестом на корме, Егор на носу с острогой.

– Бери посередь между берегом и глубиной, – командует Егор.

– На глубине ее не возьмешь, а на мели рыба не будет дремать. А посередь самый раз.

– Егор, мы как древние охотники или воины, что с дротиками сражались.

– Ну, не совсем так. Дротики кидали, а я вот, гляди, медленно опускаю острогу, тихонько подвожу к рыбе, а потом – раз! Колу с силой. Смотри, какая сорожка попалась!

– Нечестно это, – говорит Агафон. – Как разбойники, ночью спящих бьем.

– Оно вроде бы и так, да уж больно заманчива эта охота.

– А ведь и правда, что это не рыбалка, а охота, – вдруг согласился Гоша. – Смотри, смотри! Вроде как полено белеет на глубине. Однако, шука это.

– Она и есть! – согласился Егорка, держа на изготовке острогу. – Теперь остановись, – шепотом приказал он и осторожно опустил в воду свое страшное орудие. Весь напрягшись, медленно двигал он острогу к рыбьей спине и вдруг, привстав, с силой вонзил её в глубину. Наколотая на острые зубцы, щучка бьется и хлещет хвостом, пытаясь вырваться, но заусенцы на концах держат крепко.

– Жестоко! – не удержался Гоша.

– А ты как хотел, это охота. Кидай в садок, пока в воду не упрыгала!

– Тихо, тихо! – вдруг живо зашептал Егор. – Кажись, тальмень! Смотри, спина светлая, словно хлебная булка, а головы не видно. Он ее в кусты спрятал, так ему спокойней спать.

Однако таймень сорвался, а может, вовремя очухался, в сторону увильнул. Но у ребят к утру уже было полное ведерко с сорожкой.

Художник из туманного Альбиона

В один из субботних дней у дома Дементьевых остановился молодой мужчина, обвешанный фотоаппаратами. Это был Станислав, пришедший навестить полюбившийся ему уголок за Хамиром.

– Иду на водопады, – объяснил он Петру Ивановичу, встретившему его у калитки. – Нравится мне ваша Большая Речка.

– Нам и самим она нравится, – согласился Петр Иванович, – живем на ней, видим каждый день, а не насмотримся. А как там Борис Васильевич поживает? Мы ж его ждем, он у нас, считай, каждый год с семьей отдыхает, иной раз полный отпуск проводит.

– Борис Васильевич? А он не приедет, он уволился.

– Как это? Он же не собирался уходить, и наоборот, говорил, что работает с удовольствием.

– Его уволили.

– Тошно мне! – всплеснула руками подошедшая Марфа. – Хорошего специалиста уволили! Его же и народ любил.

– Народ, действительно, любил, да вот директору не по нраву пришелся. Слишком честно работал, на приписки не шел.

– Вот оно как! – удивился Петр Иванович. – Значит, честно работать – это плохо?

– Выходит, что так. Начальству ведь надо план выполнять, а как – его не интересует. Давай, и все тут.

– Да, нам тут трудно разобраться, что и как, – перевел разговор на другую тему Петр Иванович. – А что бы вам не пожить у нас с недельку, тем более что наши места вам нравятся? Поговорили бы, вы бы нам рассказали про нашу историю.

– Спасибо за приглашение, я бы с удовольствием, но в моем распоряжении только пара дней. В понедельник мне надо на работу. А переночевать могу.

– Милости просим, – сказала Марфа, – интересному человеку мы всегда рады.

Вечером после чая, сидя вокруг большого стола, все ждали рассказа Зыряновского гостя.

– Станислав, я вот задаюсь вопросом: что привлекало путешественников в Зыряновск? – первым делом спросил Петр Иванович. – Ведь сколько их здесь перебивало!

– Да, действительно, в 19 веке Зыряновск был центром притяжения многих светил. Гумбольдт, Ледебур, Брем и множество наших отечественных ученых, в основном геологов. А почему именно к нам? А все очень просто. Приезжали ведь не только в Зыряновск, всех интересовали Кольвано-Воскресенские заводы с центром в Барнауле, где был центр технической и культурной жизни всей Западной Сибири. Петр Петрович Семенов, известный как Тянь-Шанский, назвал Барнаул сибирскими Афинами за то, что здесь была налажена жизнь европейского склада. Ехали, чтобы познакомиться с горным промыслом, с технически грамотными людьми, ну и, конечно, с природой Алтая.

– Наверное, в первую очередь интересовала именно природа, – вставил Петр Иванович.

– Да, конечно, вы правы. А что Барнаул, Риддер или Зыряновск, так здесь было удобно останавливаться и получать помощь в людях, в транспорте, да во всем чем угодно. Вы знаете, что поражает, если задуматься? То ли русское гостеприимство, то ли чинопоклонение, то ли заискивание перед иностранцами, но ведь почти все эти визитеры по приезду в Россию становились как бы на государственное обеспечение. Их бесплатно возили, охраняли, давая в сопровождение казаков и проводников. Их всюду принимали, как сейчас бы сказали, первые лица губерний, уездов, рудников и волостей. Да еще как принимали: задавали пиры и званые обеды! Невозможно себе представить, чтобы так принимали любого русского в Европе. Разве что царя. Вот как все это, Петр Иванович, понимать?

– Я думаю, что привечали ученых – это хорошо. Но ведь надо и меру знать! А расточительность – это русская дурь и отсталость.

– Вот именно. А, например, Гумбольдт, серьезный ученый, страдал от этих званых приемов и пиров в его честь, но увильнуть от них было невозможно.

– Да, но про кого же рассказать? – Станислав на минуту задумался. – Честно говоря, меня более всего когда-то поразило то, что в наших краях побывал Аль-

фред Брем. Я же вырос на его книгах и в детстве не расставался с томами «Жизни животных», даже перерисовывал замечательные рисунки из этой книги.

Но я расскажу, пожалуй, о самом необычном путешественнике, побывавшем у нас. Томас Витлам Аткинсон! Довольно странная и противоречивая личность, странствующий художник, подданный английской короны, совершивший гигантское семилетнее путешествие по России.

– Интересно, я ничего не слышал об этом человеке, – признался Петр Иванович. – Чем же он еще знаменит, кроме такого большого срока?

– Он известен в Англии и Соединенных Штатах Америки, где до сих пор издают его книги, а у нас о нем мало кто знает. До сих пор нет ни полного перевода на русский язык, ни издания его большой книги в двух томах. А почему – тут можно только гадать. Я, например, считаю, что к этому невольно приложил руку П. П. Семенов-Тянь-Шанский. А дело было так. Когда он вместе с Григорием Потаниным взялся писать книгу «Землеведение Азии по Карлу Риттеру», а если говорить проще, это географическое описание Сибири, то никак нельзя было обойтись без Аткинсона. Уж больно обширные путешествия он совершил по Алтаю и Киргизской степи, как тогда назывался Казахстан. Но Аткинсон не ученый, он в большой степени авантюрист, любящий еще и прихвастнуть. Естественно, Семенов с досадой написал, что Аткинсону верить нельзя, вот с тех пор в России и пошла нехорошая слава об этом англичанине.

– Ну а как сейчас к нему относятся у нас? – не удержался Петр Иванович.

– Пока мало что изменилось. Интереснейший материал, которым можно зачитываться, по-прежнему остается неизвестен русскому читателю, и это большая ошибка наших издателей и работников культуры. Кусками материал переведен, причем некачественно, но ведь книга заиграет, если ее перевести полностью, снабдив прекрасными иллюстрациями автора. А их множество. Я еще не сказал, что вместе с Томасом Аткинсоном путешествовала его жена, и она дополнила книгу мужа своим рассказом, который сделал ее еще лучше.

– Вы нас заинтриговали так, что хоть сейчас беги и ищи эту книгу.

– И не найдете. В 19 веке был сделан пересказ этой книги на русском языке, но эту книжку не найдешь даже в Национальной библиотеке в Алма-Ате.

– Ну, раз уж такая редкость, мы с нетерпением ждем вашего рассказа.

– Мой рассказ никак не может передать все содержание книги. Её надо читать в оригинале, как, например, читается «Робинзон Крузо» или «Путешествие Гулливера». Я могу только в общих чертах пояснить, о чем речь, и высказать свое видение автора книги. Так вот, у меня двойное отношение к Аткинсону, как к человеку в первую очередь. С одной стороны, я восхищаюсь его путешествиями, с другой – не испытываю особой симпатии к его личности. Во-первых, во всем его повествовании выглядывает банальное тщеславие, во-вторых, к нему он приплел вовсе не совершенные им маршруты, ну а в-третьих... Я скажу об этом позже, чтобы не испортить общее впечатление.

Какова же цель путешествий Аткинсона, трудных, порой опасных и столь длительных? Сам он пишет, что путешествовал для того, чтобы развеять худую славу о Сибири, ходившую в то время по Европе, но в это верится с трудом. Зачем англичанину, вовсе не ученому, Россия, Сибирь, Киргизские степи, как тогда называли Казахстан? Любознательность? Возможно. Желание познать неизведанное, проверить, испытать на себе то, о чем ходили нелепые слухи в Европе? Вполне

вероятно. Но ведь это не баран чихнул – проехать верхом, пройти пешком, проплыть в утлом челноке, и все это вместе десятки тысяч верст. Провести семь лет в чудовищных полевых условиях жары, холода, безводья и так далее – кому такое под силу, и стоила ли овчинка выделки?

Тщеславие – великая сила, вроде бы человеческий порок, а ведь оно заставляет людей творить, действовать, быть активными, деятельными. Аткинсон, ни много ни мало, взялся продолжить дело великого А. Гумбольдта в изучении неизведанной Азии. «Я проникну дальше знаменитого ученого в центр Азии!» Видимо, это был девиз Аткинсона, и он следовал ему все годы своего путешествия. Был он человеком небогатым, рано остался сиротой и сам прокладывал свой путь в жизни. Работал и каменщиком, научившись работать с акварелью, стал архитектором и художником. Встреча с Гумбольдтом стала переломным моментом в его жизни. Возможно, перспектива заработать на рисунках и картинах неизведанной страны побудила его приехать в Россию. Запасшись рекомендательным письмом самого царя, он отправился в путь и к лету 1847 года прибыл в Барнаул.

– Центр Кольвано-Воскресенских заводов, – вставил Петр Иванович.

– Совершенно верно. Отсюда он делал разъезды, в том числе через горы, в сопровождении приданных ему казаков прошел через горы из Риддера в Зыряновск.

– Интересно было бы прочитать, что он там написал про Зыряновск.

– Да, в Зыряновске он был дважды, но, к сожалению, живо описав горный переход, в том числе по долине Хамира, о поселке написал скупо. Дойдя до Большенарыма и далее до Зайсана, он повернул обратно. Зимой съездил в Петербург и вернулся с женой Люси, которая была моложе его почти на 30 лет. И самое интересное выяснилось совсем недавно, – продолжал Станислав, – оказалось, что в Англии у него осталась другая, первая жена.

– Вот так путешественник, – прокомментировал Петр Иванович, – ловкач. Попросту двоеженец.

– Да, это тот самый третий секрет, о котором приходится говорить. Но представьте себе, этот факт сыграл самую положительную роль для истории. Забегая вперед, скажу, что впоследствии рассказ Люси о путешествии дополнил книгу Аткинсона и не только украсил её, но, по мнению многих, она даже превзошла своего мужа в изложении всей этой истории. Никаких дневников она не вела, а издала письма, которые посылала с дороги своей подруге, а они были более правдивыми и зачастую интереснее, нежели повествование самого Аткинсона. Молодая жена оказалась верной ему помощницей, спортивной и закаленной, и главное – преданной. Она с готовностью соглашалась участвовать в самых нелепых и опасных поездках и маршрутах, придуманных её сумасбродным мужем. Трудно себе представить, как она, беременная, решилась отправиться в поездку на границу, где только что организовывался пограничный пункт. Поздняя осень, никаких дорог, неизведанный маршрут, и горстка людей верхом на лошадях пробирается через пустыню, наполненную разбойниками, в крохотное укрепление Копал. Никакого жилья, еще только роют землянки, а у Люси рождается сын. Оригиналы или чудачки, родители называют младенца по полюбившемуся источнику Алатау Тамчибулак. От всевозможных лишений умирают русские солдаты, и лишь заботливость русских офицеров спасает чету Аткинсонов, и они благополучно заканчивают эту свою авантюристическую одиссею.

– Поразительно все, что вы рассказываете, – не удивился, изумился Петр Иванович, – действительно, приходится только удивляться парадоксам жизни. Недаром говорят: «Нет худа без добра».

– Да, и от этого Алатау Тамчибулака пошли отпрыски, и сейчас это большой и всеми уважаемый семейный клан, разбросанный по всему миру. Но я продолжу о самом Томасе Аткинсоне. Слава живущего в Барнауле Ф. Геблера не давала ему покоя. Он сказал себе: «Я не только повторю его маршрут, я превзойду этого немца!»

– И это удалось ему? – спросил Роман, как и все остальные, включая Марфу, внимательно слушавший Станислава.

– Представьте себе, удалось, хотя об этом нигде никто не обмолвился. Я имею в виду ученых. Славы среди них он не заработал, а ведь он совершил восхождение на седло Белухи и сделал это на 50 лет раньше нашего В. Сапожникова. Не заметили этого и наши альпинисты и до сих пор об этом не знают.

– Да, это странно и обидно для него, – согласились и Степа, и Роман.

– После восхождения чета Аткинсонов через Зыряновск вернулась в Усть-Каменогорск и далее в Барнаул, где была основная база путешественников. В Зыряновске управляющий горный инженер Оларовский Эпиктет Павлович тепло встретил путешественников. Удивительно, но Аткинсон, не будучи ни геологом, ни горняком, описал водоотливное устройство шахты. Видимо, сказывалась его ранняя профессия; ведь в молодости он был каменщиком.

Дальше была целая эпопея, длившаяся более полугода, с экспедицией в Семиречье, о которой я уже вкратце упомянул. Но это уже была другая история, к нашим краям не имеющая отношения.

Этот англичанин, как и его жена Люси, не были лишены юмора. А забавные сценки виделись ими едва ли не на каждом шагу. Да это и понятно, ведь встречались люди с разной культурой, менталитетом и на разных ступенях развития. Люси рассказывает про двух русских мужичков, решивших для себя давно занимавший их вопрос: что же за напиток шампанское, что так любят их баре и платят за него баснословные деньги? Наверное, очень уж крепкое, вот бы попробовать! Заработав нужную сумму на золотом прииске, купили-таки бутылку барского вина, стоившую в тринадцать раз дороже водки. Долго не решались глотнуть, но, где наша не пропадала, обнялись на прощание, махом опрокинули в глотки и... удивленно уставились друг на друга: «Ну и дураки наши баре: платят бешеные деньги за воду!»

Сам Томас рассказывает о разговоре с неким султаном, который просил его походатайствовать перед царем о пожаловании ему медали. «Так я же сам чужеземец в России», – сказал ему Аткинсон. «Но ведь казаки слушаются тебя». «Слушаются, потому что царь дал мне такую бумагу с распоряжением слушаться». «Сколько же коней и баранов ты отдал за нее?» «Нисколько», – отвечал Аткинсон. «Этого не может быть, – не поверил султан. – Я за бумажку, которая несравненно меньше твоей, отдал в Аягузе пять верблюдов и пятьдесят лошадей. А сколько коней можешь купить ты за свою большую бумагу?» Сколько Аткинсон не уверял, что ему не дадут ни одной овцы, султан не поверил и продолжал упрашивать о ходатайствовании медали.

Другой султан пробовал торговать у Аткинсона его жену, говоря: «Я тебе дам за нее табун лошадей и много женщин и девушек, в проигрыше не будешь».

Сама Люси, наблюдая, как на богатых киргизских тоях женщин не допускают к достархану, и они, стоя за своими мужьями, ловят бросаемые из-за спин кости, решила отомстить баям. Устроила богатое угощение, пригласив одних женщин. Когда же пришли мужчины, прогнала их, посмеявшись над ними и укоряя. Что чувствовали «венцы природы» героини-джигиты, можно догадаться.

– А рисунки его сохранились?

– Рисунков сохранилось много, рисовальщик он был замечательный. Правда и тут надо сделать оговорку: в одних картинах он намеренно фантазировал и искажал реальность, в других был точен и показал себя мастером дела. И тут надо опять вспомнить П. Семенова: в своих замечательных томах «Живописной России» он использовал его рисунки, но нигде не указал авторство, что не делает ему чести. Много рисовал он и в окрестностях Зырянска, но эти рисунки трудно выделить из общей массы картин Алтая. Рисовал он Бухтарму, Иртыш, тайгу, животных, людей, и есть два неопознанных рисунка, в которых я подозреваю авторство Аткинсона. Это очень хорошие картинки перевозки зырянской руды на Верхнюю пристань на Иртыше и рисунок тарантаса по горной дороге, где явно угадывается нынешний Осиновый перевал.

Лесные колдуны

У Петра Ивановича был принцип в работе: кончил дело – гуляй смело. Рома и Степа знали это и потому рассчитывали после сдачи экзаменов в школе хорошо отдохнуть. Оба: отец и мать были не прочь отпустить сыновей на несколько дней в давно задуманный ими поход на белки. Егорка и Агафон тоже отпросились, и Роман, напирая на допотопные местные слова, шутливо их строго допрашивал, особенно малолетку Гошу:

– Ты, я вижу, подчимбарился. Чирки, онучи есть? Мамка затирухи на дорогу насушила, шанежек напекла? А картошки? Все есть? А ну как на подножный корм придется перейти!

– Да ладно тебе, слишком умный стал. Говоришь какую-то ерунду. Я вот теплой травы на дорогу нарвал, – огрызнулся Агафон.

– Это еще что за трава?

– Такая, что положишь в сапоги, тепло и ноги не натрешь.

У Егорки своя забота:

– Ноги, оно, конечно, важно. Мне мамка от комаров в сумку тоже какой-то травы положила. Пахнет хорошо, а будет ли толк – не знаю. Ух, злющие они сейчас.

Сумки – это холщовые мешки, подвязанные лямками, как у рюкзаков. Разъезженная лесовозная дорога вьется меж лесистых гор вдоль сверкающего студеными водами Хамира. Колея, рытвины, торчащие валуны, ямы и лужи такие, что если ненароком попадешь, окунешься едва ли не по пояс в грязную воду. Ходят по ним страшные КраЗы-лесовозы. Подметая дорогу, тащат хлысты – целые пихты от самого комеля до макушки, а за ними тянутся облака пыли, и сами железные чудища окутаны непробиваемым грязным облаком. Но даже эти ужасы цивилизации не могут заслонить красоту лесного края. Через шумные речушки Громотушки и Быструшки мостков нет, но Тегерек – это уже серьезная река, не уступающая по водности самому Хамиру, а может, и превосходящая его по мощи. Странные

здесь названия, часть из которых явно джунгарского, ойратского, калмыцкого происхождения: Тегерек, Тургусун да и сама Бухтарма. Другие – русского, и в том числе Масляхи и Маслянки. «Маслянки – это от того, что земля наша, чернозем, такая добрая да жирная, что кажется, будто по речкам плывут масляные пятна», – объясняла Марфа.

Рано или поздно пыльная дорога кончается, и дальше путь идет через лесные дебри. Бредешь, проламываясь сквозь травяную чащу, будто пловец, разгребаясь в стороны бурьянные космы. Не видя под собой земли и делая шаг, осторожно ставишь ногу, в любую минуту ожидая, что провалишься куда-нибудь в тартарары, и думаешь: когда же кончится весь этот зеленый ад? Чертыхаешься, сердиться, спотыкаясь, а иногда и падая в какую-нибудь промоину или споткнувшись о камень или корягу. Бывает, растянешься во весь рост, попав в травяную петлю из ежевики, да и другие травы могут устроить ловушку. Иной раз проклянешь это продираание сквозь травяную стену и вдруг... что это? Неожиданно выскочит бурундучишка, с любопытством оглянет да и даст стрекача, стремглав взвившись на макушку рябины. Зверек кроха, а чудесное видение, что бальзам на душу. И куда делось все недовольство на чертоломину под ногами, забудешь обо всех буераках и с умилением глядишь на рожицу симпатичного зверька. А он еще и не торопится исчезать, а продолжает одаривать случайного путника своим лучезарным взглядом.

Был конец июня, кричали кукушки, пели соловьи, но уже без того азарта, что бывает у них в начале месяца. С веток ивы на голову падали капли личинок пенниц, паутина цеплялась, липнув к лицу. Истошно кричали слетки воронята и карагуши – черного цвета лесные сарычи. В кронах берез щебетали синицы. А то еще встретится рябчик. Невидимый в густой пихтовой хвое, лесной петушок вдруг громко встрепыхнется, а для чего выдает себя – загадка.

Егор сердито прокомментировал:

– Смеется над нами, да еще и в ладоши хлопает.

– Чего ж тут не понять, – отозвался Роман. – Рябчик подает сигнал тревоги.

Сам спасся, предупреди остальных. А они всегда стайкой.

– Роман, а что у нас на ужин?

– Рябчиков не будет, хлёбово наварганим с картошкой. А вы, я вижу, на курятинку засматриваетесь. Рябчик-то, он сладкий, мясо нежное. Совсем не то что у косача – сухое, на зубах в толокно растирается.

Агафон не согласился:

– А бабушка говорит, что самое полезительное белое-то мясо, косачиное.

– Да что уж там рассуждать, нет у нас ни того, ни другого.

Изнывая от жары и обливаясь потом, все мечтали о вечернем костре, когда в прохладе можно будет отдохнуть и вдоволь напиться чаю. Наконец солнце опустилось так низко, что лучи еле пробивались сквозь мохнатые ветви пихт. Пора было подумать о ночлеге. Осмотрелись: кругом простиралась кочковатая болотистая низина с торчащими кое-где островками пихт. Не слишком удобное место для бивуака, но приходилось торопиться: все назойливее и смелее гудели комары. В поисках более-менее сухого местечка ребята долго прыгали с кочки на кочку, а под ногами все чавкала болотистая жижа и блестели лужицы застоявшейся воды. Пересекая все болото, наискось шли глубокие вмятины – крупные следы острых копыт. Как видно, сюда частенько наведывались лоси.

А комары все подгоняли. Наконец выбрались на пригорок, который можно было бы назвать лысым. Когда-то здесь бушевал лесной пожар, и теперь остовы обгоревших деревьев торчали черными головешками.

– Невеселая картина, – произнес Степа, – а главное, место очень уж комариное.

Уже почти стемнело, когда стали располагаться на ночлег. Степа с Егоркой пошли за водой, гремя кастрюлькой, бьющей по высоким стеблям таволги и караганы. Свет от костра освещал большой круг со стенами из диких трав, главными в которых были борщевики с зонтиками, торчащими выше головы. Небо уже давно потемнело, одна за другой загорались звездочки, лес вокруг казался не столько черным, сколько лиловым и даже с синим оттенком.

Роман подкинул в костер большой сук от засохшей пихты. Дым повалил клубами, но тут пламя вспыхнуло с новой силой и осветило возвращавшихся с водой ребят.

– Вот ведь как бывает, – начал рассказывать Гоша, – только присел, чтобы набрать воды, как чувствую, будто дыхнуло на меня ветром. Я и понять ничего не мог, как кто-то вцепился мне в волосы. Вот страху-то!

– Однако, лешак тебя за чуб сцапал, – иронично заметил Роман. – Знает же кого хватать.

– У него рыжина даже в темноте светится, – поддакнул Степа, – я же рядом стоял, все видел.

– Лешак, лешак, – беззлобно огрызнулся Егорка, – никакой не лешак, а дрозд это был. Вот ведь дурень, сослепу не разглядел, решил приземлиться мне на голову.

– Голова-то сухая осталась? – насмешливо спросил Агафон. – Дрозды они ведь такие пачкуны. Так обдаст, что не отмоешься.

– Это они с вами так поступают, а мой дрозд сам перепугался больше, чем я, – ответил Егор. – Взвизгнул от страха, да поскорее драпанул.

Роман колдовал над кастрюлькой, Степа таскал сучья, подкидывал их в огонь, а Егорка лежал на траве, растянувшись во всю длину, смотрел на огонь, красные языки которого пожирали дрова.

Но комары, комары... отмахиваясь от несносных насекомых, все сгрудились вокруг костра, но и тут было не слишком комфортно – дым разъедал глаза.

Напившись чаю, все заторопились забраться в самодельную палатку, сшитую коллективно из клеенок и простыней.

Даже сквозь тряпичные стены было слышно, как зло и натужно ныли таежные мучители, пытаясь пробиться в любую щелку. Утомленные, все лежали на пихтовых лапах, прислушиваясь к звукам извне. Странно звучала эта музыка ночи. Наплывая, она громко охала и стонала, откатываясь, замирала и становилась еле слышной. Уже с лентой щелкали соловьи, где-то в стороне заунывно трещал козодой. Далекие крики кукушек, сливаясь в один общий гул, отражались в глухой стене хвойного леса и звучали то ли как гулкое эхо, то ли как протяжный надрывный стон. И вдруг в этот ритмичный и негромкий хор ворвался резкий, трескучий звук. Какое-то механическое дребезжание, словно по гигантской струне провели большой деревянной гребенкой: «Вж-ж-ж!»

– Дрозд, – определил Агафон, – только он так кричит трескучим, противным голосом.

– Скажешь тоже! – не согласился Егор. – Если бы это был дрозд, то величиной он должен быть не меньше хорошей утки! Голосок-то о-го-го!

Сквозь марлевое окошко было видно, как черной тенью в ночном небе пронеслась крупная птица и уселась на пенек. Силуэтом четко рисовалось короткое туловище и длинный клюв. Птица встрепенулась и оглушительно заверещала, затрещала, словно дребезжа расщепленным деревом. Загадочный лесной колдун.

– Явно кулик, – свое слово сказал Роман. – Бекас или дупель, а вот какой именно, не знаю.

Птица помолчала, потом снова раздались оглушительные скрежещущие, скрипучие звуки: «Чжив-чжив-чжив!»

Птица взмыла вверх, откуда-то со стороны показалась другая. С новой силой теперь уже дуэтом завизжали, затрещали дьявольские, оглушительные трели. К первым двум присоединялись все новые и новые птицы. Начался какой-то колдовской лесной концерт. Дребезжание, скрипы, жужжание, и все на разные голоса. Что творилось за палаткой? Огромными летучими мышами то ли дупели, то ли бекасы взмывали вверх, а потом с вибрирующим воем реактивного снаряда пикировали вниз. Одни носились в воздухе, другие, опустившись в кусты, продолжали кричать на земле, и эти трескучие, сверлящие звуки напоминали то ли трескотню аиста клювом, то ли трели озерных лягух. Стояла глухая ночь, во мраке пихт и кустов уже не видно было ничего, а представление продолжалось.

Оглушенные и искусанные несносными кровопийцами, напрасно ребята всматривались в темноту, желая хотя бы еще раз узреть на фоне звездного неба длинноклювый силуэт ночного колдуна. Не птичьи, а какие-то механически-колдовские звуки доносились из темноты. В этой какофонии очень громких и необычных ночных звуков едва прослушивались отдаленные голоса кукушек. Охрипнув за день, они уже не куковали, а хохотали голосами истериков: «Ку-ку... Ха-ха-ха!»

Долго ли, нет, продолжалась, то затихая, то возобновляясь, эта чертовская лесная музыка, потом все смолкло, дав путешественникам вздремнуть.

Как говорится, в июне заря с зарею сходятся. Стало рассветать, снова запели соловьи и закричали кукушки. Выглянуло солнце, и уже ничто не напоминало о ночном разгуле длинноносых лесных существ.

Продолжение следует.

